

83.3(2 FOC = Алт)

X 981

Алтай Республиканын үредү ле билим Министерствозы
С. С. Суразаковтын адыла адалган Алтаистиканын Институды
Горно-Алтайсктын государственнй университеди

СӨСТИН ЈУРУКЧЫЗЫ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

-А3116-ДПХР
83.3(2Рос=Алт)
Х981

Художник слова = Сос
тин журукчызы
2002 50р.

0 3. 2754—90

Алтай Республиканың үредү ле билим Министерствозы
С. С. Суразаковтың адыла адалган Алтаистиканың Институды
Горно-Алтайсктың государственнь университетеди

Сөстунг журукчызы

г. ГОРНО-АЛТАЙСК, 2002

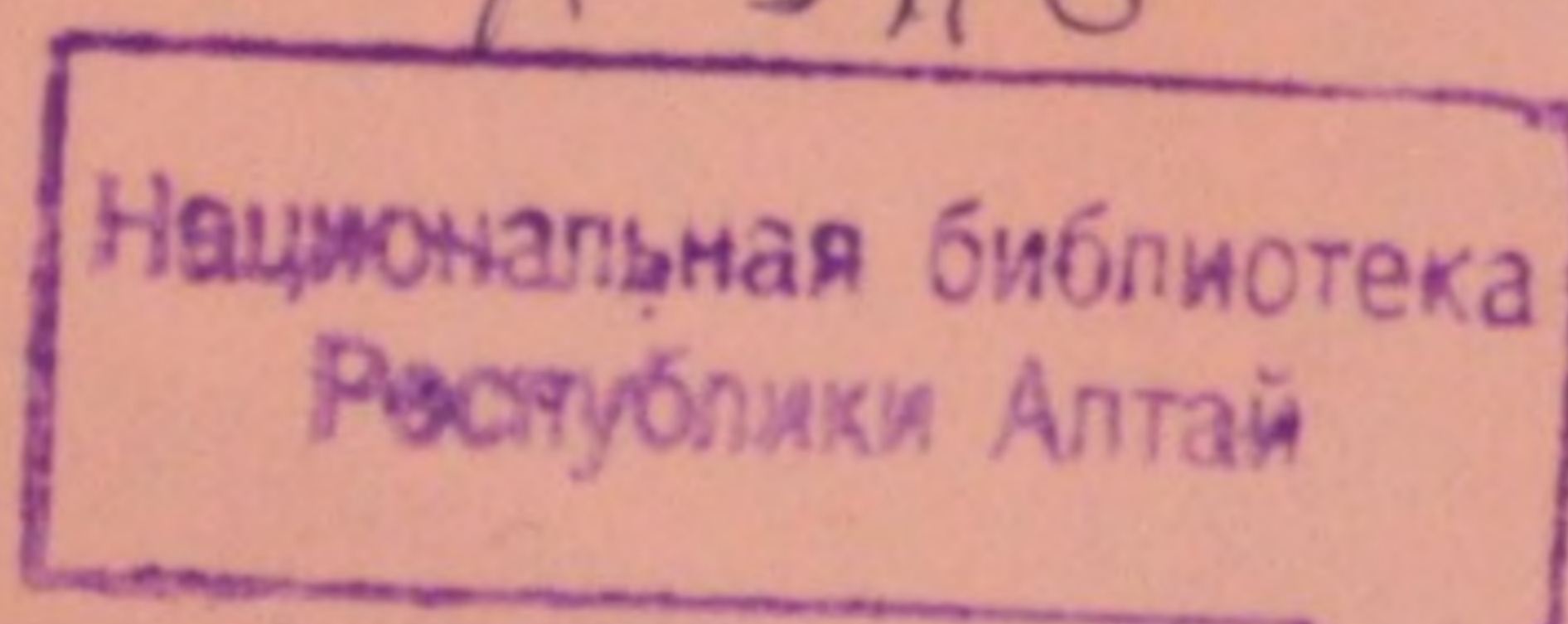
ББК 83.3(2РОС-АЛТ) 6-8 Качыш
К 412 X 981

Сөстин журукчызы (J. Б. Каинчиннинг чүмделгезине
учурлалган бичимелдер)

Тургузаачылар: Н. М. Киндикова,
филология билимдердинг кандиды, доцент
А. С. Шокишланова

Алтай Республиканын Эксперт Совединде жөптөлгөн

A 3116 ✓

© Министерство образования и науки
Республики Алтай

5-СД-02

БАЖАЛЫКТАР

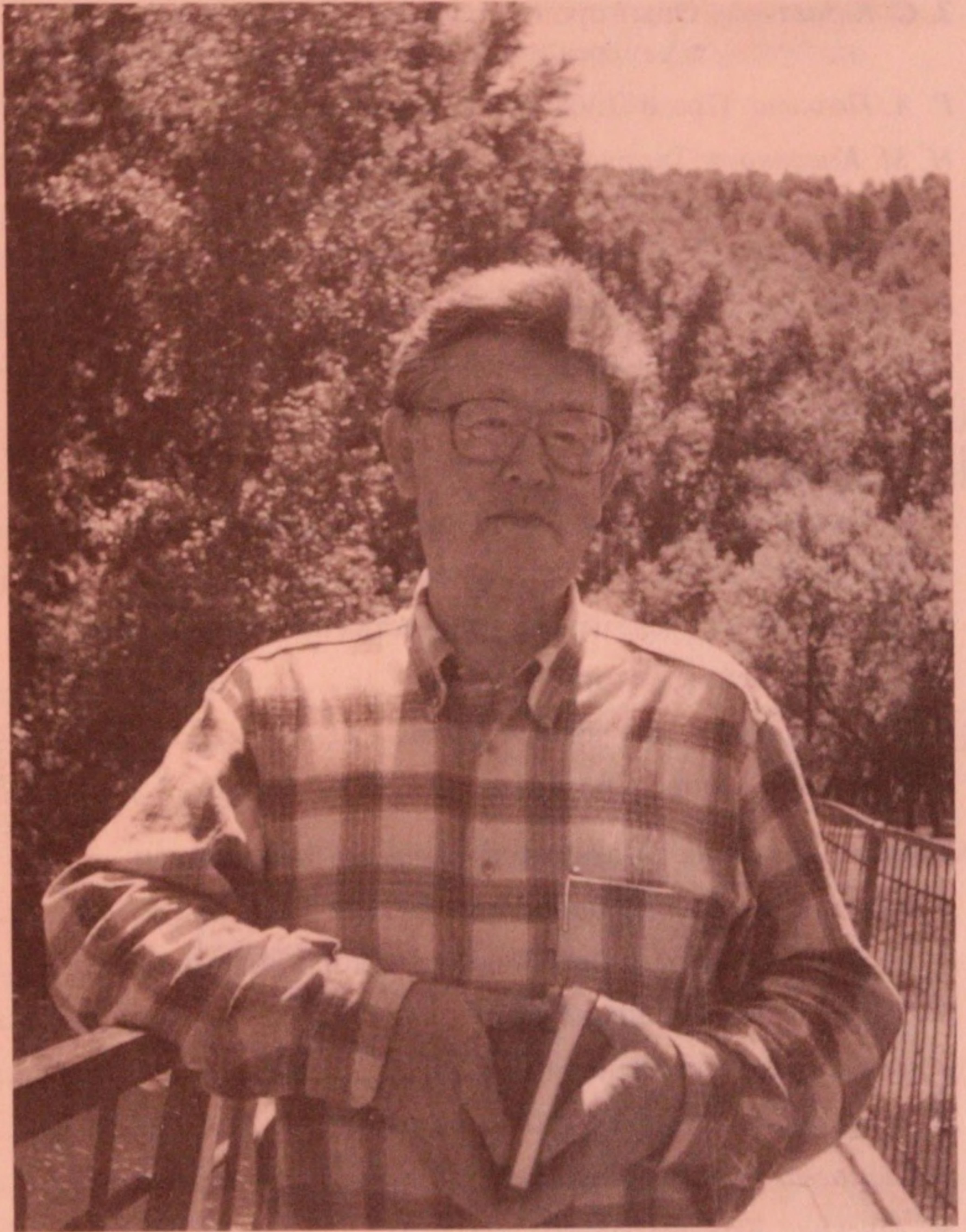
Кире сӧс 5

I. Шинжүчилердин ле бичиичилердин бичимелдери

- З. С. Казагачева.* Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций 6
- Р. А. Палкина.* Проза Дибаша Каинчина 21
- Н. М. Киндикова.* Творчество Д. Каинчина: итоги последнего десятилетия 44
- С. Н. Тарбанакова.* Национальный характер в драматургии 52
- Р. А. Палкина.* Пепел звезд 57
- Н. М. Киндикова.* Сӧстин журукчызы 62
- К. Ф. Антошин.** Накануне подъема 76
- В. И. Чичинов.** Певец алтайского села 83
- Л. П. Якимова.* Люди одной долины 86
- И. Прохорова.* Верность родной земле 90
- Ю. В. Антропов.* В чем истоки творчества настоящего писателя 94
- Е. Г. Гуцин.* Земля, которой он верен 101
- К. Ч. Тӧлӧсов.** Аттарыс жангыс чакыда 103
- Г. К. Елемова.* Слово о писателе 111

II. Аспиранттардын ла студенттердин ченелте бичимелдери

- А. Тихонова.* Ыбаш Каинчиннин телекейи 114
- А. Семенкина.* Прозаиктин чӱмдемелдерин кычырып... 117
- В. Самин.* Кинчеги бойына једер 123
- В. Итушев.* Јерлеш бичиичиге сӧзим 125
- Л. Торбогошева.* «Адалар јолын» кычырып... 129
- С. Сарлаева.* «Адалар јолы» деп повестьте фольклордын учуры 133
- М. Мискина.* Кӧчӱрмелердин анғылузы 138
- Т. Чалчикова.* Кер-беенин сӱр-кебери 142
- Э. Кучумеев.* Антропонимы в произведениях Д. Б. Каинчина 145
- Библиография (Составитель *Л. Т. Баитыкова*) 148

КИРЕ СӨС

Алтай кижиси толун жазсын он эки жылдыг базсында тем-
дектейт. Жылы киргенде, кижиси ажарулу, Алтай кудайына ал-
кыш-быйанду жүрет. Чыккан жерине анданганы база учурлу. Ол
тушта кижиси жүрүмүндө кандый да жедимдерге жединер, салымы
жараш жайалар.

Жыбаш Бөрүкович Каинчин төртөн сегиз жазсын Москвада
темдектенетир. 1988 жылда оныг жайаан ижсин Россия бичи-
чилериниг биригүзүндө шүүжисин көргөн. Сөс айткан улус — би-
чиичилер, шигжисүчилер — Жыбаш Каинчининиг прозазын бийик
баалаган. Бу жагжыгуны улалта жербойынын шигжисүчилери
Ж. Каинчининиг чүмделгезин ончо жанынаг шигдегендер. Бүгүн
ол жагыс ла жарлу, жакшынак прозаик эмес, драматург ла көчүре-
ечи деп темдектелет.

1998 жылда Жыбаш Бөрүкович алтай жагла бойынын жылына
кирген. Оныг толун жазсыла колбой, кичү изү айдыг 23-чи күни-
де литературалык кычырыштар өткүрилген. Куучында лите-
ратура ла тил шигдеечилер, бичиичилер ле үредүчилер, сту-
денттер ле үренчиктер турушты. Бу жуунтыга олардын
жетирүлери кирген.

Бичикке анайда ок Ж. Б. Каинчининиг чүмделгезине учурлал-
ган бичиичилер ле журналисттердинг бичимелдери салынат.
Айдарда, мында бичиичиниг чүмделгези керегинде, су-алтай
кылык-жанду сүр-кеберлер ле калганчы ачылталар аайынча куу-
чын өдөр. Ого коштой жаан ажару бичиичиниг көчүриштерине
учурлалат. Жуунты алтай литератураныг үредүчилерине,
ГАГУ-нын алтай бөлүгиниг үренечилерине, школдын үренчик-
терине тузалу.

*З. С. Казагачева,
кандидат филологических наук*

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ПРОЗЫ Д. КАИНЧИНА В РАКУРСЕ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Так озаглавив статью, автор не стала следовать общепринятому правилу дать обстоятельную или хотя бы обобщенно-перечислительную информацию о всей прозе Д. Каинчина. Напрашивается серия статей. Для начала сделана попытка сосредоточиться на первом сборнике прозы писателя, более того, лишь на одном из произведений — «Поездка Каака, (ездящего) на коне Калтар...»

В 1969 году горно-алтайским книжным издательством был издан первый сборник прозы алтайского писателя Д. Каинчина «Люди одной земли» («Јангыс јердин улузы»). Вся книга была обозначена особым пристрастием автора к людям деревни, к их внешне неприметному труду, заботам, тревогам и радостям. Писатель уверенными мазками заявил о своем художественном мире, нацеленном на нравственные ориентиры общества. Так, рассказ «Следы на пашне» («Кырада истер») посвящен первым самостоятельным шагам юноши, преодолению собственных слабостей, познанию подлинных ценностей жизни и утверждению таким образом своей значимости в жизни. В другом рассказе — «Талкан» — автор обращает внимание на иную жизненную ситуацию: его герой — выходец из деревни, человек с устоявшимися привычками городского жителя. И, кажется, живет он, не испытывая тяги к сельской жизни, к землякам. Но с годами он все чаще находится в состоянии ностальгии по родным местам, душевного дискомфорта от того, что сын не знает материнского языка, не может общаться с родной бабушкой. Автор обращается к очень жгучим вопросам, переживаемым алтайской общественностью в 50—60-ые годы. Это было время сужения родного языка во многих сферах общественной жизни, в том числе и в системе народного образования. В от-

четах официальных органов как достижения в области образования и культуры непременно указывался процентный показатель алтайцев, признавших родным русский язык. А Постановление партии и Совета Министров СССР об экономических преобразованиях по укрупнению колхозов и совхозов привело к тому, что вмиг исчезли с лица земли так называемые «неперспективные села», а вместе с ними и начальные школы, в которых обучение велось на родном языке.

В своих рассказах писатель интересен читателям не столько сюжетами, сколько образами людей, их душевным состоянием, в которых сконцентрировано чувство времени. Именно таким образом он стремится выразить свое отношение ко многим значимым явлениям в жизни народа.

Итак, мы предлагаем свои размышления по названному выше произведению. На первый взгляд оно, т.е. произведение, предполагает повествование событийного характера, где все сконцентрировано вокруг одного героя, одного события и в пределах одного дня и вроде бы вокруг одной нравственной ситуации. Но по мере чтения эта ограниченность нами совершенно не ощущается. Наоборот, емко, без натуги, органично, как само дыхание, мы впитываемся судьбами целого поколения людей, историей деревни со времени ее основания со всеми драматическими коллизиями и этико-нравственными устоями. Автор избегает присущего для алтайской литературы недавних лет канона хронологически последовательного повествования. У него эта логически непрерывная линия развития восполняется ассоциативными связями, внутренними монологами, что вызывает у читателя сходные реминисценции из собственной жизни и таким образом побуждается активное восприятие того, о чем пишет автор.

Сжато, вместе с тем с какой-то располагающей обстоятельностью писатель представил своеобразную прелюдию: как обычно было. А было, оказывается, так. В тот самый момент, как начинает светлеть темное пятно окна, как мимо избушки в сторону реки с гулким топотом промчатся колхозные кони, в это самое время Каака со словами «Ну, хватит, жена» ставит пиалу на край стола и начинает медленно подниматься с места. Не спеша, держась за кро-

вать, прислушиваясь к своим костям—чтобы без хруста, чтобы без боли— он разгибает ноги, спину, потом неторопливо и основательно одевается и выходит на улицу. Направляется он в конец деревни, к загону коней, и там, в остывшей за ночь избушке, топит бочку, пристроенную вместо печи. Первым появляется Узун Микитка (Длинный Микитка). Вся-то биография откуда-то появившегося в деревне русского мужика состояла из его с акцентом сказанных слов «акаш чапкан» (лес рубил) и в Германии, и в Японии, и в Архангельске, и в других местах. Нетрудно догадаться, какая судьбина ему выпала: война, плен, ссылки, поселения. А здесь — грабли, вилы, починка телег, саней, неказистой мебели сельчан— все дело его рук.

Постепенно жарко натопленная избушка наполняется постоянными для этого времени посетителями. Как всегда разговоры и споры ведутся о лошадях — о родословной каждого, о масти, шаге, повадках, кличках и т. п. В другом углу скучились «узун эдекту улус» (букв. «люди, с длинными подолами»), у них разговор — о коровах, телках, быках. Завершаются шумные споры появлением бригадира Мыкыша и заданием работы на день. Все это время Каака сидит позади всех, где-то в уголочке, неслышный, невидимый, ни слова не проронив, будто его здесь и нет. Выходит он из избы после всех и направляется к загону. Конь Калтар, заметив его издали, удаляется в самую середину загона и, прижав уши, прячет голову по самое брюхо серого коня. Каака накидывает недоуздок, обтирает досуха спину коня. «Ну, что, Калтар, — обращается он к своему другу, — поди голодный в такой холод. Поел овса или тебя опять другие кони оттеснили? Ну, ну, ничего».

Мы обнаруживаем, что молчаливый герой повествования постоянно ведет «разговор». Иногда вслух, как в случае с конем, а больше про себя. По дороге домой он вспоминает о перипетиях покупки своего коня. Он весь погружен в себя, не замечает шума-гама детей, тарахтения трактора, суету доярок. Он идет по ровной-ровной улице, по обе стороны ее стоят новые-преновые дома, все больше о четырех и более комнат, усадьбы с новыми банями, сарайками, огороженные новым штакетником. Колонки, насаждения деревьев, ягодных кустарников... возле одного из таких до-

мов Каака всегда останавливается. «Дом, совсем нетронутый солнцем, все еще исходит запахом древесной смолы и мха. Бревна ровные-ровные, не угадать, где у дерева было основание, а где верх, и так плотно сложены, что и для иглы щель не найти. Окна большие-большие, углы дома прямые-прямые, шиферная крыша на загляденье ладно пригнана. Стоит этот дом горделиво – прочно, радостно-зовуще. Такого славно построенного дома не найти во всем районе. Особенно он прекрасен в ночное время: огороженная штакетом, будто из желтой меди, побеленные углы и основание, крыша будто с неба приспущенная, выделяют дом необыкновенной строгой красотой. Люди же такую красоту воспринимают просто как данность, «иначе и не могло быть, ведь дом-то срубил Каака!».

Вслед за героем мы приближаемся к центру деревни, улицы пошли вкривь-вкось, избы с позеленевшими от старости покрытиями, а городьба — из жердей. Местами рядом с избушкой стоит юрта с дверями на восток — тоже свидетельство времени. А кое-где совсем маленькие «с пиалу» избы. Вот в одну из таких изб входит Каака... Когда после долгого отсутствия он появляется в дверях, его конь дернет головой, очнувшись от полудремы и заночует его сердце: «Теперь куда же?... если на водопой — хорошо. Калак, калак, поди опять в гору, и там, увязая в сугробах, продираясь сквозь колючие кустарники, запинаясь о невидимые валежники... Только не это. А если в сторону районного центра? Нет, нет, это еще хуже, двадцать верст по скользкой дороге... потом у какого-нибудь плетня мерзнуть...» (3, с. 18. Здесь и далее перевод наш — З. К.).

Каака кладет на спину коня потник, набрасывает дошедшее до полного износа отцовское седло. Калтар же весь напрягается. Раздувает живот. Оба, конь и хозяин, испытывают друг друга: кто кого перетерпит. Наконец, конь испустил остатки воздуха и брюхо его опустилось. Каака тут же покрепче затягивает подпруги и, сказав «Давно бы так», ведет коня к воротцам, ведущим на водопой.

Такова у героя повседневность с размеренно-устоявшимися действиями, поведением и кругом общения. В ней, как видим, и люди, и домашний скот на равных задействованы и взаимосвязаны.

И этот устоявшийся ритм жизни вдруг нарушается: Каака едет к чабану Суркашу, чтобы от него, депутата, побывавшего в очередной раз в Москве, узнать что-нибудь о своем внуке Бердене. Из всего повествования через вещи, предметы и еще по каким-то, как бы мимоходом замеченным деталям складывается жизнь Каака: у него было восемь детей, семеро умерли в детстве, лишь сын Тодор погиб на войне. Однажды Каака узнает, что мальчик, который родился у Сары — это ребенок от Тодора. Жизнь для Каака приобретает смысл: на земле осталась живая нить от сына, а значит и от него. Мальчик часто прибегал в избушку Каака. Но с возрастом и от постоянных наказаний отчима он перестал бывать у бабушки, а повзрослев, едва его замечал. Но все равно он для Каака — свет его глаз, питательная кровь его сердца...

Перед выездом из села Каака едет в сторону сельпо, чтобы купить гостинцы. Он подолгу любуется маленьким аккуратным домиком, в котором находится сельский магазин. Каака знает, что этот домик был перевезен с заимки купца Акопова, того самого, что подарил его отцу, взамен бычка, первую в округе пилу. И хотя домик наполовину ушел в землю, но все еще радовал глаз ровными как на подбор листовыми, почерневшими от времени бревнами, прямыми, будто слитыми, углами. «Кто его срубил? Когда срубил?!» — каждый раз спрашивал Каака, чувствуя какое-то душевное родство с тем далеким, сродни ему, мастером-строителем.

Так по пути следования героя повествования мы вместе с ним натыкаемся на вещи, предметы, очертания окружающего ландшафта, и в них оживает перед нами собирательная память народа. Вот Калтар, неожиданно проявив прыть, помчался в сторону от дороги, и Каака оказался возле поскотины. И снова на какое-то время он оказался в плену видений. Здесь с лета до глубокой осени Каака работал сторожем, охранял посевы от потравы. С утра до позднего вечера стоял он, перевесившись на прясло, открывая и закрывая проход. Мимо проносились мотоциклы, машины, трактора, люди пешие и конные, коровы, овцы. А переезд бригады на другое место? Ни с чем не сравнить — то ли ураган, то ли оголтелое войско в состоянии атаки! И последнее видение: первые холода, время кочевки чабанов на зимовье. Кони, навьюченные нехитрым скарбом, теле-

га, по обе стороны которой свесились, как чертенята, самое меньшее пять-восемь детишек.

Автор постепенно погружает нас в мир людей с устоявшимися циклами жизни. Шаг за шагом, по крупицам автор ведет нас к узнаванию своего героя... Каака очнулся от своих воспоминаний в тот самый момент, когда конь его, одолев наледь коварной в зимнюю пору речушки, выбрался на берег. И вдруг его сердце встрепенулось, он соскочил с саней, барахтаясь в снегу, встал на ноги и снял шапку. Он узнал Марчалу! Склоны родовой тайги и стекающие по ложбинам речки. Его алтай, где он родился-появился! И снова ретроспекция: детство, отец-умелец на все руки. До сих пор у сельчан сохранились добротные узорчатые сундуки, лари из кедрового дерева, воздушные пиалы из березовых наростов, тепши и прочая домашняя утварь. Еще год назад комсомольцы собирали по деревне все это для показа на выставках, фестивалях. И как будто вчера было: чуть склоненная фигура отца, его лицо, обращенное к восходу солнца, его голос: «На этом алтае я оставляю пять крепких сыновей, три дойные коровы, один косяк коней. Надеюсь, не иссякнет наш род на этом белом свете, не разрушится наш каменный очаг, не остынет в нем мягкая зола» (3, с. 33).

Каака пристально оглядывает до боли знакомые места. Вот здесь еще в прошлом году стояла коновязь. Почти «обглоданная» на щепки проходящим людом, но стояла. Теперь и след не остался. Вот горка, на которой он с братьями играл в бабки. Братья... Каака успел скрыться в арале и оттуда видел, как изрубили их на смерть. То ли белые, то ли красные. Четыре здоровенных парня! В один миг их не стало... Неожиданно разжались губы Каака: «А от тебя что останется на белом свете? Ничего. Будто и не был... Нет, нет! А Берден?!» (3, с. 34).

Лейтмотив повествования «Что от меня на земле останется?» постепенно начинает все явственнее звучать и достигает кульминационной точки в эпизоде пребывания героя на перевале Салгандык. Мы вчитываемся в великолепные строки, в них каждое слово рождает образ гор, затрагивая самые чувствительные струны нашей души, оживляя в нас то радостно-возвышенное состояние, которое испытываем в минуты пребывания на святынях Алтая — перевалах. «Под куполом синего неба вытянулись цепи горных

отрогов. Покрытые льдом и снегом, они высятся суровые, недоступные. Вздрыбленные горные хребты то сближаясь, то, будто с разгону налетая друг на друга, разбегаются в разные стороны. И словно наперегонки, змейчато извиваясь, они, невесомые, плывут и теряются в мареве дымчатой дали» (3, с. 37).

Мы узнаем, что Каака много раз бывал на этом перевале. И каждый раз он брал с собой јалама (ленточки), чтобы привязать на священном дереве, чтобы умилоствить таким образом хозяев гор. Какие слова говорят при этом, он не помнит... На этот раз герой, забыв о јалама, опомнился лишь на перевале. Он сошел с саней и молча поклонился горам всех четырех сторон света.

Автор не стал вкладывать в уста своего героя слова благопожеланий, которые алтайцы импровизируют в подобных ситуациях. Действительно, а что важнее? Слова или чувство и действие от него исходящее? Писатель правдив во всех проявлениях своего времени. Казалось бы, незначительный штрих — герой не помнит слова и какие-то поведенческие детали, но непреклонен в соблюдении обычая предков, причем в соблюдении по-своему, как ему подсказывает его собственное наитие. И это последнее, на наш взгляд, содержит в себе неимоверно емкую значимость. У народа при всех его потерях и новых обретениях есть нечто такое, неизменное, что составляет стержень его бытия и духа, и от него, от этого состояния, исходят и уклад, и выработанные на протяжении веков этико-нравственные нормы его жизни. И автор в поступках, в душевных порывах героя утверждает основу жизни своего народа: в каждом алтайце живет первородное ощущение собственной вторичности по отношению к Природе. От того в нем сильно, неистребимо и постоянно присутствует благоговейное чувство к ней, Природе, и в то же время — благоговейный страх перед ее тайнами и всесилием.

Но не только в этом заключается момент наивысшего напряжения в развитии действия данного художественного произведения. Писатель обращается к извечной философской теме: что есть жизнь и смерть человека? Обратимся к дальнейшей интерпретации рассказа Д. Каинчина.

Итак, Каака на перевале. Он оглянулся в сторону, откуда ехал. И вдруг его взор споткнулся на что-то новое: за присевшими с вы-

соты горами, там, где обычно среди леса виднелась, будто разлитое молоко, чистина, появилось черное пятно. Еще года два назад этого пятна не было. Что это? Вгляделся. Да это же его деревня!!! Каака, ошеломленный, всматривался в очертания разросшейся родной деревни. И снова его охватила за последнее время все чаще и чаще тревожно накатывающаяся боль-печаль. «А что от меня остается на этом свете? И все-таки в этом чернеющем пятне есть с ноготок да мое. Вот это от меня, наверное, и остается».

Удивительно тонкий, сообразно народной поэтике прием: вершинный перевал как символ вершинной сути человеческого бытия. С высоты своего возраста герой рассказа с тревожной остротой оглядывает прожитые свои годы. В его размышлениях пульсируют мысли о жизни и смерти. Есть ли это только начало и конец? Просматривается нами обращение автора к извечной дилемме, и оно совпадает с контекстом толстовской философии: не смерть сама по себе страшна человеку; его страшит небытие, т. е. останется ли след его пребывания на земле. Писатель Д. Каинчин пытается дать свое развитие этой дилеммы на близком ему исходно-жизненном материале. След на земле не только в потомках, не только во временной памяти людей, но еще в чем-то. В чем?

Автор снова ведет нас в туманную даль жизни своего героя. Мы слышим шум-гам людей, съезжающихся с урочищ, чтобы жить всем вместе — деревней. И первую, с ладонь, избу срубил Каака, в ней стали жить три семьи. С тех пор селяне видели Каака только в одном образе: с топором в руках у нового сруба. День его начинался вместе с зарей. Он выходил из дома и медленно шел мимо дремлющих изб. У сруба садился на бревно и начинал точить топор. Этот момент автором настолько живописно представлен, что у читателя невольно возникает аналогия с музыкантом, настраивающим свой инструмент. Каака сначала точит топор грубым бруском, потом оселком мягкого камня, потом еще чем-то и, наконец, проводит отыком-кремнем. Обычно молодежь, наблюдая все это, подшучивала. «А теперь, старик, лизните. Языком! Языком!». После этого Каака, со всех сторон осматривая бревно, ворчал: «М-м. Негодник, кривой, оказываешься. Совсем как коромысло. Вдобавок сучковат... Ну-ну, ничего. Не таких мужиков выпрямляли». А потом первые

взмахи топором — первые усилия преодоления себя. Постепенно исчезала тяжесть тела, тяжесть топора. Наслаждаясь запахом свежих щепок, будто от них исходила особая энергия, он входил в то самое состояние, которое читатель, домысливая, может сравнить с бегом аргымака. Ни хрипа, ни хруста, ни боли в пояснице, руке все в нем ликовало: «Смотрите, Каака все еще силен, все еще крепок! Он тот самый Шанда, с именем, которое носил с рождения. А Каака — это иносказательно-почтительное обращение к нему сельчан. А когда-то... Ему двадцать лет... вот в такой же солнечный день, было такое же голубое небо...»

Автор в кинематографическом ракурсе представил героя в трех образах — в трех измерениях времени. Как из тумана проступает и исчезает одна явь за другой:

«Шанда, можно взять щепок, — с застенчивой улыбкой смотрит на него большеглазая, стройная девчушка...

— Шанда, набери мне щепок, — стоит безмерно счастливая женщина, а рядом за ее юбку держится косолапый малыш, его сын...

— Шанда, чай готов. Иди домой.

— Ладно, ладно. Вот закончу...

— Ну, ну, заканчивай, заканчивай. Ага, только на тебе колхоз и держится. Старайся. Старайся, — женщина, взвалив на плечи связку щепок, заковыляла домой»... (3, с. 41—42).

Писатель просто и скупо пишет о тихой, не вызвавшей переполох, смерти своего героя, как бы подчеркивая сообразность такой кончины с его неприметной натурой. «Прошло три года с тех пор, как Каака ездил к Суркашу. Почтенный в ту же весну, как только земля оттаяла, скончался. Ушел за Большой перевал к своим родителям, восьмерым детям и четверым братьям. На его похороны собралось много людей. Долго спорили, какой памятник поставить на его могиле. Если ставить столб со звездой, то в армии не служил... А в годы гражданской войны то ли был партизаном, то ли в бандитах ходил — от него самого никто не слышал. Хотели крест поставить, но старик ближе чем за десять верст к церкви не приближался. В конце-концов взяли простое бревно, чуть-чуть ошкурили и поставили». Никто, кроме жены, его не оплакивал, сельчане почтительно обращаясь к ушедшему земляку, говорили: мол, хорошим он был человеком, пусть теперь отдыхает. Зато в поминаль-

ные дни говорили о нем много как о человеке, оказавшемся очень значимым в жизни каждого из них. В селе ни одно строение — будь это школа, клуб, молзавод, дом или баня, сарай или скотные дворы — не обошлось без рук Каака, по словам земляков, «только ракету, чтобы слетать на Луну, не сделал, а так все».

Перед нами встает облик человека, который к чему бы ни прикоснулся, все делал основательно, добротнo и красиво. Вот такими завершающими аккордами писатель в образе своего героя представил не просто безотказного по своей природной доброте трудягу, а нечто большее. Во всей полноте высвечивается глубинное содержание образа героя — Труженика-созидателя всего прекрасного на земле. Ибо его творения есть ничто иное, как сплав душевной, мыслительной и физической энергии, а потому они долго будут на земле излучать энергию добра и красоты. Пройдет много-много лет, и кто-то с немым восторгом будет смотреть на светлые и уютные дома, задаваясь, как когда-то Каака, вопросом: «Когда построены, кто их строил?» В душе этого человека неслышными струнами оживет то ли музыка, то ли поэзия того самого вдохновенного труда, от которого на земле останется красота и облагораживающее людей отношение ко всему, что их окружает. Истинная красота — ненавязчива, истинное добро — бескорыстно, то и другое — долговечны.

Писатель завершает повествование о своем герое символическими словами о том, как деревня, разрастаясь, все ближе и ближе становится к месту кладбища, все ближе и ближе к Каака. Такова авторская проекция настоящего и прошлого. Действительно, нет будущего и настоящего без прошлого. С расстояния во времени все значительнее проступают события, личности, которые становятся символами истории народа. Писатель утверждает свое понимание смысла человеческого бытия, для его героя уход в небытие — это не конец, а начало бытия — вечности, ибо он останется нравственным мерилom общества.

В жанровом определении сам писатель называет свое произведение рассказом. Если судить по простейшей фабуле, заявленной в оглавлении — о поездке Каака к Суркашу — действительно перед нами событийного характера рассказ. Но сомнение вызывает

то обстоятельство, что писатель собственно о событиях этой поездки мало что сказал. Видимо, такого рода фабула была им избрана как оболочка сюжета, она давала автору свободу выбора таких жизненных ситуаций, таких художественных приемов, которые тонко и ненавязчиво раскрывали бы главное: жизнестойкость той социальной среды, красоту и силу той нравственной атмосферы, где формировался его герой. В этом повествовании есть тяготение к эпичности, к многомерности проблем, сфокусированность их на историю не одного поколения, есть тяготение к хроникальному сюжету и композиции, представленных необычными приемами ретроспекций, ассоциативных связей, внутренних монологов, совпадающих с нравственной позицией автора. Все это, на наш взгляд, выходит за рамки рассказа и тянет на полноценную повесть.

Как в сжатой пружине вроде представлен один герой: Каака (ездящий) на коне Калтар. И автор хронологически обозначил один день его жизни. Но по мере выпрямления пружины перед нами оказался целый пласт жизни народа. Обнаруживаем также, что в повести, по существу, два главных героя: Каака и его конь Калтар (букв. Гнедой). И самое примечательное заключается в том, что они представлены художественными образами, идущими от эпической традиции, в типичном для алтайцев мировосприятии как единое целое. Здесь уместно привести сторонний взгляд на алтайцев из середины прошлого столетия. Исследователь В. В. Радлов писал: «Как только алтаец садится на лошадь, меняется вся его осанка. Здесь он чувствуетея на месте, его взгляд становится свободным, тело выпрямляется, кажется, что в его жилах течет обновленная кровь. Лошадь и всадник сливаются в одно целое, и, глядя на них, начинаешь понимать, как могла фантазия древних героев создать из северных народов, не расстающихся с конем, кентавров» (4, с. 12).

Этот своеобразный кентаврический образ — единство героя и коня красной нитью проходит в алтайском героическом эпосе. Ср.:

Кан-Алтын богатырь,
(Ездящий) на Детеньше Јеренкея,

Кан-Јерене с пуповиной от Земли
С шагом ямчато-ровным,
С ушами, как всполохи молний —
(Ойыш-чийиш пазытту,
От јалкындый кулакту
Јееренкейдин палазы
Јер киндиктү Кан-Јеерен атту
Кан-Алтын паатыр). (1, стих. 3594—3598).

Другой пример:

Со звонким и ровным топотом
На рыжем коне темичи (ездящий)
Алтай-Буучай богатырь
(Темтен-тумтан базытту
Темичи-јеерен атту
Алтай-Буучай баатыр) (5, с. 155).

Приведем слова тюрколога Н. К. Дмитриева, которые он высказал, анализируя эпос «Когутей» и которые более соотносимы с рассматриваемой нами повестью: «Масть коня, на котором ездит герой, превращается в его прозвище, постоянный эпитет или, по-нашему, фамилию». (2, с. 175).

В повествовании Д. Каинчина герой и конь выступают равноправными партнерами. Сообразно мироощущению алтайцев конь очеловечен, и он ведет свою партию: может перепираться со своим хозяином, может вести свой «монолог» (куда бы лучше ехать, в тайгу ли, в район ли, на водопой ли). В этой парности хозяина и коня как нельзя лучше выражено единство двух миров — Человека и Природы. И в этот гармонично спресованный мир мощно вторгаются устои жизни, в которых преобладает чрезмерно потребительское отношение людей к природе. Исчезает культовое отношение к животному миру. Писатель стремится показать, с одной стороны, унаследованный культ коня, с другой — к каким последствиям ведет утрата многих этических норм жизни. Вспомним, как Каака упрекает своего коня: «Тебе что? У тебя есть хозяин-друг. А на этих коней посмотри: кто захотел, тот и оседлал их, каждый норовит быть им ханом-господином. Сегодня сено возить, завтра — хлысты, послезавтра... Кто им спину оботрет досуха, кто их накормит, напоит и, вообще, кто на них толково будет ездить? Посмотри вот на это-

го рыжего коня. Когда он не смог волоочь целиком лиственный хлыст, так, этот Казран, говорят, сучком глаз ему выбил. А ты-то?»... Но все реже и реже можно встретить такого рода «слияний». Писатель показывает, что в среде алтайцев конь все больше и больше становится бесхозным существом. Нарушение этой традиции выражена и в кличках коней: Передобой (от слова «Передовой»), Камыйныст (от слова «Коммунист»).

Мы все острее начинаем проникаться тревогами автора: что-то очень важное теряется в духовной сфере народа. Образ изрубленной коновязи воспринимается как кощунство над памятью предков. В традиционной культуре алтайцев коновязь олицетворяла место родового гнезда, где протекала жизнь многих и многих поколений. В героических сказаниях враг, нападая на своего недруга, в первую очередь стремился уничтожить коновязь — то есть уничтожить символ наследования земли. Кроме того коновязь в сознании алтайцев воспринималась как знак, олицетворяющий собой связь трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего.

Стремительно вторгается все новое, что преобразует жизнь народа: новые деревни, добротные дома, озеленение усадьбы, шоссейные дороги, техника и т. п. Но вместе с тем автор с болью пишет: внук едва раскланивается с дедом; на каждом шагу показной, в угоду очередных компаний интерес к старине: предметы старинной домашней утвари взяли для выставок, на том и забыли, вещи не вернули... И многое другое. Писатель поднимает очень важную жизненную проблему, о которой в свое время пронзительно-тревожно писал Г. Чорос-Гуркин в своей новелле «Плач алтайца на чужбине». Художник еще задолго до нынешних экологических и этнических катастроф выразил тревогу и боль многих народов. Чем обернется вращение их в систему новой цивилизации? Будет ли этот процесс органичным; без потери народом своей уникальности? Сохранится ли присущее алтайцам повседневное физическое и духовное единение с окружающей средой. Ибо разрушение этого единения будет означать и разрушение традиционной культуры, а значит личности и в конечном итоге — этноса и нации.

Художественный прием — традиционно-эпические образы человека и коня как единого целого — являются стержневым сред-

ством, в котором лучшим образом выражена национальная сущность произведения. В нем аромат, цвет, вкус всего того, что составляет поэтическое видение мира алтайцем.

Сравнительно долго алтайская литература (как и многие так называемые младописьменные литературы) шла путями поисков новых, сообразно меняющимся условиям жизни художественных средств. Были периоды, когда эти поиски решались описаниями предметов бытовых реалий, нажимом на этнографизм и т. п. Эта «болезнь роста» вызывала отрицательное отношение критики, усматривавших в восхвалении «проклятого» прошлого, тенденции на самоизоляцию народа. После волны такой критики начались шарахания в другую крайность и стали появляться безликие произведения, национальное в них оставалось разве что в именах героев. И лишь, с 60-х годов, с приходом плеяды молодых писателей начался новый этап взросления алтайской литературы, в ней органично переплетаются изобразительные средства фольклорной поэтики с новыми проявлениями художественного слова.

К числу писателей, нашедших «золотую середину» в художественном осмыслении национального бытия, относится Д. Каинчин. Мировосприятия, мироощущения типичные для алтайцев — то, что их делает алтайцами — есть основа основ национального образного мышления. Не обрисовка быта, всевозможных сугубо специфических ареалий, а видение народа, его душа — есть главное. И это видение, дух народный Д. Каинчиным заявлен уже в самом оглавлении повествования, в способах раскрытия образа героя, в насыщенности языка всеми слоями народной лексики и фразеологии.

К сожалению, в тексте, переведенном на русский язык под названием «Абайым и Гнедко», вот эта камертонно-настраивающая заявленность на национально-образное мышление абсолютно утрачена.

Исчезновение традиционно эпического словосочетания «Каака, (ездящий) на коне Калтар» придает переводу безотносительность к определенной этнокультуре, безликость сродни тому как

воспринимается трава неизвестного названия или несоленая пища. А ведь именно в языке, как видим, уместаются характерные художественные мотивации.

Перевод — дело чрезвычайно трудное: разная система языков, несхожесть фраз по длине, обилие слов с емкой семантикой этнокультурных обозначений. Мы согласны, что в переводах прозаических произведений переводчик должен придерживаться свободного перевода, так как здесь именно такой перевод (а не буквальный) будет точным. Но при всем этом переводчику необходимо знать язык оригинала. Особенность языка Д. Каинчина состоит в том, что он зачастую не придерживается нормативного литературного языка, в нем много труднопереводимых оборотов, он весь пропитан интонациями живой разговорной речи. Наверное, здесь уместно привести слова А. Твардовского: «Быть переведенным (и не испорченным) с русского (в нашем случае, с алтайского — З. К.) на другой язык — большое и редкое счастье, какого неизвестно сколько ждать».

Логичным было бы завершить нашу статью размышлениями о языке писателя, более детально поведи разговор о проблемах перевода. Но это уже темы самостоятельных статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайские героические сказания. «Очи-Бала». «Кан-Алтын». Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин. Запись З. С. Казагачевой, С. М. Каташева. Подготовка текстов, перевод З. С. Казагачевой. Вступительная статья С. М. Каташева. Ответ. редактор В. М. Гацак. — Новосибирск. Наука, 1997 г. — 663 с. со звукоприложением.

2. Дмитриев Н. К. Комментарии в книге: «Когутэй». Алтайский эпос. Сказитель М. Ютканаков, перевод Г. Токмашова. Ред. В. Зазубрина — М.-Л.: Academia, 1935. — 201 с.

3. Каинчин Д. Јангыс јердин улузы. Алтайдын бичиктер чыгарар издательство-зынынгу Туулу Алтайдагы бөлүги. Горно-Алтайск, 1969. — 160 с.

4. Радлов В. В. Алтай и алтайцы//ж. «Кан-Алтай» Фонда им. С. С. Суразакова. Архивные разыскания и публикации. Горно-Алтайск, 1994, № 2.

5. Суразаков С. С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. — Горно-Алтайск, 1961 г. — 178 с.

*Р. А. Палкина,
кандидат филологических наук*

ПРОЗА ДИБАША КАИНЧИНА

Творчество одного из популярных в настоящее время алтайских прозаиков Дибаша Беруковича Каинчина начинается в начале 60-х годов. Писать он начал со стихов. Ярko и самобытно заявил он о себе как прозаик.

60-е годы в истории алтайской литературы выступают переломным этапом, ибо именно тогда активно начинается формирование новых качеств алтайского художественного слова. Этот типологически закономерный процесс в развитии всех литератур народов нашей страны вполне понятен.

Народ, одержавший победу в кровопролитной войне с фашизмом, восстанавливавший обращенные в пепел и руины города и села, в конце 50-х и начале 60-х годов получил возможность жить более свободно и раскованно. Один за другим появляются гиганты стройки, народ стал жить экономически лучше. Ширятся связи страны со всем миром. Активно осваивается космос. Эта атмосфера формировала и писателей художественного слова.

Интенсивно развиваются в это время литературы народов нашей страны. Появляются новые имена, идет активный художественный поиск. Интересно заявляют о себе многие ныне широко известные писатели.

Алтайский литературный процесс этого времени характеризуется приходом в него молодой смены — людей, прошедших учебу в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве, у больших мастеров слова, вобравших в себя художественный опыт русской, советской и мировой классики. Плеяда этих писателей, начиная с первых выпускников института А. Адарова, Л. Кокышева, Э. Палкина, и кончая последующими (Б. Укачин, П. Самык, К. Телесов, А. Ередеев, Д. Каинчин и др.), положила начало дальнейшему развитию алтайской литературы: жанров лирической поэзии, поэмы, очерка, рассказа, повести, романа.

В такой общесоюзной и конкретно алтайской литературной атмосфере формировался творческий облик Дибаша Каинчина. Уже в первом рассказе и первом сборнике объектом пристального внимания писателя выступают деревня, ее люди. Прозаика интересует рядовой труженик, и он создает целую галерею образов-характеров. Примечательны названия его книг: сам писатель как бы говорит от имени деревни, от имени массы сельских тружеников. Да оно так и есть — автор один из персонажей своих произведений: «Люди одной долины» («Јангыс јердин улузы», 1969), «Деревня» («Јеремне», 1970), «Наши кони у одной коновязи» («Аттарыс јангыс чакыда», 1974), «Чабаны» («Койчылар», 1976), «С того берега» («Ол јараттан», 1980).

Эти произведения воссоздают целостную картину современной алтайской деревни, ее проблем и забот. Используя определение жанра рассказа, данное Ч. Айтматовым, можно сказать, что рассказы и повести Д. Каинчина «как бы составляют мозаику времени... Словно бы «собирается» целостный портрет»¹ определенного этапа истории алтайского народа.

В поле зрения писателя истории судьбы отдельного человека («Как Каака, ездящий на Мухортом, побывал у Суркашей» — «Калтар атту Кааканын Суркаш эшке јетире јүргени»), «Дядюшка» («Јестей»), и воссоздание различных образов-характеров («Бабушка Туутаан» («Туутаан эмеген»), «Капшун», «Чеймешке и Кюлте» («Чөймөшкө лө Күлте»), «Дьашканчи» («Јашканчы»), «Ортонул»; характера деятельного, многогранного («Деревня» — «Јеремне»), нравственных проблем («Талкан», «Зайдите в наш дом» — «Бистин айылга кирип барыгар», «Дали зовут» — «Талалар кычырат», «Мотоцикл»). Объектом внимания писателя выступают и проблемы мужания молодого человека (рассказ «Следы на пашне» — «Кырада истер»), нравственного выбора («Старик Кылгай» — «Кылгай өгөөн»), «Кто кого» — «Кемди кем...»), психологический образ-характер («До свиданья, Каменистый перевал» — «Ташту Боочы, јакшы болзын!», «Радость» — «Сүүмји»), пережитки, недостатки, встречающиеся в быту («Сколько стоит

¹ Айтматов Ч. Без капли нет океана. — Литературная газета, 1973, № 49, с. 4.

это, парень?» — «Бу мыныннын... баазы канча, уул?», «Как Ваша фамилия» — «Мамыйлагар кем?»).

Как известно, сила и выразительность произведения зависят от уровня и глубины обобщения действительности, от силы «концентрации проблемы» (Л. Прометт), в конечном счете от значительности коллизий, лежащих в основе сюжета, поскольку именно они в наиболее концентрированном виде выражают идею произведения. Одна из примечательных черт творческого почерка Д. Каинчина заключается как раз в выборе коллизий, заключающих в себе большой заряд энергии, высвечивающий существо проблем, характера или ситуации. Герои наиболее характерных в этой группе рассказов — люди деятельные. Каждый из них соответственно своему миропониманию последовательно утверждает в жизни свои гражданские и нравственные принципы. Немало трудностей приходится им преодолевать на пути к достижению своих целей. Эти достижения возможны лишь при наличии недюжинных качеств: незаурядных организаторских способностей у председателя колхоза (рассказ «Деревня»), силы духа и мужества у Дядюшки (рассказ «Дядюшка»), мудрости, величественно-мужественного перенесения потерь и неистребимого извечного человеческого желания — не зря прожить жизнь («Как Каака, едущий на Мухортом, побывал у Суркашей»).

В основе наиболее значительных рассказов Д. Каинчина — изображение судеб незаурядных личностей, людей деятельных. Своей активной жизненной позицией, своими высокими гражданскими и нравственными принципами утверждают они служение народу, жизнь во имя его, действенность как высший гражданский и нравственный принцип. Эти определяющие человеческие черты органично переплавлены в них с такими качествами, почитаемыми любым народом, как широта и щедрость души, деятельное добро, чистота помыслов и деяния, самоотверженность и самоотдача. Например, председатель колхоза Алдырбасов решает бесчисленное множество вопросов, делает уйму дел, ибо колхозная жизнь многообразна. Это и важные хозяйственные дела, от решения которых зависит сама жизнь колхозников, и сложнейшая работа с людьми, это и забота о каждом колхознике. А для этого нужно знать, кто чем живет, кто чем дышит: похвалить ударников и старательных, пожурить недис-

циплинированных, а то и строго взыскать и т. д. Из всего, делаемого колхозом и председателем в каждую кампанию (зимнюю, весеннюю, осеннюю), вырисовывается образ деятельного, целеустремленного человека, прекрасно справляющегося со своими делами.

Герой другого рассказа — Дядюшка («Дядюшка») — прожил нелегкую жизнь. Война, плен, концлагеря, неудачный побег... Домой вернулся только в 1947 году, через 9 лет. Дома ни еды, ни одежды. Его брата, который старше на пять лет, принимают за младшего, хотя тот не единожды раненый и контуженный. Но многотрудная судьба не согнула Дядюшку. Он добр, щедр, он полон заботы о людях, живет полнокровной жизнью.

Нелегкую жизнь также прожил и старый Каака. Из семерых его детей ни один не выжил: умирали в детстве. Последний — восьмой сын Тодор погиб на войне. Кааке, как и каждому человеку, хочется, чтоб был от него след на земле. Осталась последняя его надежда: оказывается, у Сары растет сын его Тодора — Берден. Вот и едет теперь Каака к депутату Суркашу, бывшему в Москве и встречавшемуся с Берденом, узнать, остается ли тот на сверхсрочной, скоро ли вернется домой.

Полнокровный и индивидуализированный характер воссоздается вследствие преодоления персонажами множества больших и малых конфликтов, препятствий. В столкновении с последними как раз выявляются те качества и свойства героев, которые в совокупности формируют цельный и многогранный образ-характер. К таким произведениям, когда характер воссоздается посредством «нализывания», постепенного выявления отдельных человеческих черт и качеств, относятся и такие рассказы писателя, как «Дети мои, мои дети» («Балдарым, балдарым...»), «Капшун», «Кактанчи» и др.

В основе другой группы произведений прозаика — коллизии, выявляющие нравственную состоятельность героя, победу добра над злом («Кто кого», «Зайдите в наш дом»). К ним тесно примыкают рассказы и повести с коллизиями классовыми: «Голова жеребца», «С того берега», рассказ «Старик Кылгай». Здесь позиция писателя четкая и определенная: к врагу необходимо быть беспощадным, если хочешь прожить жизнь на земле достойно. Именно такое чув-

ство владеет героем рассказа «Кто кого». Чабан каждодневно чувствует таящуюся где-то поблизости опасность. Им начинает овладевать страх. Он не может пасти овец вдали от стоянки, не может спуститься в деревню, боясь оставить одних жену и дочь, вдвое внимательней надо следить за овцами, чтоб их не унес двуногий «волк». Спокойствие и мир возвращаются лишь тогда, когда он, победив страх, уничтожает опасность. Динамика коллизии выявляет нравственную силу и достоинство героя произведения. О необходимости бескомпромиссной борьбы со злом говорит рассказ «Старик Кылгай». Пожалев старость бывшего белобандита, уничтожавшего односельчан, измывавшегося и над ним, Кылгай отпускает его. За ошибку он расплачивается своей жизнью. Данным рассказом писатель как бы хочет сказать: «Зло жизнестойко, с ним необходима беспощадная борьба». О всепобеждающей силе добра — рассказ «Зайдите в наш дом». Казалось уже — зло побеждает. Шальдя в поисках врага приходит в его дом, предвкушая сладость расправы за все, что тот сделал ему плохого. Застает больную мать Корго, которая поднимается с постели и угощает его чаем: ведь больше года Шальдя не был у них. Последний одним дыханием выпил чашку чая и вспомнил все. Однажды он заблудился в кедровой тайге. Два дня питался орехом и красной смородиной, а потом наткнулся на стоянку матери Корго. Он еле дополз до порога... Потом вот эта чашка... полная молока.

Всесильное добро растопляет ненависть. Совсем другим человеком вышел Шальдя из дома Корго.

Основу другой большой группы произведений составляют коллизии, раскрывающие проблему нравственного выбора, диалектику взаимоотношений долга и мечты, долга и трусости и т. д. («Талкан»¹, «Дали зовут», «Мотоцикл», «Эртечи», «Друзья» («Нёкёрлёр»), «Где твоя совесть?» («Jүзинг кайда?»), «Снег, падай, падай» («Кар, јаа, јаа»). Писатель в них исследует критерии оценки человеческих качеств и поведения, актуальные, общечеловеческие проблемы взаимоотношений людей. Из всего многообразия жизненных конфликтов, рассматриваемых писателем в выше перечисленных произведениях, отчетливо проступает гражданская пози-

¹ Талкан — мука из жареного ячменя или пшеницы.

ция, утверждающая высокие нравственные принципы: чистоту устремлений и помыслов, верность долгу и мечте, совесть, доброту, отзывчивость и внимание к людям и т. д. Объектом исследования писателя выступают эгоизм, когда сын забывает свою мать и отчий дом («Талкан»), чувство собственности, когда жалость к вещам приводит к человеческой гибели («Мотоцикл»), неблагодарность за сделанное добро, а иногда и прямое бесстыдство, полное забвение прежних привязанностей, дружбы («Эртечи», «Друзья», «Где твоя совесть»), малодушие или беспринципность («Снег, падай, падай»), предательство мечты или отступление перед трудностями в достижении целей («Дали зовут»). Коллизии, выявляющие сущность той или иной проблемы, выражают позицию писателя четко и недвусмысленно.

В многообразии исследуемых писателем типов коллизий выделяются рассказы о различных психологических состояниях человека («До свидания, Каменистый перевал!», «После сказки» — «Чөрчөктин кийинде», «Ночь полнолуния» — «Ай эски тун», «Радость» — «Сүүмји») и так называемые «несуразные» рассказы о людях с «чудинкой», с подчас нелепыми судьбами, которые в действительности встречаются также нередко.

Эти рассказы свидетельствуют о незаурядной художнической способности анализа и изображения многообразных человеческих чувств. К примеру, необходимый психологический настрой в рассказе «До свиданья, Каменистый перевал!» дается самой первой фразой: «Когда Черткиш радовалась, как сейчас!» Далее состояние героини раскрывается через ее динамичный портрет: «Ее прокаленное от солнца и пота, как медь, лицо, величиной с ладонь, с курносом вздернутым носом, большим подбородком, открытым ртом, откуда постоянно видны неровные крупные зубы, беспредельно радостно. От радости Черткиш не может усидеть на месте: позыркивает туда-сюда глазами, внезапно выпрямившись, придвигает головни к огню, прижмутив и без того узкие глаза блаженно улыбается»¹. Отчего такой радостью объята героиня? Оттого, что неожиданно для нее отпала ее огромная забота: позади нее стоит стог

¹ Каинчин Д. Жангыс жердин улузы. Горно-Алтайск, 1969, с. 132. Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

сена, сметанный, старательно утоптаный, вдобавок к тому же ого-роженный. Полная забот от каждодневных нелегких дел жизнь оди-нокой женщины, ее умение трудиться передаются через насыщен-ную многообразной гаммой чувств картину человеческих пережи-ваний. Мастерство анализа состояния героя, исходного момента его поступков и действий, отмечается и в другом рассказе писате-ля — «Ночь полнолуния». Рассказ также начинается с описания огромной радости, владеющей героем произведения: восьмилет-ний Момый научился свистеть. Именно этот факт выступает дви-жущей силой последующих поступков героя. Счастливый, уверен-ный в себе, он, на уроках физкультуры стоящий в самом «хвосте», теперь не боится ни темной ночи, ни свирепого Казрана, который однажды крепко оттрепал его за уши, и пешком идет к родителям-чабанам, стоянка которых находится от деревни довольно далеко.

Несоответствие реальных качеств и возможностей персонажей окружающей действительности составляет ядро сюжета «несураз-ных» рассказов. Не до конца выявившие себя, «недосостоявшиеся», персонажи этих произведений живут неровной, подчас нелепой жиз-нью. Отсутствие в них твердой духовной основы делает их характе-ры «непрочными». Душевное состояние и настроение у них, как пра-вило, неустойчивые и переменчивые. Например, бабушка Туутаан («Бабушка Туутаан»), бывшая нормальным человеком, угощавшая-поившая чаем проходящих мимо ее дома, узнававшая-спрашивав-шая у всех новости, вдруг резко переменилась. У каждого она стала находить какую-то болезнь, изменение во внешнем облике. В конце концов люди стали избегать ее. Вскоре умерла бабушка Туутаан. На поминки люди обязательно пойдут: как-никак она была старей-шей тетешкой в деревне. Герои трех других рассказов этой же груп-пы («Чеймешке и Кюлте», «Дьяшканчи» и «Ортонул») также противоречивы. Как правило, они очень работащи. Ортонул, на-пример, — самый лучший тракторист в деревне, не боится ни кру-тых дорог, ни скал. Может работать безотказно с восьми утра до 2—3 часов ночи. Кто ни попросит его помощи, он помогает. По-этому все его любят. Но он пьет. Каждый день пьяный. А как ему не пить: все его угощают. А как много за свой труд получил денег Чеймешке! Его друг Кюлте купил и привез ему буфет, шифоньер с

зеркалом, ковер. Купил для Чеймешке костюм, ботинки, пальто, серую каракулеву шапку, а его Сырге — новые кофту и юбку. Сколько денег еще осталось! «Поллитры» же купил лишь две. Этого не мог стерпеть Чеймешке: ринулся в деревню, четыре дня «праздновал». Кончилось для него все плохо: колхозного коня загубил, пришлось его оплачивать. Новое пальто в грязи и крови, деньги пропиты. Примерно таков и Дьашканчи («Яшканчи»). Наиболее полно качества противоречивых персонажей воплотились в образе Кактанчи, вся жизнь которого соткана из нелепостей и несуразностей («Кактанчи»).

В основе некоторых произведений Д. Каинчина, особенно начального периода его творчества, — коллизии-трансформации общесоюзного художественного опыта. Опираясь на опыт, например, таких прозаиков, как М. Шолохов и Ч. Айтматов, Д. Каинчин анализирует сходные явления на материале родной ему действительности. Очевидно, именно под влиянием «Верблюжьего глаза» Ч. Айтматова возник рассказ-повесть «Следы на пашне» («Кырада истер») о становлении, мужании характера молодого человека и в результате творческого освоения опыта М. Шолохова — повесть «Голова жеребца» о сложном периоде начала строительства новой жизни на заре советской власти в алтайской деревне.

Глубина и сила художественного обобщения действительности, равно как и сила типизации, характера, непосредственно зависят от идейного заряда произведения — коллизии, обуславливающей всю структуру произведения.

Как уже говорилось, крупный и цельный характер воссоздается вследствие реализации конфликта. Значительный конфликт включает в себе большие потенциальные возможности для глубокого и многогранного проявления характера в произведении. Одержат победу над сложными обстоятельствами социального и морального порядка, устоять в борьбе с ними может лишь личность сильная, с недюжинными человеческими качествами: волевая, умудренная историческим жизненным опытом. Как уже говорилось, например, активный и полнокровный характер председателя колхоза вытекает из деяний последнего (рассказ «Деревня»). Импульсивная, пол-

ная многообразных эмоций речь Алдырбасова передаст его беспокойный характер (иронию, обращение к совестливости и чувству долга колхозников для решения необходимых задач). Речь героя передает также его стремление порою преувеличить трудности в целях большей мобилизации усилий колхозников. Подчас складывается впечатление, что дела в колхозе в полном развале, пока из следующего его выступления на собрании не выясняется, что это была лишь тактика руководителя.

К полнокровно воссозданным характерам героев относятся также отмеченные выше образы Дядюшки и старого Кааки. Объемному и глубокому раскрытию первого образа в большой мере способствует поэтика воссоздания характера. В начале рассказа перед читателем предстает, кажется, очень жизнерадостный, беззаботно живущий человек. В самом деле, зачем, например, он приехал в соседний колхоз из своей деревни? Привел своего Рыжку на байгу. Уверяет, что его конь будет победителем. Он шутит со своим шурином, притворно обижается на мнимое нерадушие того. И только после того, как читатель уверует в то, что перед ним безоблачно живущий благодушный человек, автор повествует о предыдущей жизни Дядюшки. Выясняется, что жизнь как раз-то не побаловала его. Не согнутый ею, он радуется окружающему миру. Он помогает устраивать свадьбы своим племянникам, шуринам, двоюродным братьям и сестрам. Когда Дядюшка едет в город, 60—70 рублей кладет отдельно, туго-натуго завязывает и опускает в голенища сапог. Эти деньги трогать нельзя! Они для племянников, шуринов, двоюродных братьев, обучающихся в городе, численность которых достигает тридцати двух.

Ненавязчиво, посредством подробной детализации раскрывает писатель образ старого Кааки. Из описания того, как он рано встает, пьет чай, как одевается и идет в контору, вырисовывается облик старого алтайца, неторопливо и основательно делающего свои дела. «В это время Каака скажет: «Хватит, женщина!» — поставит на низенький круглый стол пиалу, обтянутую жестяной полоской. — Совсем запарился». Потом, чтоб не хрустнули спина и колени, опираясь на пол, кровать, осторожно выпрямится. Снимет с гвоздя у двери и наденет свое пожелтевшее старое куцее (торчащее) пальто с двумя новенькими круглыми заплатками на

плече. Затем совсем обветшавшим от постоянной носки щепок коричневым сатиновым поясом несколько раз обернет свою тощую грудь и крепко подвяжется. С пузатой, как коровье брюхо, глиняной печи возьмет плетеную уздечку и волосяной недоуздок с капроновым поводом (положенных для сушки) и сунет в подмышки»¹.

Перед читателем проходит вся жизнь Кааки. Вот он двадцатилетний плотник. Встреча со стройной, с огромными, как пиалы, черными глазами девушкой, ставшей его женой, матерью его восьмерых детей. Смерть детей, гибель на фронте последнего сына Тодора. Безмерная скорбь Кааки по поводу того, что некому продолжить его род. Неожиданная радость, что, оказывается, остался сын его Тодора — Берден, вылитый отец. Ненависть Эркина, женившегося на матери Бердена, к Кааке. Смерть Кааки.

Сюжет рассказа, сотканный из авторского эпического повествования и ретроспекции, воссоздает цельную жизнь человека с его радостями и горестями, надеждами и страданиями. Хоть и умер старый Каака неудовлетворенным, жизнь он прожил не зря. После него остались выстроенные им здания школы, молокозавода, клуба, животноводческих помещений. Вернувшийся из армии Берден посетил могилу Кааки.

Художническая практика Д. Каинчина еще раз подчеркивает непреложность закона литературного творчества и вообще искусства, заключающегося в том, что лишь взаимопроникновение конфликта и характера, характера и обстоятельств формирует цельный, полнокровный и завершенный образ. Лишь следование этому закону рождает удачу, в противном случае неизбежны различного рода издержки.

Подробный анализ и детализация, «нанизывание» человеческих свойств и черт в ходе развития всего сюжетного действия, их изображение разнообразными художественными средствами — вот компоненты каинчинской поэтики воссоздания выше анализированных образов. К числу удач писателя относятся также характеры Капшуна (рассказ «Капшун»), Сүнера («Следы на пашне»), героини рассказа «Дети мои, мои дети...», «выстроенные» по тому

¹ Каинчин Д. Янгыс јердин улусы, с. 5—6.

же методологическому принципу. Наряду так с называемыми «завершенными» характерами, которые прослеживаются от начала и до конца (Кааки, Дядюшки), большинство созданных алтайским прозаиком образов — незавершенные, развивающиеся. Логика их движения предполагает их эволюцию и за пределами сюжетного действия. Особенно показателен в этом плане образ Капшуна. В рассказе как раз примечателен органичный сплав конфликта и характера, характера и обстоятельств, взаимопроникновение которых рождает цельный образ. Капшун — чабан. Пока еще не передовой. Но он им будет. Он старателен, работу свою знает и любит, но пока еще не может перебороть неблагоприятные обстоятельства: овцы то теряются, то становятся добычей волка, Капшуну приходится платить за недостачу. Однажды суд вынес удивительное решение: овец — тысяча, а чабанов лишь двое — Чокурбашев Капшун и его жена с маленьким ребенком. Поэтому не взыскивать с Чокурбашева потерянных овец надо, а выделить ему помощника. Читатель расстается с героем в момент, когда тот терпит очередное бедствие. Уже как будто должен нормально завершиться текущий год (Капшун сдал шерсти сверх плана). Уже прикидывает он, что купить на заработанные деньги, успокоившись, блаженно пьет густой чай с молочной пенкой. Несколько дней спустя нагрянула непогода. Дождь, холодный ветер, потом дождь со снегом. Отара остановилась. Овец невозможно сдвинуть с места. Капшуну пришлось носить их к стоянке. Верная помощница Диламаш подъехала на телеге, помогла. Погибло три овцы. А эти четыре, которых занесли в аил, тоже кандидаты на «тот свет». Снова придется Капшуну расплачиваться своими собственными овцами. Старательность, настойчивость и трудолюбие Капшуна не оставляют сомнения, что он не остановится на достигнутом, добьется хороших показателей в работе. Характер Капшуна не ограничивается рамками сюжетного действия, внутренняя логика его развития предполагает дальнейшее его движение к новому качеству.

В саморазвитии воссоздается также характер молодого человека — Сюнера («Следы на пашне»). Всего два дня из жизни героя являются объектом исследования писателя. Но какие это дни! Насыщенные тяжелым, изнуряющим трудом с утра до трех часов ночи.

Сюнер работает на сеялке во время посевной. Он готов сбежать и никогда больше не приходить сюда. Но он выдерживает. Недаром же зверски работающий Бексе сказал про него: «Если окрепнут его мышцы, кости-суставы, работяга парень будет». Объектом внимания писателя, таким образом, становится проблема мужания характера молодого человека, выбирающего свой жизненный путь. Сначала Сюнер думает, что ничего хорошего в жизни таких, как Бексе, нет: работа, работа, изнурительная работа. Изо дня в день. Идя по полю к сеялкам, он, пораженный одной мыслью, решает, что нельзя ступать по следам Бексе или Узун-Уула. Кроме работы у них ничего нет: «Бексе здесь в пыли и грязи до двух-трех часов ночи будет работать. Потом голодный—исхудавший, смертельно уставший утомившийся вернется домой... Едва коснувшись постели, Бексе до рассвета ногой не шевельнет. На другой день он снова направится на работу. Если бы такая жизнь продолжалась считанное число дней, еще бы ничего. Весенняя кампания может растянуться на месяц... Потом закончатся весенние работы. Выйдет Сюнер утром во двор — Бексе направляется от своего строящегося четырехкомнатного дома к аилу. Он уже столько работы сделал. Вскоре, переваливаясь с ноги на ногу, направится к конторе на колхозную работу...» Юноша превозмогает себя: ведь и Бексе, и Кемирчек точно так же работают. Они привыкли преодолевать трудности. И у падающего от усталости с ног Сюнера появляется второе дыхание. Ранее не работавший физически, он решает стать механизатором. Внутренняя логика развития данного характера также предполагает его дальнейшее саморазвитие.

Как уже говорилось, лишь взаимопроникновение и взаимообусловливание конфликта и характера, характера и обстоятельств порождает цельный и завершенный образ, в противном случае обстоятельства превалируют над характером или, наоборот, последний задан и декларативен, а не воссоздан в процессе развития сюжета. Возьмем героя повести «Эхо с вершин гор» — Калапа Алымова. Автор со знанием дела, предметно изображает будничную, а не выдуманную героиню нелегкого чабанского труда. Сложности труда чабана, например, такие. Первое: как бы не смешались две отары овец. Это сушая беда: двух-трех овец можешь не досчитаться. Каж-

дую овцу нужно осмотреть, перебросить через ограду. Если у другого чабана овец не хватает, он может взять твоих. А одна овца — это половина твоей месячной зарплаты. Вторая беда: овцы могут отстать, затеряться. Надо их найти, иначе они в отару не вернуться. Затерявшуюся овцу очень легко могут прибрать к рукам люди. Писатель подробно описывает ситуационные обстоятельства жизни героя, которые однако не переплавились в качества личности: обстоятельства превалируют над характером. Аналогичное произошло с героями других повестей прозаика — Байдурека («Голова жеребца») и Учара («С того берега»). Первый, правда, «выстроен» цельно. Это тип нового человека. Поэтому выявлены его главные черты — преданность советской власти, самоотверженность и бесстрашие. В целом являясь удачей автора в воссоздании социального типа — человека становящейся социалистической действительности, характер Байдурека все-таки не полнокровен. Его черты не обросли плотью и кровью, не выявились во множестве действий, поступков и ситуаций, как это имеет место в выше анализированных удачных образах. Событийность не преломилась во внутреннем мире героя, не преобразовалась в его человеческие, гражданские качества и в повести «С того берега». Поэтому герой произведения — Учар — не виден и не осязаем для читателей.

Алтайский прозаик создал много образов нашего современника- труженика, борца, строителя, характеры многообразные, как многообразна сама окружающая нас действительность.

Выразительному решению поставленных писателем задач помимо коллизий, высвечивающих существо той или иной проблемы или характера, способствует ясный и основательный реализм писателя, обуславливающий своеобразие его изобразительной системы.

Одной из примечательных черт поэтики Д. Каинчина, как уже говорилось, является обстоятельность, скрупулезность анализа и воссоздания того или иного явления или факта, что проистекает из хорошего знания изображаемого им объекта. Мы уже приводили примеры детализированного изображения качеств героя (например, действия и поступки старого Кааки, состояние огромной радости, владеющей Черткиш). Примеров яркого живописания нравов людей, портрета или природы можно привести много. Вот описа-

ние внешности Кааки: «Рыжеватая борода Кааки, его воротник из лисьего хвоста мгновенно заиндевеют. Он возьмет свое маленькое сухое лицо в ладони и пойдет, ссутулившись, огибая ограду из кривых жердей. Обутки хоть и из лапок¹, снег все равно хрустит. Глубоко не будет дышать — холодно»².

А вот с каким знанием передаются нравы деревенских мужчин: «Все мышцы-кости коня, ставшего предметом обсуждения, будут обговорены: ходок ли, иноходец ли, рысист ли, быстроходен ли мелким шагом, медлителен ли.

Потом начнут обсуждать, каков он запряженный в телегу, сани, каков он для езды верхом на ровной дороге, на подъем в гору. Или будут обговаривать, смирный ли, пуглив ли, упрям ли или худеет ли быстро, наедается ли, приходит ли скоро в норму после поездок...»³.

А вот другая сценка деревенской жизни, на этот раз рисующая нравы женщин:

— О-о, сивая корова, сивая корова!

— Алты-ы-ын, ой Алтын! Теленок сосет, сосет!

— Эту, эту Рыжуху разверни сюда, разверни!

— Ну, ну, хватит, мое дитя, хватит. Не плачь, не плачь. Я, баба разэтакая, посмотрите, оказывается, нашлепала (своего) ребенка. Отец придет — скажи, мое дитя, что тебя мама била, скажи, что била. Пусть допрос снимет...

— Кто видел мою Акчамаш, кто видел?»⁴.

Или рассмотрим изображение старого человека с его традиционно почитаемыми в народе сдержанностью, неторопливостью в делах («Старик Кылгай»). Старик Кылгай представляет себе, как вернется домой после удачной охоты: «Старый Кылгай даже глазом не поведет в сторону людей, словом не обмолвится — прямо пройдет в передний угол и, повесив на рога ружье и переметные сумы, молча сядет у огня...

Много времени пройдет: старый Кылгай, зевая, выкурит одну трубку табаку, раскурит еще одну с людьми, выпьет чашку чаю. Потом поест молочной лапши, по которой стосковался за время

¹ Алтайцы носят обувь, сшитую из лапок косули, марала и т. д.

² Каинчин Д. Яныс јердин улузы, с. 6.

³ Там же, с. 8.

⁴ Там же, с. 27.

охоты. После этого все так же, не проронив ни слова, снова выпьет чашку чаю, выкурит трубку табаку, только потом:

— Здешние люди, дети здоровы?

Вот так начнется разговор.

Трехлетний внук взберется к нему на колени. Старый Кылгай, поцеловав его макушку, будет рассказывать, рассказывать...»¹. Выше мы уже говорили о мастерстве живописания внутреннего и внешнего портрета, психологического состояния персонажей. Вспомним динамичный портрет Черткиш, изображение ее радостно-возбужденного состояния, выраженного через моторику и мимику.

А вот описание состояния страха, владевшего чабаном в предчувствии смертельной опасности и развязки, победы над врагом («Кто кого»). В сюжете рассказа антиподы-герои непосредственно не сталкиваются. Прямое столкновение происходит лишь в момент развязки, хотя и эта сцена дается опосредованно, через восприятие жены чабана, которая не знает, что происходит с мужем.

Чабан чувствует опасность. Однажды в середине жаркого летнего месяца приехал зоотехник и сообщил, что в бегах находится убийца из соседнего колхоза. Чабан вдруг почувствовал, что этот «друг» появился рядом: «Тайгыл всю ночь (надоедливо) лает, рычит, глядя в сторону горы Кошколу. И нрав Гнедухи изменился: иногда, перестав щипать траву, глаз с горы не спускает»². Чабан стал жить в постоянном напряжении. В нем постепенно созревает готовность к решительной схватке: надеяться ему не на кого. Дальнейшее, как уже говорилось, читатель узнает через восприятие ни о чем не подозревающей жены чабана: «Внезапно во дворе гулко залаял Тайгыл. Муж вскочил с постели и, схватив прислоненное к кюпу³ ружье, выбежал. В это мгновение чыт! глухо прозвучал ружейный выстрел. Овцы «тир-р-р» выбили мелкую дробь, вскоре опять притихли»⁴.

Через некоторое время читатель узнает: «С этого дня Гнедой стал пастись свободно. Тайгыл сбегал к собакам пастуха Акара,

¹ Он же. Јеремне. Горно-Алтайск, 1970, с. 64.

² Каинчин Д. Јеремне, с. 82.

³ Кюп — деревянный сосуд для квашения молока.

⁴ Каинчин Д. Јеремне, с. 85.

стоянка которого находится через гору. Чабан каждый день приносит дочери по ведерку кислицы. У жены от щелкания ореха вспух язык, и столько несделанных дел осталось, поскольку руки не свободны»¹.

Сюжетные пласты произведений писателя, таким образом, чрезвычайно разнообразны: авторское эпическое повествование, живописания (пейзажа, портрета, психологического состояния, качественная характеристика персонажа и т. д.), монологи и диалоги, психологические смещения и т. д.

Одним из удачных художественных приемов поэтики Д. Каинчина, как уже говорилось, являются монологи-рефлексии. Общеизвестно, что это один из самых трудных способов художественной типизации, поскольку характер воссоздается посредством речи. А это по вполне понятным причинам требует от прозаика скрупулезного «построения» структуры речи того или иного персонажа: повышается содержательно-функциональное значение художественного слова. Мы уже говорили о типизации характера председателя колхоза, воссозданном посредством данного средства изображения. Такова же поэтика рассказа «Дети мои, мои дети...», «Кактанчи», «Байки, попервоначально нужные незнакомым людям и тем, кому надо попусту убить время». («Ўч кӧрүшпеген улуска баштап тарый керектү ле эмезе ой өткүрип, калыражатаң куучындар»). В них характер-образ формируется «нанизыванием» качеств персонажа в процессе развертывания сюжета. Например, монолог героини рассказа «Дети мои, мои дети...» представляет собой безыскусный рассказ женщины о своей жизни. Просто повествуется о перипетиях нелегкой человеческой судьбы: гибели главы семьи, болезнях детей и самой матери, возмужании детей, радостях, пришедших вместе с их взрослением. Перед читателями вырисовывается полнокровный образ трудолюбивой, стойкой матери, в нелегких обстоятельствах воспитавшей семерых детей. О трудностях она говорит без надрыва, будто выполнение и мужской работы — явление само собой разумеющееся: «Взяла в руки топор-молоток, лопату-лом. Если даже вспомнить, как свежевала овцу... Сколько можно просить людей — взяла в руки нож»².

¹ Там же, с. 86.

² Каинчин Д. Ол жараттан. Горно-Алтайск, 1980, с. 80.

В конце рассказа, как бы подводя жизненный итог, героиня с гордостью заявляет: «После меня жизнь останется: четыре здоровенных мужика — мои сыновья, три матери — мои дочери»¹. Этот монолог-рефлексия — гимн во славу матери, живущей ради своих детей.

Как уже говорилось, эпическое повествование у Д. Каинчина в большинстве своем выразительно. Прозаик рисует изображаемый объект предметно, со знанием дела, скрупулезно и детализированно. Однако встречается и излишество авторского комментария. Это заметно, например, в ранних произведениях писателя, в частности в повести «Голова жеребца». Иногда автор близок герою-персонажу. А ведь общеизвестна его функция в прозаическом произведении: автор — демиург повествования, следовательно, он должен быть выше, шире и глубже персонажей. Несоблюдение дистанции между повествованием и изображаемым объектом «не работает» на совершенное выражение поставленной задачи. Автор иногда опускается до уровня рядового персонажа, из чего объективно следует, что для него приемлемы изображенные им быт и нравы. Иногда встречаются информации неправдоподобного характера, например, сообщение персонажа о том, что куры, наклевавшись хлеба, смоченного в водке, закукарекали, как петухи. Внешний облик страшилища в байке невозможно представить реально: «Нос на месте лба, левая щека — на месте правой, правая на месте левой...» и т. д.² Довольно часто встречается натуралистическое воспроизведение быта, нравов людей, некоторые их смакование, отнюдь «не работающее» на авторскую тенденцию. Подобный же эффект имеет иногда используемый прозаиком юмор ради юмора, например, известная байка о том, как рассказчик вывернул шубу наизнанку и его приняли за медведя, или употребление имен-антонимов по принципу комедийного юмора: Сарычырай (Светлолицый) и Карачырай (Темнолицый), Кактанчи (Последыш) — Таштанчи (Подкидыш). Отмечается некоторое увлечение переименованием русских слов сообразно фонетическому строю алтайского языка. Примеров можно привести достаточно много.

¹ Там же, с. 91.

² Каинчин Д. Койчылар. Горно-Алтайск, 1976, с. 126.

Большой выразительной силой в организации сюжета рассказов и повестей Д. Каинчина, одной из примечательных черт его поэтики является яркая, точная и емкая реалистическая образность (реалистические метафоры и гиперболы, сравнения, иносказание и т. д.).

Вот пример скупой, но очень четко обрисованного портрета человека: «Уз-ун, арык, чала коркок, сары кижии» («Высо-окий, худой, слегка сутулый, светлый человек»)¹. Или возьмем образец емкого живописания наступления темноты: «Јангыс ла карангуйдан каа-јаада кандый да кара темдек — уй ба, ат па — өткүүл дөөн келер» («Только из темноты изредка что-то темное — то ли корова, то ли лошадь — приблизится к воротам»)². В отрывке чрезвычайно точно передан момент сгущающейся тьмы, когда предметы неразличимы ясно. А вот сравнение, передающее ощущение высоты: «Туку алдыбыста, тамынын түбинде, Кадын јалтыраган. Агаштардын баштары јыдалардын мизиндий көрүнген» («Там внизу, на дне пропасти, сверкнула Катунь. Верхушки деревьев казались остриями копий»). Приведем пример выразительной метафоры: «Ай Јелбегенин једингенче, кызарып, ажып браат». («Луна, ведя за руку Дьелбегена³, краснея, заходит»)⁴. Точный подбор метафор в следующем предложении создает яркий образ бурной реки Катунь: «Армакчыдый өрүлет, јазылат, иримделет, ийиктелет» («Как аркан, сплетается, расплетается, расходится кругами и крутится водоворотами»)⁵. Образец емкой образности и меткости являет собой выражение «молочная лунность» («сүттий айдын»). Большую художественную силу имеет органичное включение в речь автора или персонажа пословиц, поговорок, загадок. Следующая поговорка передает крайнюю досаду персонажа: «Куду-уй⁶, шилемирди, ийт јибес, ийнеге кирбес эдип ийген кижии» («Куду-уй, сделать бы мерзавца несъедобным

¹ Там же, с. 15.

² Он же. Јангыс јердин улузы. с. 30.

³ Алтайская легенда гласит: пятно на Луне — чудовище Дьелбеген, пожиравшее людей и которое Луна подняла на свою поверхность, чтобы спасти людей.

⁴ Каинчин Д. Аттарыс јангыс чакыда, с. 112.

⁵ Он же. Ол јараттан, с. 22.

⁶ Куду-уй (кудай) — бог, здесь в качестве междометия, выражающего крайнюю досаду.

для собаки, не входящим в ушко иголки»¹). А вот пример реалистической гиперболы: «Тенериге сайылган јаан-јаан кызыл тыттар тым тургулайт» («Упирающиеся в небо огромные красные лиственницы стоят тихо»)². Достаточно часто встречаются образцы экономного и емкого использования художественного слова в воссоздании того или иного качества изображаемого объекта. Вот как мастерски передана авторская позиция в рассказе «Мотоцикл», где осуждается чувство собственности, приводящее к человеческой гибели. У главного действующего лица рассказа, Кургула, кто-то увел мотоцикл. Кургул возмущен, он охвачен желанием немедленно догнать и наказать виновника: ведь как трудно и долго пришлось копить деньги на покупку! Его сосед Тыштанар, посмотрев на след исчезнувшего мотоцикла, почему-то зевая, промолвил: «Ну, это кто-то из проказников-парней. Завтра с рассветом у вашей двери будет стоять». Так и оказалось. Мотоцикл взял покататься семнадцатилетний Кюреш, находящийся в той пьянящей поре первого осознания себя взрослым человеком, когда все на свете и в жизни представляется радостным, легким, сказочным. Словами Тыштанара выражена авторская позиция: большего комментария не нужно.

Примечательной чертой поэтики современной алтайской прозы, в том числе и каинчинской, выступает богатство ритмики. Художественный язык становится гибче, благозвучнее, отражая тенденцию к максимально адекватному воплощению полноты и многообразия окружающего мира. Это порождает и обуславливает богатство изобразительной системы, в том числе фоника сюжета. Достаточно четко в алтайской прозе, в том числе и в творчестве Д. Каинчина, утвердилось форма выражения постоянства действия. Передается это, например, повтором глаголов. Вот пример: «Тоозын трактордын тамандарынын алдынан токтоду јок коройлоп, Сүүнерге удур чурап ла јат, чурап ла јат» («Пыль из-под гусениц трактора, непрерывно клубясь, летит-летит навстречу Сюнеру»)³. А вот каковы фоника и ритмика следующего отрывка из рассказа-легенды «Всего дороже...» («Баалудан баалу»), под-

¹ Каинчин Д. Ол јараттан, с. 112.

² Каинчин Д. Јаңыс јердин улузы, с. 31.

³ Каинчин Д. Јаңыс јердин улузы, с. 86.

черкивающие необычность, фантастичность происходящего — камлания шамана: «Түнгүр түнгүрөп ле јат, түпүлдөп ле јат. Тызыраган чедиргендү күркет күкүрттий казырланып келет, көчкөдий күзүрей берет, ыраган туйгак тибиртиндий, карануй дөөн алыстайлып калат...» («Бубен гремит то звонко, то глухо. То свирепеет, как грозный гром.., то громыхает, как россыпи камней, то ослабевает, как топот удаляющихся в темноту копыт»)¹. Умело подобранные глаголы-действия и сравнения передают оттенки звучания бубна.

Для Д. Каинчина характерен постоянный художественный поиск. Мы уже говорили об удачном утверждении в его творчестве монолога-рефлексии. В значительной части его произведений типизация характера достигается посредством использования приема «потока сознания». Это имеет место, в частности, в повестях «Эхо с вершин гор» и «С того берега». Следует сказать, что в сюжете этих произведений данная форма типизации в целом присутствует органично. Таков, например, воображаемый диалог героя повести «С того берега» Учара, который собирается ночью переплыть Катунь, и Катунь: «Поборемся, Катунь... Я — медведь, загораживающий путь вышедшему на борьбу мараленку. Я — натянутый лук. Я — рассекающий волны, играя, окунающийся таймень»². Мысли героя, меряющегося силой с Катунью, раскрывают прочность и свободу духа героя: «Катунь будет его грубо (жестко) шлепать, с силой встряхивать, перекручивать, тянуть вниз в холодную глубь, отбрасывать в сторону»³.

И, наконец, одной из своеобразных черт поэтики алтайского прозаика является наличие одних и тех же героев в некоторых рассказах и названиях сборников, подчеркивающие органичную слитность автора с изображенным им миром. Например, сборник «Деревня» — словно бы продолжение предыдущего («Люди одной долины»). В рассказе «Деревня» упоминаются герои, о которых автор рассказал и еще расскажет в других произведениях: Капшун, Кактанчи, Чеймешке, Ортонул, бабушка Туутаан и другие. Сборники в большинстве своем выражают единство автора

¹ Он же. Јеремне, с. 44.

² Каинчин Д. Ол јараттан, с. 23.

³ Там же, с. 25.

со своими героями: «Люди одной долины», «Наши кони у одной коновязи», «Его земля». Имена героям, в том числе и положительным, Д. Каинчин подчас дает подчеркнуто небрежно, словно конкретная индивидуальность, персонаж интересует его лишь как выразитель постоянного комплекса качеств, определенного образа-характера. Например, имя и фамилия наиболее яркого героя — председателя колхоза — подчеркнуто не функциональная: Алдырбас Алдырбасович Алдырбасов (алдырбас — терпимый, благополучный).

Своими рассказами и повестями Д. Каинчин создал «целостный портрет» своего времени. В совокупности его произведения — повествование о заботах и проблемах нашего современника-труженика.

Жанровая природа произведений Д. Каинчина в большинстве своем традиционна, преобладает классическая форма рассказа и повести. В основе сюжета их большинства лежат одна-две коллизии, выражающие авторскую тенденцию. Если наличествуют другие, они подчиняются главной, дополняя ее. Но, как уже говорилось, в творчестве писателя удачно утвердился жанр монолога-рефлексии. Своеобразие поэтики последнего, как уже отмечалось, заключается в исключительной содержательности художественного слова, поскольку оно в данном случае является единственным средством типизации. Как правило, характер в этих рассказах воссоздается посредством «нанизывания» качеств и свойств того или иного персонажа, выявляющихся на протяжении всего сюжетного действия и времени, часто через рассказ героя. Перечисление, «нанизывание» действий, поступков формируют образ полнокровно, в его главных и своеобразных чертах.

Наиболее удачные рассказы прозаика, подходящие под классическое определение этого жанра, отмечаются выразительностью воссоздания характера и обстоятельств, чему способствует органичный сплав всех сюжетных пластов: эпического повествования, живописания, диалога, действия и т. д. Выше приводились примеры наиболее колоритных образцов поэтики прозаика.

Лукавые рассказы писателя представляют собой утверждение позитивных сторон окружающей действительности посредством юмора, иронии, лукавства, психологических смещений. Вот рассказ «После сказки». Старик рассказывает внуку сказку, обещая: «Если будешь спать, придет заяц, принесет тебе конфет». Усыпив внука, старик вышел на улицу и, оставляя в лунную ночь на снегу отчетливые следы подшитых валенок, обошел аил, находящийся во дворе. У дверей дома он увидел следы. «И-и, действительно, оказывается, приходил, пострел, — решил старик. — Только для чего зайцу костыль?» Думал, думал, так ничего и не понял старик. Прием психологического смещения, удачно использованный в рассказе, способствует воссозданию поэтического, наивного мира старика и внука.

Рассказы-повести («Следы на пашне», «Как Каака, ездящий на Мухортом, побывал у Суркашей») претендуют стать жанровой разновидностью. В самом деле, в отличие от рассказов, «выстроенных» по типу классических, эта жанровая форма охватывает значительный отрезок жизненного пути героев. Например, перед читателем проходит жизнь старого Кааки, от молодых лет до конца жизни. Вехи судьбы героя не раскрываются полно и объемно, как это имело бы место в повести. Прием ретроспекции помогает писателю создать цельный и полнокровный образ, не «растягивая» сюжетные рамки рассказа до размеров повести. А в другом произведении «Следы на пашне» сюжет охватывает всего два дня из жизни героя, но эти дни — переломные в его жизни. Два дня тяжелого, изматывающего труда в корне изменяют жизнь героя. обстоятельный, детализированный, предметно написанный рассказ о молодом человеке выявляет жизнестойкость и прочность последнего. Это равнозначно воссозданию целой жизненной судьбы в повести. В основе сюжета «Следы на пашне» — момент, миг судьбы героя, как вспышка молнии, обнажающие его суть. В этом плане данный рассказ как раз выражает характерную черту жанра: малой формой сказать о многом.

Повести писателя традиционны, в хорошем смысле этого слова, хотя, как уже говорилось, в двух последних из них — «Эхо с вершин гор» и «С того берега» — значительный сюжетный пласт составляет «поток сознания», используемый писателем в целом удачно.

Анализ творчества Д. Каинчина позволяет сделать вывод об утверждении в алтайской прозе реализма ясного и основательного. Созданные алтайским прозаиком в лучших его произведениях полнокровные образы-характеры, картины жизни современной алтайской деревни с ее насущными проблемами, нравственные принципы, утверждаемые писателем, выразительные формы и средства типизации — убедительное тому доказательство.

1984 год

*Н. М. Киндикова,
кандидат филологических наук, доцент*

ТВОРЧЕСТВО Д. КАИНЧИНА: ИТОГИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Двенадцать лет назад, выступая на заседании совета по прозе при Союзе писателей России в Москве, Д. Б. Каинчин о своем творчестве рассуждал так: «Зачем пишу, зачем работаю — сомневаюсь. Мне скоро 50 лет, надо бы подводить итоги.., а для этого надо всколыхнуться, чтобы почувствовать, где я...»¹.

Сомнения были напрасными. За последние десять лет им создано столько прекрасных художественных произведений, сколько им было написано за все предыдущие годы. Достаточно упомянуть книги «Современные алтайские повести» (1989) и «Старая лиственница» (1994)². Причем исследователями литературы отмечен творческий рост прозаика: обновлена тематика и проблематика, заметно обогатилась поэтика и стиль его произведений³. В последнее десятилетие появились повести и рассказы, в идейно-эстетическом отношении не уступающие художественному уровню произведений российских писателей (как, например, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин и другие). Прозаик пробует свои силы даже в драматургии. Кроме того он очень много переводит.

В чем секрет такого успеха? Что способствовало такому небывалому расцвету творчества писателя? Во-первых, создание благоприятной ситуации в литературе, условно названной литературоведами «пятилеткой гласности» и «пятилеткой свободы слова». Д. Каинчин как раз попадает в этот перестроечный период, когда рушатся устоявшиеся традиционные понятия в литературе, по-новому осмысливается историческое прошлое народа. Эти обстоятельства позволили ему возвратиться к собственным корням.

Как он мечтал «всколыхнуться», так в нем «проснулись» заложенные глубоко в памяти затаенные национальные традиции, точнее народная философия и поэзия. С. Суразаков в своих заметках об эпосе и литературе рассуждал: «Чему учились и учатся писатели у эпоса? Многие полагают, что эпос влиял своим стилем, стихом,

формой и т.д. Все это, конечно, может быть и верно. Но при этом забывают, что писатели учились прежде всего народному образному мышлению». В произведениях Д. Каинчина обнаруживается именно это умение образного мышления. Не случайно, проза Д. Каинчина насыщена ярким народным юмором и драматизмом, новым видением мира и человека. Колоритным, метафоричным стал язык его произведений, текст читается как поэма. Во-вторых, заметный взлет его творческой деятельности связан в какой-то степени с переездом его из села в город. Как он признается в одном из интервью⁴, сейчас у него появилась возможность познакомиться с архивными материалами, историческими документами, доступ к которым раньше был ограничен.

Однако, он не прощается со своими любимыми героями — односельчанами. Как он пишет: «Алдында мен јерлештеримни јүрүминде турушкам, ондо јүрүмди өзөгинен, ичинен көргөм, је эмди тууразынан, јангыдан көрөргө келижет». Если раньше Д. Каинчина интересовала психология, характер героев — вечных тружеников села (как он выражается, «пытался изобразить их «изнутри», «наизнанку»), то теперь он «рисует их как бы со стороны, по-новому»⁵. А это позволяет делать ему широкие художественные обобщения.

В-третьих, творческому росту прозаика способствовал также перевод на родной язык произведений иноязычных писателей, начиная с перевода произведений японских и русских классиков и кончая литературой тюркоязычных писателей Сибири. Достаточно упомянуть переводы произведений Акутагава Рюноскэ («Паутинка»), М. Шолохова «Донские рассказы», В. Шукшина «Крепкий мужик», «Волки», Ч. Айтматова «Прощай Гульсары», «Белый пароход», азербайджанского писателя Сейрана Сахавета «Мир по ту сторону дверей», тывинского писателя Кенин-Лопсан Монгуша «Лопата» и т.д.

В свою очередь, прозу Д.Б.Каинчина охотно переводят на другие языки: русский, эстонский, киргизский... Причем, автор доверяет свое творение не одному, а многим переводчикам, среди которых А. Кузнецов, Д. Константиновский, А. Плитченко, В. Синицин, Т. Петелина и другие. Перенимая опыт других литератур, познавая тайну искусства, Д. Каинчин создает образцы художе-

ственной неповторимости. Ныне его интересуют не только проблемы современности (как, например, рассказ «Перед глазами Синяя Скала» — «Көзибисте Көк-Кайа», «Сохрани нас...» — «Баш ла болзын...»), но и проблемы исторического прошлого и будущего народа. А это, к примеру, тема Великой Отечественной войны в повести «Дорога отцов» — «Адалар јолы», годы коллективизации и репрессии (Вспомним повесть «В глазах — алтайские горы» — «Көстөриме туулар көрүнзин»). По-новому осмысливается тема гражданской войны и революции в рассказе «Возвращение Тита Тырышкина» — «Тит Тырышкиннин јанганы», в незаконченном романе «Над нами гора Белуха» — «Ўстибисте Ўч-Сүмер». Прозаик сумел показать даже период древних тюрков в повести «Пепел звезд» — «Јылдыстар когы». Проблемы настоящего и будущего народа решаются в рассказе «Дочь тайги черневой» — «Аба јыштын балазы» и т.д. Попытаемся вкратце охарактеризовать художественный мир писателя.

В произведениях Д. Каинчина прежде всего остро ставится проблема взаимоотношения человека с природой, точнее, экологические проблемы выдвигаются одновременно с этническими и этическими. При этом писатель отталкивается от народного понимания человека и мира. Было время, когда носителями идеологии покорителей природы выступали отдельные личности, точнее, недалеко-видные управленцы, которые ради прибыли беспощадно выкорчевывали деревья, оголяли поля и долины, переселяли население из естественной среды обитания. Все это убедительно ярко отражено в публицистических статьях Б. Укачина, написанных в середине 70-х годов под названием «Будь человеком, Человек!», в рассказах и повестях А. Ередеева, К. Телесова, Д. Каинчина и других прозаиков, в стихах современных поэтов.

В рассказе Д. Каинчина «Баш ла болзын...» дана новая интерпретация традиционной проблемы. Название рассказа переводится двояко: «Спаси нас...» или «Сохрани нас...», сопровождаемое недосказанностью авторской мысли. Сюжет рассказа строится по аналогии с народным преданием, переданного автором в эпиграфе: охотник, застрелив косулю, в знак благодарности совершает обряд угощения и поклонения хозяину тайги.

В произведении ничего удивительного не происходит: всего лишь герой по имени Таркраш приобрел новый трактор. Возвращаясь домой, он остановился на перевале — святой земле предков. Заглушив мотор, ощутив полную тишину и свободу, он прилег отдохнуть и заснул под старой лиственницей. Тут реальная картина сменяется с ирреальной. Во сне его, Таркраша, обвиняют во всех земных грехах. Устами старой лиственницы перечисляются его ошибки и беды. Во-первых, он выкорчевывал немало деревьев. В оправдание этому герой рассказа указывает на истинных виновников — вышестоящие приказывают, он же — покорный исполнитель. Далее, старая лиственница укоряет его в нерациональном использовании пашен и полей. Таркраш снова находит слова оправдания: он берет самое малое по сравнению с теми, кто беспрдельно вырубает деревья и вывозит их за пределы Алтая.

Тогда священная лиственница задает более конкретный вопрос: «Не ты ли хозяин Алтая? Почему ты позволяешь чужим обкрадывать свою землю?» Тут он выглядит жалким, ничтожным, эгоистичным. У него нет даже права отстаивать собственное достоинство. На помощь ему приходит только что купленный трактор, который, ограждая своего хозяина от несправедливых обвинений старой лиственницы, пытается ее выкорчевать.

Как раз в эту минуту его разбудил сын, подъехавший сообщить, что умирает бабушка — мать Таркраша. В народе есть поверье: если во сне увидишь рухнувшее наповал дерево, непременно умрет кто-то из близких родственников. Сон Таркраша предшествовал реальным событиям. Герой рассказа расплачивается за свои грехи на этой земле — нарушив покой святой земли, не совершив традиционный ритуал поклонения духам Алтая.

Так, кто же может быть хозяином земли? Традиционно им является человек или народ. В то же время могут претендовать управленцы, обладающие большими деньгами. И наконец, хозяином земли в XX веке стали наука и техника, достигшие высокого совершенства. Однако, Д. Каинчин не был бы прозаиком, если бы не предвидел эти ошибочные ответы. Мастер слова назвал свой рассказ «Баш ла болзын...», упустив слово «кудай» — «бог». В целом он переводился бы как: «Сохрани нас, бог!» или «Спаси нас, Алтай-кудай!» В этом смысле божество как будто видит все наши

грехи на земле. Поскольку божество, по мировосприятию алтайца, очеловечено, он обращается к нему с вопросом: «Кто?» (ко всем остальным неодушевленным и одушевленным предметам алтаец обращается с вопросом «Что?»). И последнее, алтайцы предпочитают поклоняться березе и совершать обряд перед ней. В данном случае ритуальным деревом выступает лиственница. Это объясняется тем, что, поскольку у алтайцев нет закрепленного места для совершения обряда, они выбирают дерево, растущее на перевале, тем самым, вся природа для них оказывается святым храмом. Таким образом, выше человека существует Дух Алтая. Он вечен, всемогущ, свят и требует к себе особого почтительного отношения: будь это огонь, природа или Вселенная. Отсюда и мировоззренческие понятия: духи гор, огня, земли и т.д. Не случайно, алтайцы возобновили обряд поклонения духам родовых гор, а это означает начало осознания новым поколением Всевышнего духа Алтая. Во сне Таркраш выглядит жалким, трусливым, покорным и даже ничтожным по отношению к могучей, «мудрой» лиственнице. Человек должен расплатиться когда-нибудь за свои грехи на этой земле — вот основная идея произведения.

Итак, в рассказе Д. Каинчина поставлены такие проблемы, которые осмысливаются ныне по-новому. Точнее, это новый взгляд на устоявшиеся традиционные литературные понятия, на отношение человека к природе, обычаям и традициям предков, самому себе, Всевышнему. В то же время на примере этого рассказа просматривается эволюция фольклорного, религиозного и философского мышления, концепция единства прошлого, настоящего и будущего в духовной преемственности человека.

Герой другого рассказа («Перед взором — Голубая Скала» терпит несчастье из-за своей алчности, точнее, из-за пренебрежения обычаями и традициями он чуть не упал со скалы. Через год этот полугородской парень по имени Көрөм-Уул, что дословно переводится как «Хвастун», присев перед нею (перед скалой — Н. К.), совершит ритуал предков и попросит у нее прощения за то, что нарушал покой величественных гор.

В повести «Дорога отцов» («Адалар јолы») причудливо переплетаются два образа: образ коня Кер-Бее и Садака. Кер-Бее чудом возвращается с полей войны на Алтай, Садак тоже хотел бы

вернуться домой, но он должен выполнить свой долг перед Отечеством. Он так и не возвратился с фронта, а его земляк Кыдыр оказался дезертиром.

В эпилоге повести сын фронтовика, известный художник Бабыш Садакович, рисует философски осмысленную картину с предположительными названиями «Жизнь» или «Вечность», что олицетворяет процветание жизни наперекор войне, неистребимость человеческого рода.

Героиня повести «В глазах алтайские горы» («Көстөриме туулар көрүнзин») по имени Мызыл с тремя малыми детьми возвращается домой на Алтай из ссылки через бескрайние казахстанские степи. Эта неграмотная женщина выдержала непосильные лишения и трудности, но не потеряла веру в жизнь, надежду на возвращение на родину, любовь к Алтаю. В самые трудные минуты жизни, а возвращалась она на родину пешком и неизвестно, сколько времени Мызыл в отчаянии обращалась к Алтаю-кудаю (божеству — Н. К.) и по пути шептала одно и то же: пусть глазам моим покажутся родные алтайские горы! Такие же слова она заставляла твердить своим детям, не ведавшим родных предков.

Подобная участь выпала казахской семье, приютившей ненадолго бездомных «изгнанников». Бездетная семья (их сын тоже погиб на войне) уговорила было оставить у себя младшего ребенка Мызыл, взамен отдав им лошадь для благополучного возвращения домой. Однако, Мызыл, непримирившаяся с отлучением собственного ребенка, отказалась от доброй услуги. Повесть обрывается неожиданно, а из эпилога читатель узнает, что в день похорон Мызыл на Алтае рядом с могилой стоят ее повзрослевшие дети и внуки. Такова судьба многострадальной, но терпеливой и стойкой алтайской женщины, на долю которой выпали несправедливости репрессии.

В повести «Пепел звезд», перевод которой опубликован в журнале «Алтай» (1992, № 1, 1993, № 2), глазами столетнего беркута описывается воинский стан. Войско, состоящее из 18-19-летних парней и девушек обучается методам военных действий. Великий каган под именем Ак-Кюн готовится к очередному сражению, покорению новых земель и богатств, подчинению неизвестных народов, точнее, мировому господству. Однако, его мечты оказались неосуше-

ствимыми. Причиной чему является недальновидность его окружения, да и сам каган постарел физически и духовно.

События, изображенные в повести, развертываются в то время, когда тюрки были едины как целостный народ. С тех пор прошло немало времени. Возможно ли единение тюркских народов в наше время? Вот тот вопрос, который волнует прозаика сегодня.

В рассказе «Дочь тайги черневой», сокращенный вариант которого печатался в «Литературной России» за 1996 год (№ 3, с. 8—9), изображена судьба алтайской женщины, вытесненной леспромхозом из среды естественного обитания. Предприниматели не только выкорчевывали вечнозеленые кедры, повывезли ценную пушнину, но и довели село до полного исчезновения с лица земли. Население, не определившись чем заняться, в поисках работы подалось в чужую непривычную им среду — город, а многие вовсе спились беспробудно. Среди тех, кому удалось выжить оказалась Моронот. Она потеряла все: и односельчан, и родственников, и даже единственную дочь, которая уехала на Камчатку и ни разу не провела мать. Сумеет ли спасти она свою душу? Ведь осталась у нее родная песня, человеческая совесть, с которыми она уйдет в иной мир. Таков художественный мир прозаика Д. Каинчина.

Сегодня эти произведения вошли в школьные и вузовские учебники Республики Алтай. В заключение подчеркнем, что нет необходимости говорить о значимости писателя. Д. Каинчин вносит заметную лепту в алтайскую литературу, разнообразя тематику и проблематику своих произведений, обновляя поэтику и стиль современной алтайской прозы. В жанровом отношении в его творчестве достойное место заняли рассказ и повесть. Сегодня он пробует свои силы в освоении жанра исторического романа. Первые опыты удались, впереди новые открытия. Так пожелаем Д. Каинчину успешного восхождения на вершину Белухи со своим романом («Над нами гора Ёч-Сүмер»). В свое время московский критик и литературовед В. Дементьев пожелал Д. Каинчину остаться народным писателем (узнав, что он живет в деревне). Мы же пожелаем ему, чтобы это слово закрепилось за его именем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стенограмма заседания совета по прозе от 26 ноября 1986 года (личный архив писателя Д. Б. Каинчина).
2. Төлөсов К. Ч. , Каинчин Ј. Б. Эмдиги өйдин повестьтери (Современные алтайские повести) Горно-Алтайск, 1994.
3. Киндикова Н. М. Ыбаш Каинчиннин чүмдемелдери // Киндикова Н. М. Алтай литератураны јаан класстарда үренери (Изучение алтайской литературы в старших классах). Горно-Алтайск, 1994, с. 89-94.
4. Интервью журналистки Н. Бельчевой с писателем Д. Каинчиным: «Алтайыс, тилис бар» (Существует Алтай, есть родной язык) // Алт. Чолмоны, 1993. 17 март.
5. Там же.
6. Киндикова Н. М. В поисках хозяина земли // ж. «Идель», Казань. 2000. — № 11. — с. 58—60.
7. Каинчин Д. Б. Дочь тайги черневой // Лит. Россия. М., 1996. — № 3. с. 8—9.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ДРАМАТУРГИИ

Драматургические произведения Д. Каинчина, как и его проза, посвящены алтайской деревне. В его пьесах дано яркое представление о менталитете алтайского крестьянина, его жизненном укладе, о тех драматических событиях, которые меняли жизнь села в целом. В них современность и прошлое осмысливаются как единый исторический процесс.

Пьеса «Голова жеребца» написана Д. Каинчиным по сюжету одноименной повести. Пьеса и повесть о далеком времени становления колхозов. Столкновение двух противоборствующих сил, разных мировоззрений воплощено в живые человеческие характеры — в образы Дьюгуша и Байтюрека. В драме, именно так обозначает жанр пьесы автор, рассматриваются судьбы людей на фоне широких социальных преобразований, когда могучее дыхание новой жизни начинает проявляться во всем. Оно врывается в личный мир героев, в их мысли и чувства, в их взаимоотношения, вносит изменения в их психологию. И национальные характеры, вовлеченные в переломные моменты народной жизни, менялись, переживали коренную перестройку своего мировоззрения.

Противоположно показаны характеры героев антиподов — Дьюгуша и Байтюрека — они обрисованы автором реалистично, колоритно, запоминающе.

В ремарках подробно описан богатый аил Дьюгуша, его одежда, внешность, подчеркивается зловещий шрам, вводя в изображаемую обстановку действия пьесы.

В образе Байтюрека автор подчеркивает черты, характерные для положительного героя — беззаветное служение своему делу, честность, настойчивость, открытость. К Байтюреку тянутся люди. У него нет отрицательных черт характера. Но действия этого положительного героя автором недостаточно психологически аргументированы: не понятны его долгие колебания в оценке поступков и

поведения Дьугуша, тем более, что характер и поступки Дьугуша заявлены с самого начала действия. Характер Байтюрека дан в описаниях окружающих его людей, чем проявлен в действиях и поступках.

Привлекают к себе внимание образы бедняка Кепеша и его жены Кураш, которые раскрыты также в народно-поэтическом стиле. В начальной ремарке автор подчеркивает, что внешне Кепеш похож на народного комика Тастаракая. И это сходство проявляется в речевой характеристике — Кепеш-балагур, не лезящий за словом в карман, его речь насыщена фольклорной образностью, различными байками, шутками, поговорками, пословицами. Его богатство — любящая жена, с которой они живут душа в душу, дети и бедный аил. Но характер Кепеша неоднозначен, психологизирован: он вобрал богатство народной души и в то же время у него — черты терпеливости и почитания старших и богатых, сложившиеся в характере алтайцев за многие века. Кепеш нечаянно в драке убил человека и, скрыв свое преступление, теперь расплачивается за молчание Дьугуша полным подчинением, убивая колхозного жеребца и подкладывая его голову в аил Байтюрека. Битый тяжелой жизнью, находящийся в рабском подчинении Дьугуша, Кепеш не теряет свои лучшие человеческие черты характера, он погибает, спасая жизнь Дьорпому — бедному мальчишке.

Образ жены Кепеша, трудолюбивой, озорной женщины показан с интонацией доброго светлого юмора. В их бедном аиле царит светлая, жизнерадостная атмосфера, созданная любовью и добротой души этой женщины.

Несмотря на то, что созданы колоритные характеры, интересные сцены, заявлен основной конфликт действия, пьеса страдает описательностью. Автор не выстроил развитие этого конфликта в действиях и противодействиях своих героев, события происходят где-то, о них персонажи рассказывают, а не действуют в предлагаемых обстоятельствах.

Другой национальный характер раскрывает Д. Каинчин в одноактной пьесе «Встреча в тайге», посвященной теме Гражданской войны, столкновению разных мировоззрений.

Герой пьесы — старик Кылгай, проживший нелегкую жизнь и пасущий скот в тайге. Вечером, сидя в одиночестве у костра, он вспоминает свой дом, домочадцев, их заботы, осмысливает прожитую жизнь. Неторопливо разворачивается действие пьесы: в монологе Кылгая сегодняшние заботы связаны с воспоминаниями о прошлом, монолог сменяется диалогом с воображаемым духом Алтая, затем мысли Кылгая занимают оставленный дом и домочадцы с их заботами. В этих сценах раскрывается тип национального характера героя — человека простого, трудолюбивого, нравственно чистого, доброго, живущего в гармонии с окружающим миром, верящим в целительную силу родной природы. Внутренний мир старика отражает его духовное богатство, его мировоззрение, связанное с народным миропониманием. В характере старика Кылгая сконцентрировано все богатство народной души — трудолюбие, жизнестойкость, любовь к людям и доброта.

Случайно на огонь забрел одинокий охотник, беседуя с которым Кылгай узнает в нем бывшего белогвардейца Филимона Глухих, расстрелявшего в годы Гражданской войны семью Кылгая. С его приходом завязывается конфликт драмы, который является естественным продолжением жизненного столкновения этих людей.

Филимон долгие годы приспособился к новой жизни, изменив личину, место жительства, но так и остался все тем же ненавидящим новый строй человеком. Кылгай тоже прожил нелегкую жизнь, но суровая жизнь, полная различных испытаний закалила его характер и не ожесточила, у него крепкий внутренний стержень, он справедлив и гуманен. Действие пьесы разворачивается стремительно — лаконичные, напряженные диалоги выражают быструю смену настроений героев. В столкновении мировоззрений Кылгая и Филимона проявляется концентрация сильных человеческих чувств. Характеры героев раскрыты в кульминационный момент, в переломный миг человеческой судьбы, когда все продумано, пережито и вылилось в поступки действующих лиц. Кылгай прощает своему недругу прошлое, понимая, что тот также прожил трудную жизнь. Но Филимон, исполненный страха за себя, трусливо убивает Кылгая в темноте ночи, еще более возненавидя старика чем раньше.

Другие типы национального характера раскрывает Д. Каинчин в своей пьесе «Крик с вершин», посвященной современной деревне. Долгое время живя в деревне, в гуще колхозных будней, Д. Каинчин хорошо знает внутренние процессы алтайского села, проблемы и противоречия, людские характеры с их идеалами, потребностями, особенностями внутреннего мира и поведения. И все это раскрывает в своих произведениях.

Тема пьесы перекликается с одноименной повестью Д. Каинчина, написанной в начале 80-х годов. В центре повести молодой чабан Калап Алымов. О его нелегком труде, мечтах, взаимоотношениях с людьми рассказывает Д. Каинчин.

Действие пьесы переносит в конец 80-х годов. Изменилось время, стали меняться нравственные приоритеты, идеалы, взаимоотношения людей. В пьесе «Крик с вершин» — «Туулар баштай кыйгы» нет яркого конфликта, столкновения героев. Драматический конфликт основан на столкновении их различных представлений о своем месте в жизни, о счастье, о труде, разном представлении и отношении к общественному долгу.

Все события пьесы, все действия пьесы происходят на маленькой чабанской стоянке. Замкнутый на первый взгляд мир, в котором вращаются герои, ежедневные будни с их изнурительной работой — заботой об овцах, за которыми они ухаживают. Главный герой Сулук, молодой чабан, хотел бы вырваться из этого круга, он неудовлетворен своей жизнью. Где-то проходит яркая, праздничная жизнь, даже в деревне жить интересней, чем здесь. А у него одна постоянная забота об овцах — то сакман, то надо заготовливать сено, то пасти. Такая жизнь кажется ему никчемной. Он вообще задумывается о смысле жизни. «Овцы в ограде и моя жизнь в ограде» — говорит он.

В отличие от него его родители живут обычной, трудной жизнью чабанов. Они простые, трудолюбивые люди. Характер родителей Сулука сформирован теми идеалами, которые существовали в социалистическом обществе и теми народными устоями, которые издавна: на первом месте у них стоит труд на благо общества. Это самоцель их жизни. «Мы выращиваем овец — это наш долг перед обществом, учительница должна в свою очередь учить и заботиться

о наших детях» — заявляет мать писателю Тукпашу. Действительно, они трудятся, не покладая рук, забывая о себе, о детях. Они относятся к животным как к своим близким, замечая все: и характер животного, и его привычки, и поведение. Между отцом и матерью царит взаимопонимание, уважение, в течение долгой жизни они привыкли заботиться друг о друге, понимать все с полуслова. Их мир, на первый взгляд ограничен рамками чабанской стоянки. Но в привычном труде, образе жизни родителей Сулука автор отразил веками существующие отношения между людьми и природой, их философскую глубину, народный опыт, народные идеалы и миропонимание. В этих образах воплощен национальный характер, в этих образах отражается нравственное и духовное богатство народа. Мать и отец утверждают труд как основу жизни. Но они не задавлены тяжелым трудом, их радует и красота природы, и пение кукушки, и жизнь в ее разнообразных проявлениях, они живо интересуются тем, что происходит в большом мире. Автор любовно выписывает образы этих героев. Они жизненно достоверны с их поступками, взглядами, иногда ошибочными, но в то же время на них лежит романтический отсвет.

Образ писателя Тукпаша дан только с одного ракурса, в его лице автор выписал и автобиографические черты. Он получил хорошее образование в Москве, много ездит по другим городам и тем не менее его взгляды на жизнь, окружающий мир во многом совпадают со взглядами на жизнь родителей Сулука. Этот образ является связующим. С Тукпашем разговаривают родители Сулука, высказывают свои взгляды молодые: Сулук и Чейнеш. В разговорах с Тукпашем Сулук вступает в активные отношения с самим собой, преодолевая себя, познавая себя. В этих разговорах поднимаются основополагающие в человеческом бытии понятия как долг, совесть, любовь, семья, дети.

Д. Каинчин пришел в драматургию из прозы. И это чувствуется в его пьесах: они полны описательности, в них много пространных монологов, диалогов. Не избежала описательности и пьеса «Крик с вершины горы». Композиция пьесы несколько затянута, но тем не менее в пьесе созданы типы современного национального характера.

ПЕПЕЛ ЗВЕЗД

В последние годы алтайские писатели обращаются к далекому историческому прошлому. Такова закономерность общечеловеческого развития: на определенном витке своего исторического движения обращаться к праистокам, осознавать роль и место родного этноса в истории человеческой цивилизации.

В центре внимания Д. Каинчина в повести «Пепел звезд» жизнь древних тюрков, потомками которых наряду с другими тюркскими народами являются алтайцы.

Воссоздание облика, образа жизни — менталитета далеких предков — задача, безусловно, сложная. Д. Каинчин во многом сумел передать реалии тех тысячелетий.

В образе кагана (хана) Ак-Кюна, одного из главных персонажей повести, акцентируются типичные для тюркского сообщества черты.

В первую очередь Ак-Кюн — каган и воин. Можно сказать, это каган-воин, ибо в те эпохи каганство и завоевания представляли собой единое целое: «правил бал» закон сильного — если не ты его, так он тебя. Закон естественного отбора и выживания предопределял образ жизни этносов, главной задачей которых было стремление выжить в борьбе с врагами, сохранить свою независимость и целостность.

Этих принципов придерживался Ак-Кюн — типичный тюркский каан, строящий жизнь своего народа сообразно его менталитету и законам своего времени. Он заботился, чтобы его народ жил стабильно, рос численно и духовно, имел все нужное для жизни. Соответственно этой сверхзадаче он строит быт свой и своего этноса.

Одерживая победы над врагами, он порою захватывает соседа-кагана, прибирает к рукам его владения и подданных, порою берет в жены его дочерей (на момент сюжетного времени их у него семь). Как воин, он всегда точно рассчитывает, когда нужно нанести вра-

гу удар: «Сейчас — или никогда! Сейчас — или никогда! Или (ты) — бий, или — раб!»

Действует Ак-Кюн в духе тех времен жестоко, не позволяя себе расслабиться. Каган честолюбив. Он хочет завоевать весь мир, заставить подчиняться ему: «Я хочу оседлать Вселенную».

Ак-Кюн мудр, справедлив, прогрессивен, порою хитер и коварен — так повелевали законы выживания, таковы были жестокие законы тогдашнего времени.

Слово кагана и все, что касается его, должно быть незыблемо, каждое его слово — закон: «Сказанное каганом — вбитый (в землю) кол». К примеру, его младший сын-задира Суртулдуш бесславно погиб от руки раба за то, что хотел у последнего отнять кусок золота. Ак-Кюн повелевает объявить: баатыр Суртулдуш геройски погиб в бою у Красного холма. А Туутаан отрезали язык за то, что она сообщила кагану о гибели Суртулдуша: она знает каганскую тайну.

Ак-Кюн хочет объединить народы всех каганов. Объединить всех, по его мнению, может единый язык. А этого можно достичь с помощью грамоты. Ак-Кюн придает большое значение знаниям. У него в ставке много мастеров, например, есть у него люди, умеющие разбивать каменные крепостные стены врага. Он мечтает построить дворец знания, где бы его писец Ойгорул обучал людей, которые, в свою очередь, будут обучать других. Сам каган — искусный воин. К примеру, никто, кроме него, не умеет так натачивать саблю, чтоб она могла в воздухе срезать человеческий волос.

Есть у него свои тайны, которые позволяют ему одерживать победы: во-первых, стремя (если седло со стремянем, всадник долго не устает), во-вторых, круглый меч (прямой меч быстро ломается, круглый — лишь немного тупится). Эти находки Ак-Кюна пока никто не знает.

Он не позволяет себе расслабиться. Даже в своем бб-крылом шатре из белого войлока не ночует. Даже зимой предпочитает спать на воле: «Постель — потник, подушка — седло, одеяло — чепрак».

Ак-Кюн твердо блюдет воинский кодекс предков: сначала своего коня корми, потом себя; сначала свою армию обеспечь, потом себя; без меня армия — ничто, я без армии — никто.

Жизненный и воинский опыт виден из его наставлений сыну Алып-Нере: «Перед началом битвы не волнуйся. Не спеши. Будь, как камень! Заранее обдумывай ход войны-битвы. Найди единственно верный способ! Не торопись, не разбрасывайся».

Ради общей цели он готов даже простить Ойгорулу гибель своего младшего сына, ибо Ойгорул — нужный, много знающий и мудрый человек. «Таких рабов мало, — сказал Ак-Кюн, идя навстречу Алып-Нере. — Слушай его размышления, понимай. Тебе с разными людьми придется разговаривать. Чем собирать полные добра мешки, по ложке собирай умы».

Ак-Кюн — собирательный образ, выражающий типические черты тюркских каганов. В этом смысле его «концентрированный» образ, аккумулирующий в себе все познанное писателем о той эпохе, что является большим достижением алтайского прозаика.

В повести много других выразительных образов. В первую очередь это Ойгорул, представитель народа, раб, мудрый, грамотный, трудолюбивый и честный человек, писец. Он «пишет» на каменных стелах историю своего народа и своих каганов. Как личность он на одном уровне с каганом, недаром Ак-Кюн считается с ним. По своим жизненным целям и принципам Ойгорул противостоит Ак-Кюну. В ответ на притязания последнего «оседлать» Вселенную Ойгорул даже перед неминуемой гибелью, зависящей от воли кагана, заявляет: «Завоевать Вселенную есть способ. Но сделать ее единым государством, держать в узде невозможно... Потому что, если даже полоните человека, душу его никогда не завоюете... У неподходящего для человека кагана долгой жизни нет. Насилием держащаяся власть — это не власть. Желания кагана должны быть едиными с народными».

Готовый простить мудреца и философа за гибель младшего сына, каган не может стерпеть этих высказываний подданного, за что тот расплачивается своей жизнью, хотя позже каган убеждается в правоте Ойгорула.

Выразительны в повести и образы старшей жены Ак-Кюна Ай-Каади (Дьяан-Эне), типичной каганской подруги и советчицы, лучниц Баатыр-Бала и Тебене-Коо.

Художественный образ старого беркута Курч Тырмак (Острый Коготь), много видевшего из жизни людей и своего кровно-родственного племени, сыграл решающую роль в кризисные моменты битвы родного племени с врагами.

Проникновение воображения художника слова в толщу прошедших эпох обеспечило убедительное воссоздание многих реалий того времени, многих компонентов тюркского менталитета.

Воспроизведение быта, обычаев, нравов, мировоззрения народа позволило писателю воссоздать хотя бы в определяющих границах, облик древнего народа. Это образ жизни (жизнь окружения кагана), роль последнего в организации бытия своей ставки. Это занятия, главным из которых является подготовка к войне и сама война, ибо одержание или неодержание победы предопределяло стабильность или крах того или иного сообщества. Вот как, к примеру, воспитывался и закалялся воин: «Как ведь человек выбирает щенка — взяв за хвост, поднимает кверху. Если щенок не визжит, из него хорошая собака выйдет. Чтобы стать хорошим воином, по сравнению с этим гораздо более тяжкие испытания надо пройти. Прежде всего его мать (будущего воина), когда приблизится время родов, ее, бедную, вместо того, чтобы помогать, оставляют одну в отдаленно-безлюдном месте. Новорожденного и в воду погружали, и снегом засыпали, и на жаре калили. Даже морили голодом. Если из этих испытаний выйдешь живым, ты — воин, ты — человек».

Воссозданию образа далекой эпохи способствует воспроизведение, как уже говорилось, мировоззрения, образа мышления, языка тюрков и в целом поэтики произведения. Лексика, строй фраз и предложений, их ритмика, тропы, имена героев, как правило, взятые из героического эпоса алтайцев, призваны способствовать решению этой задачи. Вот, к примеру, каков стиль эпического повествования: «Этот богатырь на кроваво-красном коне был Хархуламар, самый сильный воин Сайын-Шадыра. Пущенная им пуля не падала на землю, размахнувшаяся его сабля на камень не натыкалась». Ритмика фразы, эпитет «кроваво-красный», фольклористическая стилистическая фигура «Выпущенная им пуля на землю не падает, меч его по камню не ударит» призваны передать

строй мышления и языка прапредков алтайцев, реалии их жизнеустройства.

Имена героев такие же, как в героических сказаниях, представляют собой своеобразную художественную историю народа. Они, безусловно, взяты из жизни того времени: Ак-Кюн (Белое /Светлое Солнце), Алып-Нере (Богатырь Знаменитый), Тебене-Коо (Как большая игла, стройная) и др.

Историческая повесть «Пепел звезд», представляющая собой многолинейное повествование, является большим достижением алтайского прозаика Д. Каинчина.

«Эл-Алтай», 1998 год, № 1.

СӨСТИН ЈУРУКЧЫЗЫ

Јыбаш Бөрүкович Каинчин — бүгүңги күнде эрчимдү ле јозокту чүмдеп турган прозаиктердин бирүзи. Алтай литературада онын чүмдемелдери танылу ла көчүрменин шылтузында өскө калыктарга солун. Узак өйгө ол төрөл Экинур јуртынан чыгып албай, јурт јердин улузын кееркедим сөслө јурап, марын тапкан. Айла, прозаиктин бичиктеринин ады да бир өйдө аташ угулатан: «Јангыс јердин улузы», «Аттарыс јангыс чакыда», «Айлыбыс јангыс өзөктө» лө оноң до өскө.

Эмди онын геройлары «Ўч-Сүмер алдынан» да түштир, Аба-Јыштан да келтир («Аба јыштын балазы»), Казахстаннын чөлинен де јантыр («Көстөриме туулар көрүнзин»).

Прозаиктин узы јаранганынын бир шылтагы, байла, кычырыштан, оноң көчүриштен ле оос поэзия ойгонгонынан болор. Бу айалганы онын көчүриштери керелейт. Ј. Каинчин бир тушта Ч. Айтматовтын (Јакшы болзын, Гультары) деп повезин көчүрген деп билерис. Калганчы өйдө ол В. Шукшиннин чүмдемелдериле јилбиркейт. Онын ајарузында анайда ок В. Распутиннин ле В. Астафьевтин бичимелдери. Өскө укту литературанан көчүрип тура, прозаик јайалталу бичиичилерден тем алып, бойынын чүмделге узын јарандырат. Айла, Ј. Каинчиннин көчүрижи де алтайсу. «Карган тыт» деп бичикте јарлалган «Тын уул» деп көчүргенин кычыраачы ајарган болор. В. Шукшиннин куучыны орустап «Крепкий мужик» деп адалат. Көчүрөөчи, байла, чике сөс таап албаган. Чындап та, канайда көчүрзе артык: «тын уул», «күлүк уул», «бек эр», «күчтү эр»?.. Ј. Каинчиннин көчүрижинде төс геройдын, Николай Шурыгиннин, мактанганы, тынзынганы темдектелген. В. Шукшин дезе, бодозо до, бу сөслө кижинин ич јанын, сагыш-өзүмин јартап көргүскен. «Кудайы јок» Николай Шурыгин турган серкпени ала-күнче не бускан деп? Серкпе 17 чактын энчизи болгонын, албатынын бүдүмјизи ле иженчизи болгонын ол билбесте, билер күүни де јок. Онын учурын ол ондобой до јат, ондоор

сагыш та јок. Шурыгиннин көкси куру, энезинин арбанганыла, ол «эки ле көс соксоо». Ёстине Шурыгин јаш уул болгон болзо, онын сагыжын канайып та болзо, эбиртип алгадый болгон. Ол дезе јажы јеткен эр. Онын сагыжын бачым кубултып болбос то. Кубултса да, ол тоолу өйгө кубулар. В. Шукшиннин бу сөстөрүн Ј. Каинчин алтай кижинин көрүмиле јурайт. Айландыра улус јуулып келерде, «Шурыгин бойын **каан-бий** деп бодоно берди. Јаман сөстөрүн эмеш тартып, улус јаар көрбөй дө барды. Улус — туулак, Шурыгин — туу. Олордо бака кире бады јок, јылан кире јыды јок». Көрзөөр дө, серкпе бузып јаткан бригадирди! Тын керек эдип тургандый, онын јамызы көстин көскө јаандап, кылык-јаны тоолу өйгө кубулып турат. Мынайда Ј. Каинчин бедиренип, сөстин, шүүлтенин учурына јединет.

Калганчы јылдарда прозаиктин бичимелдеринин чүмделген кеми бийиктейт, кееркедим чүми (поэтиказы) кенейте јаранат. Бу айалганы онын «Кызычак ла Кураанак», «Көзибисте Көк-Кайа» деп куучындары, «Адалар јолы» деп повези керелейт. Автордын тузаланган эп-аргалары байлык, эрмек-сөзи эптү, сүр-кеберлери солун. Кай чөрчөктин күүзи озо чыккан бичиктерде јаан сезил-бейтен, эмди торт ло эжилип тургандый, эрмек-сөс ээчий-деечий төгүлет.

«Адалар јолы» деген повестъте керектер Ада-Төрөл учун Улү јуу өйинде тылда ла фронтто өдүп јат. Јер бойыла бу керектер бой-бойлорынан ыражып та калган болзо, је олорды бириктирип турганы — Кер-Беенин сүр-кебери. Автордын тургускан сурагы те-рен ле учурлу. Кижинин угы-төзи. Јаанада айтса, кижиликтин тазыл-тамыры үргүлјиге үзүлбезин деген шүүлте. Ол анчада ла јарт Бабыш ла Карган Эненин ортодо өдүп турган куучында чике айдылган.

«А слер меге не болорыгар, Карган Эне?» — деп, уулчак јилбиркейт — (Н. К.) — Төс тазылын болгойым. Менен айрыла-нып чыккан да. Кой балазы койго кару, койон балазы койонго кару. Керек дезе јылан балазы јыланга кару. Сен тирү јүрзен, мен де тирү. Баланнын балазы болзо, ол база менин балам, мен — база тирү. Текши энебис бистинг — јер. Адабыс — өрө турган Көк. Агаш јыгылар, арка артар, кизи божоор, кижилик өлбөс. Ичкен суубыс — јангыс, тынган кейис — јангыс».

Повестытеги ончо керектер ле геройлор автордын тургускан бу сурагын јартаарга јомөжөт лө тös шүүлтеге ууландырылган. Темдектезе, јуудагы Садак ла Кыдыр чыккан-өскөн јерим, албатым бар деп сананат. Кижиде, мал да јерине үстүгет. Јуучыл Садак чөрчөктөги Кертеш чилеп, Кер-Бееге минеле, Алтайын көстөп, јанайын да дезе, каруулу керегин, албатызын, јерин өштүден корып аларын јетире бүдүрбеген. Ого удурлаштыра качкын Кыдырдын јарабас кылык-јангы јуралган. Јуу-чакты немеге бодобой, Кер-Бее ле Кыдыр јерине, чикелеп айтса, Токтон өрөкөнгө јангылап ла качып јат. Бу тушта Токтон «јүрүмнин тös чакызы ошкош» јуралган. Кажы ла аттын салымы ол чакыга көрүнбес армакчыла бууланып калган. Кер-Беенин де јанганы: јерине угы-төзин улалтар амадулу. Токтонды дезе түш јеринде ак атту јада калган адазы кычырат. Токтон дезе база ла эмеш јүрейин деп сананат. Онойдо ок Төрчинин сүр-кебери јуралган. Автор јартайт: «Төрчинин де ада-өбөкөзи бу ла мында мынайып јүрген эмей».

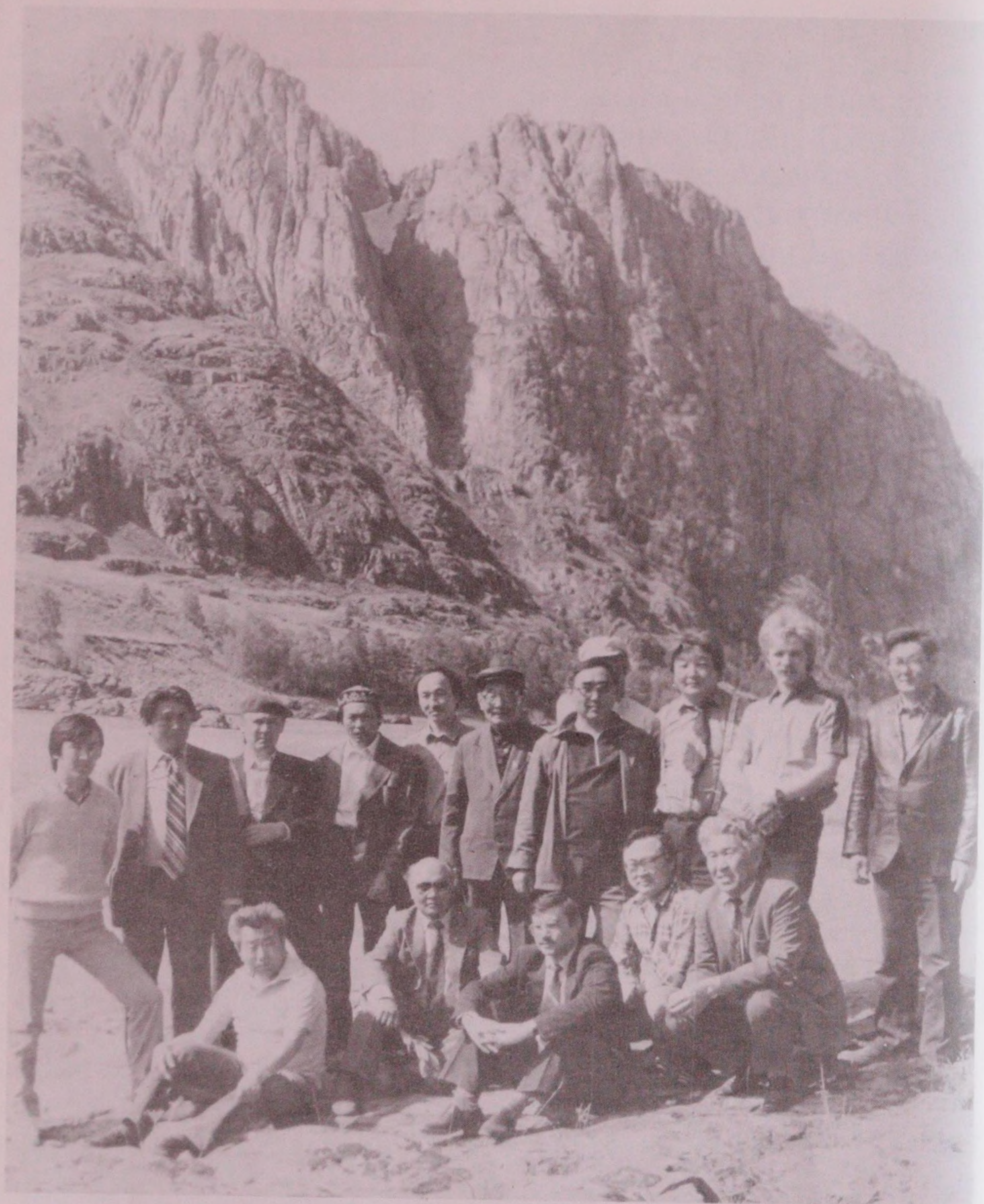
Килемчи ле Чындайдын ал-санаазы јуудагы эш-нөкөрлөри керегинде. Чындай быжу санаалу ла бек тудунып билер. Обөгөни јуудан качып келгенин угала, ол јаан манзаарбай, канай јүретенин шүүп јат. Онын санааларын улалтып, Килемчи јөмөйт: «Э-э, Чындай, не де болзо, бис чыдажар учурлу. Бис јокко јүрүм болбос. Олөрдин өчине чыдажар учурлу...» Айдарда, кажы ла герой автордын шүүлтезин јартаарга ууланган болор. Керек дезе, эпилогто јурукчы Бабыш Садакович «Јүрүм», «Өзүм» эмезе «Үргүлјик» деп јурук јурайт. Онын тös шүүлтези база автордын тургускан сурагын чокымдайт.

Бу повестыте улустын сүр-кебери чокым јуралган. Је геройлордын тили, эрмек-куучыны бой-бойларынан јаан аңыланбайт. Повестыте бир аай јакшынак ла јакшынак эмес геройлор туштайт. Олордын санаа-күүни јарыганы, өскөргөни, кубулганы јок. Је герой јаантайын санаада учун, онын амадузы чокым темдектелген. Геройдын айдынганы эмезе куучынданганы ажыра кижинин ич-санаазы, санааркаганы чыгара айдылат. Темдектезе, Кер-Бее јанып келерде, Токтон сүүнгенине атты кижиге бодоп, оныла куучындажат.

Ј. Каинчиннин ченеп турган жанры — роман. Андыйлардын тоозында «Үч-Сүмер алдында» деп романнын баштапкы бөлүги

Ј. Каинчин ле В. Итушев Москвада

1 ряд (слева направо) Э. М. Палкин, В. Н. Тонкуров,
Б. Я. Бедюров, Б. К. Алушкин. 2 ряд (слева направо)
И. И. Белеков, Б. К. Суркашев, А. Я. Ередеев, Т. С. Торбоков,
И. В. Шодоев, И. Т. Тошпоков, А. О. Адаров, Ж. Б. Каинчин.

Бичиичилер күрезинде

Экинур јуртта төрөөндөрининг ле нөкөрлөрининг ортозында

ле «Көзиме туулар көрүнзин» деп роман болгодый кичинек повесть. «Ол жаратган» дегенин адабай жадым. Мында автор өткөн өйлөргө бурылып, Алтайда чын болгон керектерди көргүзөр амадулу. Прозаиктин бу баштанкайы, байла, једимдү ле јенүлү болор. База бир ајаруга алгадый темдек — ол Ј. Каинчин жадын-јүрүмнин оок-тобыр сурактарынан айрылып, чүмдемелдеринде шүүп көргөдий сурак тургусканы.

«Аба-јыштын балазын» кычырып, кажы кижини каткырынган, кажызы маказыраган ла кажызы тös геройго килегендү арткан болор. Автордын чүмдегениле, байла, озо ло баштап, кижини ондооры учурлу. Оромдо јыгылган Моронот куртыйактын јаныла канча кижини өтпөди деер! Ончозы ла «көрбөчөн, билбечен болот». Айла, озор туш улус эмес, Моронот куртыйакты билер де, ого бир туштаган да. Је кемизи де јууктабайт. Ј. Каинчиннин бичигениле, «таман-дар токылдап, өткүлөп ле јат, өткүлөп ле јат». Ол улустын кылык-јанын, сүр-кеберин эрмеги ажыра автор сүрекеј чоком јурайт. Чек-сиркеген кижини арбанат: «Ы-ы, понимаете, уйат, уйат ине, уйат. Бу ла мындый немелер, понимаете, алтай албатыны түжүрип јат...». Бу кижини Моронот куртыйактын салымын билбес те, ондоорго чырмайбас та. Ого бойына ла јакшы болзо болор.

А милиционер уулдын эрмек-сөзин тындайлы: «Не принуждайте служебное лицо к укрывательству факта доказательства. Это еще больше отяготит наказание». Бу көөркийде чике бойынын шүүлтези де јок. Эске үренип алган белен сөстөрлө билееркеп орустайт. Айла, онын «көстөри бычактый каданы, јүзи тоштый кату...» эмитир.

Текпишти јастанганча јыгылган Моронот куртыйак сырагај ла улустын учы эмес. Бойынын өйинде ол «Күндүлү доскодон» түшпейтен, депутат та болгон туш бар. Је эн ле кайкамчылузы — ондо кижинин ујады арткан: «Уйатузын, уйатузын! Öрө турар аргам бар болзо... Эмезе бу толыкка јетире јылып алган кижини» — деп, ол сананат.

Је айалга келишпейт. Моронот куртыйактын салымы да, жадын-јүрүми де күч: кожо чыккан эки агазы јууда јен јастанып јыгылтыр, протезтү агазы аракыдан улам тогып, чарчап калган. Онын балдарыла билишпес, бойынын кызы Алтайда эмес јурт төзөгөн... Сыра-

ны да ачитпас эди, је «одын керек, чеденнин төнөштөри чирик. Турачактын бүркүзи (жабынчызы) эски...» Моронот куртыйактын бу городто артканы да арга жоктон ине. Онын чыккан-өскөн журты мөштөрдин ортозында турган. «Аба-жыш ол журтты камду-киш тоныла ороп алгандый бодолотон». Эмди ол журттан жаңыс төнөштөр арткан. Бириктире айтса, бу кижини ончозын жылыттыр: чыккан-өскөн жерин, жерлештерин (жаңыс Маркел арткан), балазын... Арт учында бойын жылыттар ой келген. Бу айдары жок жаан түбек, бүгүңги ойдин чочыдылу ла шүүп көргөдий сурагы, жаанада көрзө, бүткүл эл-жон жоголып жат. «Алтай ээн: жон до жок, журт та жок, күүн де жок» — деп, автор чүмдейт. «Мынын шылтагы неде десе, бисти бириктирип турган улу амаду, улу санаа жок» — деп, куучыннын бир геройы айдат. Өскөртө айтса, кижинин көгүс-өзүмине, жадынына жарамыкту айалга төзөлбөгөн, албаты ады адалбаган. Калык деп адаларга тургун жаткан жер болор учурлу, куучындашкадый төрөл тили керек, жагдаган жаңы, бойынын түүкизи ле культуразы... Моронот куртыйак ончозын жылыткан, је кожоңы бойында учун тыны үзүлгелек...

Бичимелдин бажында сөстөргө такып бурылып сурайлы: Моронот куртыйакка каткыраарыс па, маказыраарыс па, килеерис пе? Жок. Бу кижини ондоор керек. Карганактын айдыжыла, «төзинен кезип салган агаш мынай калбай». Бу кичинек куучында J. Каинчин сүрекей учурлу сурактар тургустыр: ол — бистин бүгүңги жадын-жүрүмистин аргазы, ол — кижинин жайрадылып, бойын жылытып жатканы, ол бүткүл албатынын кайылып калгадый айалгазы ла онон до өскө. Чүмделген кемиле «Аба-жыштын балазы» деген куучын В. Астафьевтин калганчы чүмдемелдерине («Печальный детектив», «Людочка») жүзүндеш. Андый ок сурактар В. Распутиннин чүмдемелдеринде туштайт. «Кееркем чүмдемел (качан бичилет — Н. К.) — качан кандый да керек болзо: ороондо, кижиле, сенин салымында» — деп, В. Шукшин айткан. Бу сөстөргө тайанып, темдектегедийис: J. Каинчин чындык жолдын белтиринде туруп, теренжиде шүүйт, ойдин курч ла онзүре сурактарын коскорот, калыктын өткөн лө келер салымын ширтейт, ого коштой кычыраачыны санандырат.

«Јылдыстар когы» («Эл-Алтай деп кееркедим-литературалык жуунты. 1992, № 1—2) деген јаны повестъте автор јебрен түрктёрдин түўкизине бурылып, ол өйдин улузы нени сананып, нени кылынып, неге јүткүгенин көргүзөргө ченежет. Неден улам өткөн керектерге бурулган дезе, бичиичини, озо ло баштап, түрктёрдин жуучыл јолы, улу салымы јилбиркеткен. Чындап та, бу Алтайда арткан кезер таштарды кем тургускан? Онын учуры кандый? Бу кобы-јиктёрде арткан корымдарды не улус эптеп јазаган? Бу ла онон до өскө сурактарды јартап аларга Ј. Каинчин јебрен чактарга бурулат. Бир он беш јыл кайра журукчы И. И. Ортоңулов айдыптыр: «Бисте ташла узанатан оборчылар (скульпторлор) болгон болзо...» Онон улам бичиичи мындый санаага јединет: кезер ташты туш улус чертпеген, оны ус колду улус јонуп јат. Бу санаалардан улам ол Улу Кагандар Өзөгинде өдүп турган керектерди кееркедим сөслө бодоштыра жураган.

«Јылдыстар когын» бичиирге Ј. Б. Каинчинге кандый ченемел болушту болгон дезе, озо ло баштап, албатынын байлык энчизи, анчада ла кай чөрчөктөр лө кеп куучындар. Экинчизинде, Алтайдын јебрен казынтылары ла түўкилик јетирүлөр, Л. Гумилевтын ла өскө дө шинжүчилердин бичиктери. Ол керегинде автор «Алтайдын Чолмоны» газетте јарлалган интервьюде мынайда јартайт: «Мен городто архивтерле таныжар аргалу болдым. Олордо алдында билбеген көп јажыттар, солундар бар. Јайаандык јаны иштерде мен олорды тузаланып јадым...»). Үчинчизинде, литературанын ченемели: таш бичиктер, чокумдап айтса, VI—VIII чактардын јебрен түрк поэзиязы, төрөл литературада А. Адаровтын «Тонйукук», И. В. Шодоевтин «Кызаланду јылдар», Б. Укачиннин, Б. Бедюровтын ла онон до өскөлөринин чүмдемелдери. Карындаштык литературада Ч. Айтматовтын, И. Есенберлиннин чүмдемелдери, онойдо ок В. Јаннын түўкилик трилогиязы, И. Калашниковтын «Жестокий век», В. Чивилихиннин «Память» деген роман-эссези ле онон до өскө бичиктерле, сөс јогынан, автор таныш. Повесть кандый учуралдарла јилбиркедет? Жуучыл черү јииттерден турган. Автордын жураганыла: «Бу черүде он алты, он сегис јашту уулчактар, керек дезе кызычактар да бар. Олорды бу Улу Кагандардын өзөги јаар жуучыл үредүге ийгилеген. Олор бого күүк ай-

дын бажында келген. Эмди куран айдын учы — үредү төрт айга шыку болуп барады».

Черүчилерле кожо ат-нерелү јол-јорыкка Ак-Күннинг кулдары — Ойгорул ла Томуртка — тергенет. Бу экү кезер таштарды озолондыра белетеп алала, черүни ээчий баратан болтыр. Атту-чуулу улу кагандар јер јастанып јыгылган јерде озор кезер таш кагып јат.

Ј. Каинчин бойынын чүмдемелин јангы терминле, көнү куучын деп адайт. Мындый жанрга токтогоны, байла, бичиичинин чүмдеер марын керелейт. Көнү куучыннын чүмделген кеми база ајарулу. Јаркынду сүр-кеберлердин болужыла автор бойынын санаа-шүүлтелерин айдарга ченежет: «Сананар болзо, бу Јер-Ўстинде де, бу Айлаткыш-Космосто до бир де неме јоголбойтон, јылыйбайтан эмтир. Канча үје калыктын ийдези, кажы ла јүрген кижинин санаалары, сүүнчилери, тоозы јок јуу-согуштар, кемјип болбос түбек-чактар, ачу-корондор, шыралар — бастыра јакшылар, јамандар — ончозы бисте, бисле кожо. Өй дө јылыйбайт: өткөни де, келгени де. Јылдыстар когынан качан бирде јангы јаркынду јылдыс бүдер болор бо?»

Чүмдемелдин эпиграфы Б. Укачиннин үлгеринен алынган:

Кеен јалан. Кезер таш...
«Кем сен?» — деп, ол сурайт.
«Алтай эр!» — деп, мен айтсам,
Алан кайкап ыйлады:
«Айса, өлбөгөн турус не?!.»

Повестьтин тургузылганы да солун: башталганында јүс јашту Курч Тырмак деп мүркүт Улу кагандардын јалангында не болуп турганын ширтейт, учында дезе, автор бойы кирижип, адакы сөзин айдып туру.

Чүмдемелде көчкүн калыктын улу керектери, јуучыл јолы јуралат. Бүгүнгү кычыраачыга бүдерге де күч. Ненин учун дезе, оос поэзияда алтайлардын јайымды, амырды сүүгени сүрекей чокум көргүзилген. Темдектеп алза, Очы-Бала деген чөрчөктө айдылат: «Бажын билер кааны јок, башкарып айдар башчызы јок: кара тайга адам деген, кату јарды энем деген эки түнгей бойлу бала Очыра-Манјы ла Очы-Бала јуртаган». Эмезе: «Јууга-чакка ол барбай-

тан, жуулажып келгенди јандырбайтан, чакка-жууга ол јүрбейтен, чактап келгенди божотпойтон». Јартап айткажын, кай чөрчөктөрдө алтайлардын төрөлчи күүни, кемге де килинчек јок болгоны јуралган. Ј. Каинчиннин чүмдемелинде дезе өскө ой көргүзилген. Жуучыл черү ылгый ла јииттерден турган деп автор журайт. Үредү төрт айдын туркунына өткөн. Эмди озор Ак-Күннин, повестьтин төс геройынын, јакарузын бүдүрерге белен.

Улу каган черүзин баштап алала, Јер-Алтайды жуулап аларга амадайт. «Мен телекейди ээртейле, минип алайын деп! Кандый да кийик мал кижинин колынан чыгып барбас!» — деп, Ак-Күн улуркайт. Тыш кеберин көргөжин, ол каандарга бүдүштеш эмес. Автор онын бүдүмин мынайда журайт: «Ак-Күн бежен јашка јангы ла јеткен, чичкечек сөөк-тайакту, шуурак чырайлу кижиде. Ээгинде сартак сары сагалду... Үни де чичкечек, араай кижиде. Тегин кийимнен кийеле, улустын ортозына кирзе, оны улу каган деп, кемизи де бодобос. Је кадай көргөн курч көстөринен, кимирт эткен үнинен кижинин куйка-бажы јымырт эдер. Онон араай кыймыктанып билбес кижиде. Базар болзо, эзинине өлөн энилип турар» (с. 17). Бу кижинин кылык-јангы база кубулгазынду. «Кезиктерде эш-керекке турбас јастыра учун үлдү-бычагын ушта тарткан јерде, айлы-јуртын керте де берзе күүни. Кезиктерде дезе чын ачынатан немеге јүк ле колын јангып койор. Јүк ле эки-үч оос күрт эдер» — деп, автор бичийт. (с. 43).

Ак-Күннин амадузыла Алтайды кичинек уулына артырар, Куба-Чөлдиде Алып-Нереге, јаан уулына, берер. Онон кыдат јерин жуулап, Кара-Тенгиске једер. Бу мындый јаан амадуга јединерге Ак-Күн канча калыкты жуулаган, канчазын олјологон. Өткөн јолын дезе улу каган бойы темдектеп, бичип барадат: жуучылдар өлгөн јерге кезер таш тургузып, корымдарла керелеп турат. Је Јер-Алтайды улу каган бактырып та турза, калыктарды ол бактырып болбоды. Ненин учун дезе Ак-Күнди эбиреде кату јүректү, калју санаалу улус жуулган. Керек дезе бойынын да уулына ол бүдүнбей турат. Ак-Каанга көрө, Алып-Нере бардазын, күрдек. Керек дезе улуркап та турар. Корымдардын јанына келеле, ол сананат: «Мен Улу Каган болорым! Адым Изү-Күн болор! Абакайым Тебене-Коо — Мен Улу Тергелү болорым! Тил билишпес јон јуртаар, түк

билишпес мал болор. Ончозы менийи болор, меге калан төлөөр. Айткан сөзим — бүдер! Албаты-јон мени ак кийиске отургызала, ак айаска көдүрип чыгар» (с. 14). Бойынын амадузына јединип болбогонынын шылтузында Ак-Күн мынайда шүүйт: «Телекейди јуулап алары јенил, телекейди колго тудары күч... Санаам јетпес туру. Кижиги күүни јок терге узак турбас. Башкарып баштап болбозын. Күчинг ас, санаанг ас...» (с. 44).

Ак-Күн өткөн јолын үзүги јок бичип барадат. Оны бичикке Ой-горул үреткен. Бичинетени та тузалу, та керек јок, ол билбей турат. Је каган болгон адында, Ак-Күн ончо керектерди чаазынга тагма-лап салар учурлу. Онын бичигени јебрен түрктердинг бичимелине јүзүндеш. Түндештирү эдип, С. Суразаковтынг бичигинен алынган билим текстти кычыралы: «Ўстинде көк тенгери, алдында күрен јер бүдерде, бу экүнинг аразында калык-јон бүткен. Калык-јоннын үстинде өбөкөлөрим Бумын-каган ла Истеми-каган отурган. Отурала, түрк јондордын элин, башкартуун тудуп берген». Ј. Каинчиннинг геройы Ак-Күн каган дезе мынайда бичип отурат: «Мен бар јылда чыккам. Онг колымда канду јебее, сол колымда албатынын (ол өйдө, байла, албаты эмес, јон эмезе калык деп айдатан — Н. К.) ак малдын эрјинезин тудунганча чыккам. Мынын учун мен өштүлерге кату, озорло күүн-кайрал јок тартыжу күүнзейдим...» (с. 59). Эмезе: «Мени улу каган эдип, адам Күн-Уулы јайады... Киндигим менинг Јер-Суула тудуш. Мен кул эмес, Кудай болуп бүттим. Мен какпаган јер сений — бийле! — деп, өрө турган Көк бойы јакыды. Бу сөс бүдер деп, черт берип отурым».

Повесть кенейте ле үзүлип калды. Јеткен јер де јок, јединген амаду да аңыланбайт. Чүмдемелдинг калганчы јолдыктарын кычырып, кандый да јарт эмес сурактарга табарткадый: улу каганнын түни-түжи бичигени калас артып јат. Јаан Эне оны јырта-јырта тартып, чөлдө таштап ийген. Ак-Күннинг јер-телекейди јуулап, калыгын бактырып алатаны база бүтпеди. А бүткүл черү барып јат. Ј. Каинчиннинг јураганыла: «черүнинг чик јок кийинде калтылдагылап, чыкырашкылап, абралар чөркөлижип барадат. Кажы ла абрада беш јуучыл. Абранын үстинен өштүлерди адарга, јыдалаарга да сүрекей эптү, Ак-Күн ак јоргозына мине согуп... чөл јаар шунгып ийди». Јарт, канду јууга удуралар... Калык-јон кы-

рылганча, кызыл кан төгүлгенче ле учы-кыйузы јок јол улалар. Повесть «Јылдыстар когы» деп адалат. Је чүмдемелде јылдыстар бир ле катап суркурады. Ол — ташјоноочы Ойгорулдын санааларыла колбулу. «Тенери сүрекей бийик ле көгөлтирим јаркынду турды» — деп, автор бичийт. Онон ары геройдын ал санаалары: Ойгорул бу тенеринен көс алып болбойт. «Өрө турган Көк, болушкар... болушкар...» — деп, үзүги јок шымыранат. Јес кызыл ай туу бажынанг туулып, куулгазын јарыйт. Јылдыстар чокым-јарт. Кажы ла јылдыс ангылу, јарт: кажызы бийик, кажызы јабыс, кандыйы јаан, кандыйы кичинек, тукузы ыраакта...

Та ненин де учун бу түнде сүрекей көп јылдыстар төгүлет. Тенери чындапка ла ыйлап тургандый...»

Өскө јерде Ј. Каинчин јылдыстардын болужыла бойынын санаа-шүүлтелерин јетирет: «Сананар болзо, бу јер үстинде де, бу Айлаткыш-Космосто до бир де неме јоголбойтон, јылыйбайтан эмтир. Канча үйе-калыктын ийдези, кажы ла јүрген кижинин санаалары, сүүнчилери, тоозы јок јуу-согуштар, кемјип болбос түбек-чактар, ачу-корондор, шыралар — бастыра јакшылар, јамандар — ончозы бисте, бисле кожо. Өй дө јылыйбайт: өткөни де, келгени де... Јылдыстар когынанг качан бирде јангы јаркынду јылдыс бүдер деп, кижилик эмди јарт билер» (с. 46). Бу сүр-кебер терен учурлу да болзо, је бултаарта айдылган јолдыктарды автордын јартамалы јогынанг ондоорго күч. Күйеле өчүп калган көктөнг јангы јылдыс јаркындалар ба? Бодозо до, автор јер ле тенерини тудуштап, јер-телекейдин түркукту албатыларын јылдыстарла түндештирген болор. Повестьтеги јетире айдылбаган шүүлтени автор бойы мынайда јартайт: «Бүгүнгү күнде түркукту калыктар јер-телекейге чачылып калган. Кайдан билер, качан бир озор такып биригип, бирлик калык болордонг ай-абас...» Ј. Каинчиннинг чүмдеп тура, ырада ла теренжиде шүүгени — бу санаа.

Ј. Каинчин көчүрген В. Шукшиннинг «Тынг уул» («Крепкий мужик») «Карган тыт» (1994 ј.) деген куучынын мен озо шиндегем.

«Баш болзын...» деген куучын чала «Тынг уулга» жүзүндеш. В. Шукшиннинг геройы Николай Шурыгин турган ла серкпени ала күнге бузып јат. Серкпе тегин эмес, 17 чактын кересс энчизи, улустын мүргүген байлу-чуулу јери.

Ј. Каинчиннин геройы Таркраш дезе Алтайынын агаш-тажына, чокымдап айткажын, Байтытка бажырып, алкыш-быйан сурайт. Николай Шурыгин деремнезінде «тын уул», ого удурас сөс тө айткажын, туза јок. Ол бойынын керегин бүдүрүп јадат. Јамылузы да оны серкпеле урушпа деерде, керектебеген, тоомјылу үредүчи де керектин аайын јартаарга ченешкен — калас, үйи де айдарда, кулактын кырыла укпаган, керек дезе карган энези алсанаага түжүп, арбаарда, көгүске сөс илинбеген. Шурыгин «тын уул», оны түзедип болбозы јарт.

Каинчиннин геройы, ого көрө, чик јок артык: билезиле де, ижиле де, јандап билериле де. «Эмди чала јажай берген, чырымы чала чыгып јүргөн тушта» ол јаш тужын эзеп, јандайтанын өзөк-буурыла ондоп то турза, келишпей турганы база бар. Кижі јүрүмінде нени кылынбас? Јакшы ла эдейин дезе, ортозында тутакту боло берер.

Шурыгин немени терен билбезине салдырып, тескеризи тартып, байлу-чуулу серкпени бузып турган болзо, (айла, ол эткен кереги учун быйан укпады, јангыс каргыш уккан), Таркраш дезе ончозын чын эдип тура, бойынын күүниле эмес, јакару бүдүргендий болуп калат.

...Камык тытты не кырган? — деп, Байтыт сураарда, Таркраш јалканчып, каруу берет:

— Оны мен эмес... јаандар јакарган. Олор айткан.

Байтыт оноң ары кезедет:

— Сен олордын сөзин не уккан?

Таркраш база ла бойынын күүниле эмес, јалканчып, бойы кемнен де камаандузын сезип, айдынат: «Ижим ондый да... Мен балдарымды азырайын деген. Мен бойымды азырайын дегем. Мега агаш керек те. Тура тударга агаш керек. Јылынарга агаш керек».

— Агажы јокко јер-алтайын кунурап калар эмес пе?

— Ол арка болгон јерде эмди кыра. Аш өзүп јат.

— Кыра эдер јер табылбай турган ба?..

— Ол кыралар эскирип калган да.

— Турлулардын јанында туу-тайга өтөк јадыры. Оныла кыраларды не јарандырбас? Ол өтөкти одырып, агашты не чеберлебес?

Онон ойто ло чике бойынын санаазын эмес, бойынан суракты туураладып, бойын бойы корулап, каруу јандырат: «Мен оны кайдан көрөйин. Јаандар билгей...»

База бир каруулу суракка ол такып ла јалканчып, каруу берет. «Мен оны канайдарым. Јаандар онойдо эт турган да. Менде сөс, менде јан бар эмес».

Мынайда узак өйдин туркунына бойынын сагыжыла шүүбес, чике айтпас, јаандардын ла сөзин угар, боро карды ла тойу жүрген үйе таскаган. Олор учун эмдигенче ле «өрөги» јамылулар шүүр учурлу. Ј. Каинчин шак бу өйдин «ооружын», эл-јоннын једикпес-тутагын бойынын куучынында илезинче көргүзет. Мындый улус Алтайдын ээзи болор бо? Керек десе трактор до кижини ажыра «алтай базып, баш билинип, чон тумчугыла күчтү канкандап, өлөнгө јажарып калган тамандары тазыражып, Байтыт јаар ичкери барат,.. бульдозер бычагын јерге «күнк!» түжүрип ийди. Јер-тенерини јарылта огурып ийген бойынча, Байтыттын эн јоон тазылын түрткүлей берди — деп, автор јурайт. — Бот, тазыл «торс!» үзүлди. Байтыт бастыра бойы силкинип, серпилип: «јоо, јоо» — деп онтоп ийди»...

Мындый карыкчалду јурук јуралат. Байагы Николай Шурыгин «көкси куру» көк тенек болгожын, Таркраш тон ло өзөги јок эмес, түүкилик сагыжы кайда да терен уйуктап калган. Каны тартып, јангын јандаар јанду.

Ј. Каинчиннин куучынынын тургузылганы да солун. Ончо улуска таныш кеп сөсти (турган агаш сынгажын, јаан кизи божоор) эптү тузаланып, ого элбек учур, ойгор шүүлте берет. Элден озо ол кеп сөс куучыннын эпиграфы болуп јарталган. Онон куучынындагы Байтыт «тынданат», адакыда геройго учурлу түш түжелет. Автордын узыла калыктын көгүс-көрүми бүгүнгги кижинин бүдүмјизиле колбоштырылган. Байтыт — тыттый ла тыт. Је албаты оны анайда тегин адабаган. Таркраштын сагыжында энезинин алкыш-бийаны көстө дө, көгүсте де терен ис артырган. Энезинин солузактаган куулгазын шымырты эмдиге ундылбас: «Баш болзын, Байлу тытка једип келдис... Баш болзын, алтай-кудай... Јүрүм беригер... Ырыс беригер балама ла бойыма... Балам ла түрген чыдазын. Колтыгарга корыгар, койныгарга сугугар...»

Мынын кийинде Таркраш бу Байтыттын алдында көп катап турбай база... Бого айдынып, актанып алза, сыны женилип калар. «Мыны Таркраш ундыбаган да, жагдаар жалама да, сүт те жок болзо, жагжыкканы аайынча, Байтыттын алдында айдынат: «Баш болзын!.. Алтайым-кудайым... Ак-жарыктын үстине жүрүм беригер меге. Балдарыма беригер. Үйиме беригер. Ырыс беригер, су-кадык беригер...»

Адакыда Таркраш түш көргөн. Тегин эмес, эткен кереги учун кату каруузына тургадый. Алтайдын ээзи ачуурканганын Таркрашка жетирет. Түш учурлу: жагыс ла карган энези жыгылган эмес, жүрүминде тазыктыру алган. Николай Шурыгин көкси куру кижилер болгожун, Таркраш дезе өзөгин, көгүс-көрүмин жылыткалак. Же ол терен жажынган, бүгүн жүк ле жагдырылат, үстине жаан жаштулардын болужыла. Таркраш бу ла божобой жүреле, энезинен угуп та алатан билгирлер болгон... Же база оройтыган. Куучында Алтайдын ээзи кем эмесе не болотон? Жагына ла «жалканчып», же ак-чек иштенип жүрген Таркраш па эмесе жагылулар ба? Алтайды ээленген жап-жагы трактор бо айса «тындана» берген Байтыт па? Ончозын бириктирип келгежин, Таркраш та эмес, техника да, жагы да эмес (айла оны Байтыт «Алтайдын ээзи сен эмезин бе?» деп бурулайт), өрө турган алтай-кудай туру. Ол ончозын үстибистен көрүп, аайлап тургандый. Байтыт дезе жүк ле бу шүүлтени жетиретен сүр-темдек. Кижилер бойынын көгүс-бүдүмүзүн жылытпаска неге де бүдөр, бажылар, мүргүүр, айдынар жагду.

Куучыннын эпиграфына, автордын бичигенине, албатынын кеп сөзине бурулалы. Ж. Каинчин оны не керектү кийдирген болотон? Анда айдылганыла, эки тыт аягынын түш жеринде эрмектежет. Бирүзи экинчизин үчинчизине болушсын деп сураган. Же экинчи тыт мойножып, бойынын сагыган айылчызын күндүлөерге жаг. Онын айылчызы, аягы кижилер, тагары жуук алтай-кудай бергендий куран адып, конгон тытты, чокымдап айткажын, алтай-кудайын күндүлөйт. Автордын жураганыла, «оны (куранды — Н. К.) сойып, от салып, буур тиштеди. Эт бажырып, Кызыл-Тытка күндүү-күрөө эделе, атанып жагып ийди». Мынайда бистин өбөкөлөрис, жаанду-жаштулар озодон бери жагдайтган: керектү болгожун, көп эмес, бир эмештен ле аайлу-башту агдап, жагдап, алтай-кудайына айдынып, суранып, алатанын алатан. Эпиграфтын учурын куучыннын сюже-

диле тундештиргежин, Таркраш күндүү-күрее эдерден болгой (санаада болгон ло), жап-жаңы тракторын калыратканча, таркыратканча байлу јерге чыгып барган. Јастыра ла неме этпегендий. Је үстибисте турган алтай-кудай ончозын көрүп, ондоп тургандый: кижинин једикпес-тутактарын, керектерин, алдындагызын да, эмдигизинде. Бүтпезен, бүт. Айдарда, Ј. Каинчиннин куучынында, бириктире көргөжин, жаңжыккан теманы жаңырта көргөни, кудай жаңын ондогоны, жаңдаганын улалтканы иле сезилет. Ого коштой төс герой жаңысјандай јуралган эмес, једикпес-тутактарлу. Бу айалга геройды ончо жаңынан ширтеп ылгаарга јарамыкту.

Ј. Каинчин оос поэзияны эптү тузаланып, албатынын көрүм-шүүлтезине тайанып, сүр-кеберлердин болужыла бу куучында солун шүүлте јетирет.

Адакыда автордын бичижинин аңылузын темдектейли. Ј. Каинчиннин куучындарында ла повестьтеринде јаан көргүзү-действие јок. Ойлө дө кемјизе, јаан ла болзо, бир-эки күннин туркунына керектер чөйилет. Темдек эдип, «Кырада истер», «Калтар атту Кааканын Суркаш эшке айылдап јүргени» эмезе «Көстөриме туулар көрүнзин» деген чүмдемелдер. Је олордын учуры терең: баштапкызында, јиит уул бойынын јерин талдап ла таап јат, экинчизинде ле үчинчизинде төс геройдын бүткүл салымы јуралган. Олорды бириктирип турганы — армакчыдый узун јол. «Јылдыстар когында» база ла ол учы-кыйузы јок јол чөйилет. Онын бир түрбегин јаа көргүзери — автордын төс амадузы болуп туру. Анайда Ј. Каинчин бүгүнги јолдын түрбегинен өткөн ойлөргө бурылып, түүкилик керектерди кееркедим сөслө јурап туру. Эмдиги ойдө Ј. Каинчин «Үч-Сүмер алдында» деген романын улалта «Үстибисте Үч-Сүмер» деп чүмдемел белетейт. Граждан јуунын блааштартышту керектерин жаңы көслө көрөри база бир јаан иш. Бичиичиге једимдү ле јенүлү јол-јорык күүнзейли.

НАКАНУНЕ ПОДЪЕМА

О современной прозе Тывы, Хакасии, Горного Алтая

Писатель А. Никульков в предисловии к книге алтайского прозаика Дибаша Каинчина «Люди одной долины» оценивал ее как качественно новое, самостоятельное слово в алтайской прозе¹.

Книга «Люди одной долины» сочетает в себе остроту социального видения жизни и четко выраженную способность к углубленному психологическому анализу, достоверность и точность живописания характеров.

Пожалуй, эти черты дарования Д. Каинчина полнее всего обнаруживаются в повести «Голова жеребца», открывающей книгу. В ней рассказ ведется о событиях драматических, о времени крутом и поворотном в истории алтайцев. По-хозяйски расчетливо и экономно расходует автор материал самой действительности, положенный в основу произведения. Небольшое по объему, но густо насыщенное конфликтами и перепетиями суровой классовой борьбы, ею обусловленными, лаконично выписанными колоритными характерами, произведение, подобно пружине, туго закручивается в острый сюжетный конфликт уже в первой главе повести.

Незадачливый бедняк-табунщик Кепеш неожиданно оказывается приглашенным в гости к «большому человеку», заведующему конефермой, секретарю партийной ячейки колхоза Иугушу. Всегда голодный, Кепеш с аппетитом ест мясо молодого стригунка, запивая его хмельной аракой, рассказывает веселые истории, на которые пастух всегда был большим выдумщиком, потешает щедрого хозяина юрты. До коликов в животе смеется Иугуш, слушая забавные, похожие на байки шолоховского Щукаря, рассказы балагура Кепеша. Казалось бы, ничто не омрачает застольной беседы, но чувство необъяснимой тревоги и беспокойство за лю-

¹ Д. Каинчин. «Люди одной долины». Зап.-Сиб. кн. изд. 1974.

дей молодого колхоза, председателя сельсовета Байюрека, комсомольского вожака Чанчы да и самого Кепеша с его девятью голодными ребятишками и женой Кураш все глубже проникает в сердце читателя.

Благодарный Кепеш, желая еще больше распотешить хлебо-сольного хозяина, рассказывает Иугушу очередную веселую байку: принес как-то раз ему, Кепешу, русский друг Митрофан свиную голову, сварила ее Кураш для мужа и ребятишек в большом казане. Стал ее вынимать Кепеш из кипящего казана, а голова-то... На этот раз не улыбнулся даже Иугуш, а как-то сразу построжал и без излишних околичностей приказал Кепешу убить колхозного жеребца по кличке «Комсомол», а голову жеребца отрубить да положить в суму-арчимак заклятому своему врагу Байюреку...

Давно уже утвердилась власть Советов на Алтае. Давно минула пора первых коммун с их непрекращающимися митингами и обильными трапезами. Три года живут и работают люди в колхозе, уже объединившись для совместного труда. Но в тревожное переходное время живет горное селение: «Дремлют избы, срубленные торопливой рукой, без крыш пока,— а пора бы поскорей печи затопить. Насторожились островерхие айлы. Вокруг айлов нет ни изгороди, ни улиц, ни огородов... Айлы старые, покосившиеся, а избы новые, смолой пахнут, стены лоснятся под лунным светом...»

Страстно тянутся в новую жизнь молодой коммунист Байюрек, комсомольский вожак Чанчы, молодожены Кырлу и Иылгар, доярка Яйачи, строгий бригадир плотников старый Балбак, конюх Кырлу, табунщик Иолдубай, богатырь Тобе. Люди горной долины строят новую жизнь, ставят на ноги, укрепляют молодой и пока что еще слабый свой колхоз. Но стали поперек пути затаившиеся враги — Йугуш и председатель колхоза, бывший бай Сарбан. «Заарканили», по выражению автора, два этих человека село за тонкую шею и куда хотят, туда и тянут. А тянут они его назад, в прошлое, чтобы под вывеской колхоза все оставалось по-прежнему, чтобы бедняки, кепеши и калбаки, балыкчи и балбаки, как раньше, пасли скот и коней для бывших богачей Йугуша и Сарбана.

По-лисьи хитер, по-волчьи жесток и опасен Иугуш. Бывший бай, всю гражданскую войну сражавшийся против красных в бан-

де Тужелея, он в конце войны прилепился к красногвардейскому отряду и уже во время создания первых колхозов в своем аиле произносил пламенные зажигательные речи, слыл самым активным коммунистом во всем аймаке. Став руководителем партийной ячейки, не спит по ночам матерый враг, вынашивая коварные планы борьбы с Советами. Понимает он, что «с ружьем и ножом теперь не время — Советы сильны, надо их подтачивать, грызть помаленьку. Пускай народу как можно хуже будет, пусть голодает, терпит лишения, тогда и угаснут надежды на Советы, на колхозы... Советы хороши, когда ты для них хорош, а чуть не по ним, сомнут тут же». В этом же внутреннем монологе формулирует Иугуш существо националистической идеи, ради которой он ведет жестокую борьбу: «А что тебе надо, Иугуш? Мне Алтай нужен. «Алтай — для алтайцев!» — вот мой лозунг, — говорит он.

Половину аила опутал своими тонкими паучьими сетями Иугуш: Кепеш и Кукпаш, в драке убившие молодого Табынара, да Калбак и Балыкчи, застрелившие русского ямщика, крепко зажатые в кулаке Иугуша, умевшего извлекать для себя выгоду из чужих несчастий и преступлений. Любит он, чтобы находились для него руки, которыми можно бы было «вытаскивать горячие казаны.»

Вот потому-то Кукпаш и Кепеш против своей воли, против совести, как привязанные, идут за Иугушем, чтобы вместе с ним, отрубив голову племенному жеребцу, положить ее в арчимак стойкому борцу за новую жизнь Байюреку, подвести его под удар.

И как будто побеждает Иугуш своих врагов, торжествует над Советами. Но победа старого, уходящего в прошлое, над молодым, новым оказывается призрачной, иллюзорной, временной. Арестован Байюрек, убит Кепеш, попытавшийся было заступиться за беспризорника Сорпо. Но семена, посеянные Байюреком, дали добрые всходы в селе. Верный друг и помощник Байюрека — Чанчы да подросток Сорпо сумели распутать хитросплетения коварного врага.

Финальные картины повести насыщены пафосом труда и созидания, пронизаны верой в окончательную победу нового, оптимизмом.

Повесть «Голова жеребца», содержащая в себе острый классовый конфликт, насыщенная бескомпромиссной борьбой, столкновениями характеров, как бы соткана из противопоставлений, разительных контрастов: узкий эгоистический мир Йугуша с его пестрым набором изощренных звериных хитростей противопоставлен в ней светлому и радостному, романтически возвышенному миру мыслей и чувств Байюрека и Чанчы.

В этих художественных контрастах умело отбираются автором важные и значимые детали портрета героев. Зловещий оттенок приобретает шрам на лице Йугуша, некогда полученный им во время разделки туши украденного еще в годы войны коня. «Не приведи бог, чтобы шрам задвигался на щеке Йугуша! Горе тому, кто потревожит покой этого шрама!...»

Противоположными художественными средствами пользуется Д. Каинчин в обрисовке облика незадачливого бедняка, алтайского «Щукаря» — Кепеша. Йугуш сравнивается писателем со старым пнем таежной лиственницы. Кепеш — с персонажем народных сказок — бедняком и шутом Тастаракаем: «маленькая, как у овечки, головка то пугливо прячется в полинявшем лисьем воротнике, то высовывается оттуда, как из норы. Лицо — не больше ладони, испещрено оспинками, будто та доска, на которую для просушки прибивают сусличьи шкуры».

Многообразен арсенал художественных приёмов и средств, используемых автором при изображении сторонников старого, врагов новой жизни. Здесь и скрытая сатира, и приём контраста между внешней видимостью и внутренней сущностью отрицательных героев, и многое другое.

Так, уже в начале повести, оказавшийся в гостях у «большого человека», бедняк-табунщик Кепеш поражается богатству юрты Йугуша, со множеством сундуков и ковров, дорогих вещей. «Все здесь радует глаз — замечает автор. — Хотя если человек местный да еще любит гостить, то он сразу заметил бы, что эти вещи раньше стояли в других юртах. Да и сама юрта не так давно принадлежала баю Шыйты».

В эпизоде, знакомящем читателя с положением зависимых от милости «хозяина» колхоза Сарбана замужних молодых женщин-

келин, приглашенных хозяйкой председателя, чтобы столочь для нее толкан; авторская антипатия к богато одетой, но неряшливой женщине становится особенно заметной: «Можно сказать, всегда шикарно одевалась жена Сарбана. Вот идет она по деревне: шапка из собольих лапок надвинута на самые глаза, красная шелковая шуба так и переливается на солнце, сапожки хромовые, тоже красные, так и поскрипывают — вся нарядная и «новенькая», но всяк человек, хоть он и не здешний, с первого взгляда определит, что не такая она, и шепнет ей вслед: «Грязнуха».

Симпатии к людям труда, любование их физической и нравственной красотой четко проступают там, где автор рисует статного, мужественного Байюрека, его друга Текира Калыпова, погибшего от руки баев, молодого Чанчы, рядовых колхозников — табунщика Йолдубая, конюха Кырлу, бригадира плотников Балбака, жену Байюрека. В изображении положительных персонажей повести доминирующим становится обращение Каинчина к народному творчеству алтайцев: преобладает здесь авторская установка на гиперболизацию положительных черт героев, укрупнение отдельных деталей их портретов: «Высокий был парень Текир, плечи широкие, как орлиные крылья. Говорил резко, будто аркан вздергивал, ходил так стремительно, что ветер поднимался за его спиной и клонил траву».

Сказать, что автор изображает положительных своих героев с симпатией, пожалуй, недостаточно. Д. Каинчин любит борцами за счастливое будущее своего народа. Он обладает даром зарядить этим чувством, захватить и увлечь своего читателя, заставить его сопереживать вместе со своими героями, радоваться их радостями, печалиться их печалью, разделять их мечту: «Байюрек не замечает, как погружается в сон, и снится ему, что в конюшне, которая строится, выросли крылатые, сказочные аргамаки. Через три—четыре года их стало уже пять тысяч. И на эти пять тысяч крылатых аргамаков сели пять тысяч бесстрашных молодых людей. Помчались они быстрее пули — впереди Байюрек с красным знаменем, нет для них преград на земле — ни горы, ни тайга, ни реки, ни моря или океаны не остановят их...»

Эти и им подобные строки сообщают «Голове жеребца» приподнятое звучание, будят в читателе веру в светлое будущее трудолюбивой, талантливой алтайской народности.

Для Д. Каинчина свойственно стремление к усложненному сюжету. Несколько необычна для прозы тюркоязычных народов Южной Сибири архитектура произведения. В повести «Голова жеребца», кроме глав «Заговор», «Утро» и «Новый день», в которых события жизни горного аила увиденны и показаны через авторское восприятие, есть части, где рассказ ведется от имени ведущих ее героев: Кепеша, Йугуша, Байюрека, Яна. Скорее всего, в этих главах, сконструированных по принципу перемежающихся друг друга внутренних монологов героев повести, с наибольшей художественной силой обнаруживается авторская способность проникнуть в психологию героев, обосновать и мотивировать социальное поведение людей, их поступки.

И можно было бы привести немало ярких строк, убедительно говорящих о писательской склонности к углубленному психологическому анализу героев, его умении обнажить «диалектику души». Здесь и полные драматизма сомнения и колебания мятущегося Кепеша, попавшего, по авторскому выражению, в заячий силлок, расставленный для него Йугушем, человека на первый взгляд пустого и никчемного, но на поверку честного, нравственно здорового, неспособного к предательству, подлости и обману; и страдания жены Йугуша Яны, и полные поэтической мечты раздумья о новой жизни Байюрека, Чанчы и других.

Повесть насыщена алтайскими народными песнями, пословицами и поговорками, притчами и анекдотами, всего чаще вкладываемыми автором в уста неунывающего Кепеша, многие из которых умело использованы автором при изображении юмористических персонажей повести, проделки и шутки которых нередко обращаются против них самих («Справедливо говорят на Алтае: длинный язык по своей голове бьет»).

Но, пожалуй, не одни они определяют национальное лицо произведения. Национальное специфическое начало более всего заключено в неповторимых и самобытных характерах героев, в скупом и умелом обращении автора к мудрости алтайцев, накопленной ими поэтической, художественной культуре.

Повесть Дибаша Каинчина с полным основанием можно расценивать как одно из ярких художественных творений многонациональной литературы. И как истинно художественное произведение, созданное на живой национальной почве, оно обладает чертами неповторимости.

Из сб. ст. «У истоков жизни» Красноярск, 1981, с. 18—23.

ПЕВЕЦ АЛТАЙСКОГО СЕЛА

Наш земляк Диваш Каинчин стал лауреатом премии Алтайского комсомола. Нас это обрадовало, но не удивило. Мы уже стали привыкать к его победам. Высокая оценка творчества на Всесоюзном совещании молодых писателей, новые книги на родном языке, премия журнала «Дружба народов» в 1971 году, издание книги «Люди одной долины» в серии «Молодая проза Сибири» — все это закономерно привело нашего земляка к известности.

Диваш Каинчин — сын пастуха. Родился и вырос в селе Яконур Усть-Канского района. Учился в педучилище, служил в армии. В родные горы вернулся уже взрослым, идейно и нравственно сложившимся человеком. Творческий путь начался вроде бы случайно: предложили написать историю родного села. Но в литературе остался далеко не случайно. Почувствовал в себе художника, что выразилось в неодолимой потребности писать. Был принят на учебу в Литературный институт имени Горького. Вначале учился очно, но на втором курсе понял вдруг, что не может жить вдали от своих героев. Перевелся на заочное отделение и стал работать на культпередвижке в родном Яконуре.

Здесь все было привычно. Езда по чабанским стоянкам, встречи, беседы, учебы, а в свободные часы — а их было мало — творчество.

Главная книга Д. Каинчина, изданная на протяжении года дважды — в Горно-Алтайске и Новосибирске, — «Люди одной долины». Само это название как нельзя лучше передает основной пафос творчества молодого писателя: он певец села и его трудового люда, он художник, рисующий духовную красоту человека. В произведениях Д. Каинчина вроде бы нет ничего выдающегося — люди как люди, но надвигаются события, и каждый герой превосходит себя, каждый знает свое место в жизни. А если еще и не знает, то непременно находит. Такая ситуация, например, в лучшей повести «Его земля».

В трудные дни сева и окота овец бригадир попросил вчерашнего десятиклассника Сунера поработать на сеялке. Чувствуя, что в колхозе острая нехватка рук, Сунер согласился. И вот в процессе сельскохозяйственного труда перед ним открывается красота человека, внешне неприметного в стремительном мелькании буден, но такого колоритного.

Таков Кемирчек.

«...Сколько его Сунер знает, Кемирчек работает трактористом. Еще подростком, как сел за рычаги, с тех пор — в жару и в холод, в лютую непогоду — его увидишь только в кабине трактора. На каких только машинах он не работал. Начиная еще на газогенераторных, раскочегаривал их березовыми чурками. Кажется, он насквозь пропах соляркой и керосином и железо въелось не только в его кожу, но и в душу.

Трактор вдруг останавливается. Из кабины высовывается голова Кемирчека. Как-то осторожно и неуверенно сползает он на землю...

— Кровь из носа пошла, язви ее, — сокрушенно говорит Кемирчек, — как подует ветер со степи, всю кабину забивает пылью. И жар от двигателя. Голова кружится... Куда вести трактор — черт его знает! Вам-то хорошо — прохладно. А мне куда деться в этой клетке?

В прозе Д. Каинчина обращает на себя внимание черта, характерная для метода социалистического реализма, в русле которого работает молодой писатель с самого начала. Черта эта вот в чем: казалось бы, частный факт, обыкновенное бытовое наблюдение, будни он поднимает своим художественным мироощущением на поэтическую, философскую высоту. За простой фактической будничностью он видит и дарит читателю сокровенные глубины жизни, вскрывает их высокий социальный смысл.

Для иллюстрации этого тезиса обратимся снова к повести «Его земля». Что помогло молодому человеку, вчерашнему десятикласснику выстоять в труднейших трудовых испытаниях и не просто выстоять, а обрести себя? Ответ один: не сам по себе, а душ золотые россыпи, которые жизнь рассыпала вокруг него.

Диваш Каинчин — писатель, которому удаются не только характеры, но и пейзаж. Он — всегда выражение внутреннего состояния героя, средство дополнительной характеристики.

«К вечеру край неба затягивают черные лохматые тучи. Они ползут так низко над землей, точно ступают по ней, вздымая пыль. Сунеру эти тучи напоминают сказочное семиголовое чудовище Дьелбегена... Первая туча — самая большая голова чудища, а клубящиеся завитки — другие головы. Мощно движется эта громада. За нею скачет грозная, беспощадная орда — с пиками наперевес, со вскинутыми мечами, и, кажется, нет такой силы, которая смогла бы противостоять этому нашествию. Лишь впереди безбоязненно горит одинокая тусклая звездочка. Она то померкнет, то вновь заблестит, словно бросает вызов: «Что — взяли?»

Звезда эта — судьба героя, похожая на авторскую. Они — близнецы. Они оба — люди земли, дорожке которой для них нет ничего не свете. На ней они родились, выросли, в труде обрели свое человеческое достоинство. В их судьбе — судьба их народа, и наоборот.

Диваш Каинчин — писатель остроконфликтный. Судьба человеческая и народная волнует его во всех проявлениях. Правда, он всегда старается вывести своего героя на широкий, словно Яконурская долина, жизненный большак, но делает это, заботясь о том, чтобы не нарушить логики характера и обстоятельств. И тогда случается, что человек оказывается на обочине. Это трагедия, и писатель, раскрывая ее, не жалеет красок. Более того, он беспощаден. Он верен высшему своему принципу — жизненной правде.

Таков и рассказ «Талкан», где во всей драматичности представлена судьба человека — Сабу Ивановича, — который в трудные послевоенные годы в поисках легкой жизни покинул родные горы и подался в город. И вот трагедия: в городе не прижился и в деревню уже возврата нет, и жизнь прошла. Думы текут и текут, одна горше другой, и нет в них просвета, как нет прощения тому, кто в трудные дни покидает места ради длинного рубля.

Д. Каинчин еще молод и так счастливо нашел свое призвание, есть все основания надеяться, что лучшая книга его еще впереди. В ней жизнь села и его тружеников будет воссоздана во всей сложности и многообразии.

«Звезда Алтая», 1974, 12 октября.

*Л. П. Якимова,
кандидат филологических наук*

ЛЮДИ ОДНОЙ ДОЛИНЫ

Говоря о творчестве алтайских писателей, нельзя обойти вниманием работу Д. Каинчина. В кратком предисловии к его книге «Люди одной долины», вышедшей в серии «Молодая проза Сибири», отмечено, что «она вносит собственное, самостоятельное слово... в алтайскую прозу, делает шаг в ее развитии». И это не дежурный комплимент, а точное отражение подлинной значимости книги. С приходом этого писателя в алтайскую литературу со всей четкостью проступила линия ее преемственного развития, появилось как бы то необходимое звено, которое сообщило цельность всей цепи литературного развития.

В лице писателя алтайская проза окончательно встала на свой собственный путь, независимый от судеб поэзии. Д. Каинчин — это прозаик, который миновал поэтический этап. Для него проза стала исходным моментом творческого становления. И линия проблемного социально-психологического повествования, и пристальность внимания к «человеческому фактору», личностному содержанию человека, что упорно пробивало себе дорогу в новой алтайской прозе, проявилось в его книге с такой сознательно заявленной отчетливостью, что позволяло уже говорить о создании в национальной литературе фундамента художественных традиций.

Главную художественную цель произведений, составивших книгу «Люди одной долины», Д. Каинчин видит в исследовании характера своего соплеменника — и его глубинных истоков, равно как свойств и качеств, рожденных новой действительностью. Немаловажную сторону ее содержания составляет аналитическое изображение того, как свойственные всему алтайскому народу черты — особенности внешнего облика, психологического склада, общественного сознания — воплощаются в конкретной человеческой сути. Человек в его изображении предстает как неповторимое, индивидуальное проявление национального типа. Таков Байюрек: «Среднего роста, но очень широк в плечах, ноги крепко стоят на земле.

Половину торса занимает грудь, мощная, как колокол. Такие мужчины, наверное, всегда рождались и вырастали у кочевников... Природа, войны, лишения закалили натуру кочевников — выносливы и живучи они, как дикие животные... И голову на своих могучих плечах Байюрек тоже носит красивую, под стать торсу... крупная голова — немало мозгов в ней может вместиться».

Писателю кажется особенно привлекательной возможностью проследить, как своеобразие национального характера находит выход в сфере общечеловеческих взглядов и чувств, как происходит сцепление национально-специфического с общечеловеческим. Образы отдельных героев наталкивают читателя на открытую ассоциацию с определенным типом характера, имеющим общечеловеческую распространенность. В этом плане особенно любопытна фигура старика Кактанчи. Создавая образ человека незадачливого, непутевого, вралю, фантазера, выдумщика, склонного к балагурству, — своего рода алтайского деда Щукаря, — автор помогает читателю выйти на прямую аналогию с Мюнхгаузеном: «Наверное, знаете того старика, как его? Мюнхауса? Мунгауза? Не поверите, — рекомендует себя Кактанчи, — я говорю не хуже его. Ведь он, старик Мюнхаус, небылицами народ кормит, а мои истории настоящие. Хоть сейчас поезжайте в Корболу, спросите у кого — подтвердит».

Ближе всего Д. Каинчину тот тип национального характера, который в общечеловеческом масштабе проявляется в человеке нрава веселого и жизнерадостного, жадном до работы, постигающим свое ремесло на уровне подлинного творчества и мастерства. Полнее всего он воплощен в образе тракториста Ортонула, в неистощимой жизнелюбии которого, профессиональной виртуозности и способности трудиться до самозабвения есть что-то от вечного Кола Брюньона.

Писателю присущ свой собственный аспект художественного исследования человеческой сути, свой верный способ испытания личности на моральную прочность: не любовью, не дружбой, не бытом, а отношением к труду, хваткой в работе, любовью к делу. Своих героев он предпочитает изображать непосредственно в трудовой обстановке, в те моменты психологического состояния, когда человек и втягивается в рабочий ритм, когда напряжение его

духовных и физических сил достигает предела, когда схваченный страстью и азартом созидания он забывает об усталости, голоде, невзгодах, возвышается до ощущения подлинной полноты и счастья жизни, радостного упоения трудом.

Поэзия труда возникает в книге Д. Каинчина не за счет его облегченного, идиллистического изображения. Он не только не идеализирует характер труда своего соплеменника, но как бы даже предпочитает показывать его со сторон, для глаз мало привлекательных. Он, например, полемизирует с тем легковесно-пасторальным изображением чабанского дела, когда «думают, только чабану и забота, что песни распевать. Попробуй, запоешь тут. Эта животина и знать ничего не хочет — устал ты, или болен, или отлучиться тебе куда надо... Все бы им жрать, жрать... Чего хорошего дождешься с этими баранами?» — так в тяжелую минуту неудач в работе думает герой рассказа «Хорошо чабану, хорошо». Ну а разве есть еще на свете работа хлопотливей, трудней и мучительней, чем заготовка сена? — Черткиш, например, героиня рассказа «До свидания, перевал — Каменное седло» — такой работы не знает. А тяготы посевной, с большой силой живописного мастерства изображенные в рассказе «Его земля»! Сеяльщики задыхаются от горячей пыли, обливаются потом под палящими лучами солнца, шалеют от оглушительного грохотания, бесконечной тряски и мерзкого запаха солярки, а тракторист жалуется к тому же на непереносимый жар от двигателя, а полю, кажется, нет конца... Но и при этом писатель умеет показать и ни с чем не сравнимое удовлетворение человека плодами своего труда, и тот огромный запас жизненных сил, и то прочное чувство духовной и моральной устойчивости, которую обретает в конечном счете трудящийся человек.

У каждого из этих героев есть свой почерк в работе. По этому почерку его можно узнать, как узнают по лицу. По работе до самозабвения, по виртуозности владения трактором, даже по удальству и молодечеству какому-то узнается Ортонул, герой одноименного рассказа. Маленькую, сухонькую, легкую, как белка, Черткиш отличают в работе усердие, хлопотливость, способность и сноровка к любому делу и почти рукодельная аккуратность. Творческая интуиция, умение придать плодам рук своих выражение живого су-

щества и одухотворенности делает неповторимой работу плотника Абайыма. Так, о построенной им избе сказано, что «лицо у избы вышло светлым, веселым».

В книге, изданной в 70-е гг., конечно, отдана известная дань идеологическим канонам времени. Выявляя специфические начала национального характера в его соотнесенности со всей сферой трудовой жизни алтайцев, в соответствии с традиционными видами их занятий, писатель стремится уловить тенденции ее развития, показать, как и что меняется и в труде человека, и в его собственном характере. В изображении Д. Каинчина дикое упорство в труде, до звериного почти напряжения, отложившееся как черта национального характера и помогшее кочевнику выжить, переплавляется в психологию современного человека, в твердую волю, сцементированную высокой идеей труда на общее благо. И хотя эта обязательная и дежурная идея общего блага присутствует в рассказах, у Д. Каинчина она, надо признать, лишена той напористости и категоричности, с какой утверждалась в книгах ортодоксального соцреализма. Когда писатель изображает чабана, потерявшего во время трудного перегона нескольких овец, и готового, не ставя никого об этом в известность, возместить ущерб овцами из личного хозяйства, в этом факте, конечно, проступает ориентация героя на новые общественные ценности, прежде всего, герой тревожится о добром имени в глазах односельчан, а это, как известно, ценность непреходящая.

Сегодня тот же текст рассказов 70-х годов способен открыть «проницательному читателю» и другие, до времени скрытые смыслы. В частности, натолкнуть на размышление о неблагоприятности той социальной ситуации, в которой богатый внутренний потенциал человека используется столь непроизводительно, неэффективно, расточительно, усомниться и в том, к одному ли только труду сводится смысл человеческой жизни.

«Звезда Алтая», 1993, 18 мая.

ВЕРНОСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

(интервью с писателем)

«О, мой Алтай! В давние времена твои сыновья, сильные и мужественные, из набегов на вражеские племена привозили тебе золото, драгоценные камни, прекрасные ткани, красивых рабынь. Нет у меня ничего этого. Я три года вдали, но скоро вернусь! Только я тебе могу принести лишь свое сердце, оно любит тебя, мой Алтай, еще больше прежнего».

Так писал в своих стихах Дибаш Каинчин, обращаясь к Алтаю. Тогда он служил в армии на Дальнем Востоке и очень тосковал по родному селу Яконур. Снились ему горы — разве где-нибудь еще есть такие! Вспоминал молодой солдат односельчан: мудрых стариков, непоседливых ребятишек. И грусть свою по отчужденному дому он излил (как-то само собой получилось) в стихах. Вероятно, неумелых, с точки зрения метрики, но очень откровенных, искренних.

Теперь, оглядываясь на прожитые годы, это можно считать началом. А тогда стихи были, как порыв душевный. Любовь к родине, тоска по ней, радостное ожидание встречи с близкими и другие чувства нашли такое необычное выражение. Совсем неожиданно для себя парень заговорил «высоким слогом». Ведь до службы в армии Каинчин мечтал стать геологом. О писательстве не помышлял. Но человек, однажды испытавший радость творчества, рано или поздно вновь ощутит потребность «исповедаться» чистому бумажному листу.

«В Литературном институте им. А. М. Горького учился у Владимира Лидина».

Работа с В. Лидиным, мастером рассказа, человеком большой культуры, была для начинающего прозаика хорошей школой. Учили, побуждали к творчеству и сама атмосфера вуза, общение с кол-

легами из разных уголков страны, встречи с советскими и зарубежными литераторами.

«Моя главная тема — жизнь людей моего горного края, точнее, людей одной долины, одной деревни. Они герои всех моих повестей и рассказов. Не знаю, насколько это интересно другим людям, но о том, чего не видел, не знаю, не могу писать».

Старый плотник Абайым и парень Сунер, работяга Капшун и балагур Кактанчи, старуха Черткиш, бесшабашный Ортонул... Читатели познакомились с ними несколько лет назад. В 1973 году вышел первый сборник рассказов Дибаша Каинчина на русском языке. (Еще раньше были изданы две книги писателя на родном, алтайском). Сборник так и назывался: «Люди одной долины». Деревня Корболу, в которой они живут, и реальная, и вымышленная. Реальная, потому что живет полной жизнью, со всеми хлопотами и заботами, присущими селу. Вымышленная, потому что деревни такой во всем Горном Алтае не сыщешь, сколько ни ездят.

«Все, что написал, было когда-то в жизни. Зачастую не с одним человеком — со многими. А по моей воле выпало на долю одного».

Используя факты биографий разных людей, писатель с тонким юмором создал образ незадачливого Кактанчи, героя одноименного рассказа. Любитель поболтать, Кактанчи охотно рассказывает о своих мытарствах и приключениях, что называется, каждому встречному-поперечному.

Черткиш... Таких старушек, которые всю жизнь работают и не думают о том, что надо бы себя побересть, Каинчин встречал много. Есть в этом образе черты матери писателя.

«Бывает, услышишь какой-то случай, думаешь: «Бата-а, да ведь — это готовый рассказ!».

Трагическая история, описанная в рассказе «Старик Кылгай», — подлинная. Автор нарек старого охотника Кылгаем и поселил в Корболу. Почему нет? Как и в любой деревне, в Корболу сегодня радостное событие, завтра — печальное.

«Людей, о которых пишу, знаю хорошо, ведь живу в деревне, рядом с ними. Заботы у нас одинаковые».

Дибаш Каинчин заведовал колхозной культпередвижкой: ездил по чабанским стоянкам, привозил журналы и книги, рассказывал, что новенького в селе, показывал кинофильмы. Люди, с которыми писатель рядом работал, общался ежедневно, простые сельские труженики: трактористы, чабаны, доярки, шоферы, скотники, табунщики. Они-то и становятся героями его рассказов, их он «прописывает» в милой его сердцу Корболу.

Писатель показывает их работу, не затушевывая трудностей, создает образы яркие, рисует людей во всей их человеческой сложности.

Чабаны — герои многих произведений Каинчина. Молодые и старые, непохожие по характеру. По-разному складываются их судьбы. Но всех их объединяет одно — верность своей профессии. А она нелегка. Писатель показывает эту полную забот жизнь, не пытаясь что-то смягчить или приукрасить.

Рассказы «Хорошо чабану, хорошо...», «Кактанчи» и «Талкан» были удостоены премии журнала «Дружба народов» за 1971 год.

Коль скоро речь зашла о премиях, нельзя не сказать еще об одной, она очень дорога Дибашу. Правление колхоза им. XXII съезда КПСС, где жил и работал писатель, решило провести литературный конкурс. В Яконуре состоялся литературный вечер, где авторам торжественно вручили награды. Дибаш Каинчин стал обладателем второй премии за повесть о молодом чабане «Крик с вершин».

«Парень один наш, деревенский, прочитал «Крик» и сказал мне: «Ну, что ты особенного написал? И я бы так смог». Для меня это большая радость, лучшая оценка. Видимо, в повести есть нечто ему близкое, что он хорошо знает и потому думает, смог бы описать все ничуть не хуже меня. Значит, искусство мое понятно людям».

Московское издательство «Современник» выпустило сборник повестей и рассказов Дибаша Каинчина «Его земля». Название книге дала повесть о пареньке Сунере, начинающем трудовую жизнь.

В этой повести наиболее ясно видна характерная особенность прозы Дибаша Каинчина. Содержание его рассказов и даже повестей можно передать буквально одной фразой, настолько бесхитростен их сюжет. Отсутствие сюжетных ходов и поворотов, ярко выраженной интриги компенсируется тем, что герои много размышляют, вспоминают, разговаривают друг с другом. Поэтому произведения Каинчина — скорее, фрагменты жизни.

Интересен рассказ «Монолог» (хроника одного года). Это выступления председателя колхоза на собраниях: в преддверии зимы, накануне весны, на пороге лета. Писатель сам сознательно ограничил себя в средствах создания образа: нет ни портрета, ни высказываний других персонажей, ни единого авторского слова. Только речевая характеристика. Но, используя лишь ее одну, Каинчин создает редкой силы образ, яркий, запоминающийся. Долго еще после прочтения находишься под обаянием этого человека.

«Монолог» заключает новый сборник. И не случайно. Целостность созданной в воображении читателя картины не нарушается. Мы еще раз убеждаемся, что перед нами — жизнь людей одной долины, одной деревни. Жизнь не выдуманная, а настоящая. Люди, о которых говорит председатель на собраниях, — герои предыдущих рассказов. Чабаны: Капшун, Суркаш, Кактанчи, скотники: Чеймошко, Папылка, механизаторы: Ортонул, Кемирчек, Табыл, Берден и другие. Одних хвалит за хорошую работу, другие получают нагоняй. Председатель говорит о самом насущном, о самых важных проблемах. «Монолог» как бы итожит все, о чем шла речь в других произведениях, утверждает реальность существования этих людей из одной деревни.

Последнее выступление председатель завершает такими словами:

«— Вот и все! Как говорится, опросталась моя сума»...

Это конец рассказа и конец сборника.

А у писателя в запасе еще много планов, замыслов, набросков. У него есть что сказать людям. Его сума полна.

«Молодежь Алтая», 1978, 5 января.

В ЧЕМ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА НАСТОЯЩЕГО ПИСАТЕЛЯ?

Вопрос отнюдь не праздный, не риторический. Тем более, что однозначного ответа на этот вопрос, пожалуй, нет и быть не может, даже если иметь в виду писателей самых что ни на есть настоящих, талантливых, истинных, — у каждого истоки свои...

У Дибаша Каинчина, прозаика с Горного Алтая, истоки его творчества — в любви к своему народу, к родному краю. Впрочем, край как таковой олицетворяет для героев произведений Д. Каинчина и народ алтайский, и место, где человек родился, и дом родной, и отца с матерью...

Падая невесть куда (во сне), охотник Болот кричит: «— Мама-а-а! Алтай мой! Помогите!»

Мама — Алтай мой...

Противоестественное на слух русского читателя словосочетание это полно для алтайца глубокого смысла. Так я представляю себе теперь, познакомившись с творчеством одаренного алтайского прозаика. И это представление раскрыло для меня, уроженца Алтая, какие-то новые стороны не столько самой природы алтайской, знакомой мне с детства, природы, которую Д. Каинчин вслед за своими героями как бы обожествляет, наделяя ее всевозможными высокими символами, но стороны, грани, оттенки взаимоотношений человека и природы, человека и человека.

Краски природы, многообразные реалии ее, дух природы, дух человека, реалии его быта, сложное переплетение социального и психологического — через все это идет постижение образа народа алтайского, который представлен в творчестве Каинчина, что называется, от мала до велика и на всем видимом пространстве времени. Одаренный воображением алтаец, охотник Болот («Как Болот в космос летал») отправляется в космос — пусть и во сне. Впрочем, надо особо отметить, что и это фантастическое путешествие понадобилось Болоту, а вместе с ним и автору не для того только,

чтобы показать, что и алтаец не чужд космических новаций, а в основном для того, чтобы еще и еще раз художественно зримо воплотить едва ли не главную мысль всех рассказов и повестей Каинчина: велика земля и хороша земля, а краше родимого края, милее отчего дома ничего нет и быть не может! Иные из рассказов так и называются. Например, «Дома я, дома...» — рассказ о чабане, который, побывав в Москве, с удовольствием надел вместо непривычного город-ского костюма свое чабанское снаряжение. Или рассказ «Его земля» — о молодом парне, трактористе, который может и заскучать, потянуться взглядом за покоем, в другие края, в города, но тут же трезво сказать себе: а ведь «вот эта едва обозримая глазом земля — его родина»... И тут же видится лицо матери. Милая, милая мама... «Нет, пора быть взрослым», — думает Сунер, этот молодой тракторист. — Работать по-настоящему. И жить тоже. И я теперь хозяин всего того, что здесь есть». Так тема родины психологически достоверно, художественно убедительно перерастает в тему гражданского становления человека.

Охотники, чабаны, механизаторы, учителя, мужчины и женщины, старики и дети... — можно без преувеличения сказать, что весь алтайский народ представлен в творчестве Каинчина, и каждый, судя по всему, мог бы сказать в какой-то момент своей жизни: «Мама — Алтай мой...» Недаром автор назвал один из своих сборников так: «В глазах наших — горы».

Но горы алтайские, как бы красивы ни были они, и людей Алтая, какими бы яркими по своим характеристикам они ни были, автор изображает без эллегической пасторали. Жизнь полна и драм, и трагедий, всякая жизнь, и автор знает и помнит об этом. Он и рисует картину жизни алтайского народа с переломных моментов становления Советской власти («Голова жеребца», «С того берега») победы в Великой отечественной войне («Кто ты, Абаам?», «Летняя охота», «Кайчи», «Яшайма, брат мой», «Эртечи»), послевоенного строительства, налаживания новой жизни. Автор поднимается подчас до социальных, политических, философских обобщений. Старая женщина Эртечи (одноименный рассказ) на склоне жизни своей, глядя в лица земляков, которые, увы, по-разному к ней относятся — иные с открытым неодобрением! — приходит к выводу,

что во всем виновата война, ведь по законам военного времени приходилось и ей, председателю колхоза, вести себя по разному в той или иной ситуации. Война искалечила и жизнь Яшаймы («Яшайма, брат мой»), искалечила физически, но не сломила в нравственном, духовном отношении, — старый почтальон известен и славен в мирной жизни тем, что неизменно выручает матерей-одиночек, давая их чадушкам свое имя, как бы отцовское...

Мне показалось, что наиболее удачно получается у Каинчина произведения, посвященные современнику, его труду. Колоритно, впечатляюще описана работа молодого тракториста Сунера в рассказе «Его земля». Интересный образ шептунного, но работающего, отзывчивого человека, тракториста Ортонула, создан в рассказе «Ортонул». Гимном чабану и его нелегкому труду воспринимается интересная повесть «Крик с вершин», в которой как бы в сопоставлении даны два совершенно непохожих образа чабана Калапа и его помощника Тукпаша, который, наблюдая за работой Калапа... пишет книгу о труде чабана. А иные из рассказов уже в самом названии выявляют приглушенный авторский пафос. «Хорошо чабану, хорошо...» — это повествование об истинных моментах чабанской работы и жизни, в которых только внешне все поэтично, романтично, что называется, непыльная работенка, — увы, на первый взгляд непосвященного человека. Но настоящий чабан — это вовсе не обязательно чтобы старец, профессия стала и молодым по плечу, и писатель, судя по всему, правдиво отразил сложности, проблемы такого воплощения. Его Сулук, молодой потомственный чабан (рассказ «Жениться бы...»), порой впадает в скуку, однообразие работы, казалось бы, становится непереносимым, «и таков извечный круг, месяц похож на месяц», но вот Сулук видит свою возлюбленную... «Хорошо-то как! И в прошлом году здесь так же было... Разве может надоест жизнь?» — задает себе Сулук риторический вопрос.

Впрочем, не все рассказы Каинчина связаны с темой труда, помогают в осмыслении его вящей сущности. Жизнь чабана, как показывает автор, состоит и из многого другого... И вот оказывается, что едва ли не самым главным, самым опасным врагом чабана может стать... человек (рассказ «Страх»). Автор так и называет его, таинственного пришельца. Человек. Человек-беглец. Человек

с темным прошлым. Убийца. И он готовится убить чабана... И состоялся поединок. Из которого победителем вышел чабан, олицетворявший собой, по замыслу автора, силы добра, справедливости. Рассказ этот явно выклинивается из реалистической фактуры, свойственной Каинчину, рассказ как бы состоит из одной символики. Человек вообще — это, скорее всего, нечто враждебное, лютое, страшное. Чабан — это иной полюс. В рассказе недаром же нет имен. Человек — чабан. Так и автор называет их. Имена, клички только у животных. Рассказ слегка озадачивает, но, быть может, в подборке, в сборнике прозы Д. Каинчина он тоже нужен, как некий контрапункт, выводящий нравственную суть произведений алтайского писателя к многозначительным открытым символам.

А следом за рассказом «Страх» в книге «Его земля» идет откровенно милосердный рассказ «Старик Кылгай». Тоже полярное противостояние. Сил добра и зла. Но исход иной — с поправкой не на символы, а на время, которое раны врачует и душу усмиряет. Случайно встретил охотник Кылгай незнакомого человека и узнал в нем того, что когда-то, давным-давно, в 1919 году был среди белобандитов и убил отца охотника. Психологически достоверно описано состояние Кылгая, который после некоторых колебаний пересилил в себе чувство мести...

С такой же любовью и уважением, как к труду чабана, относится автор и к занятиям профессионального охотника. Оно и понятно: охота — древнейший промысел алтайцев. Зов крови так силен в современных жителях, земляках писателя, что дело иной раз доходит до курьеза. Уж всем ясно, что незадачлив был человек в охоте, но трудно ему отказать в его просьбе: «Возьмите меня с собой на охоту, парни...» (одноименный рассказ), и всегда повторяется одно и то же: пустым приходит он с охоты, и только однажды случайно удалось ему подстрелить соболя... Но не самоцельный ли этот рассказ? Думается, нет. Автору все важно — и верность его земляков традициям, и взаимоотношения их друг с другом, и даже ирония человека над самим собой, что и является, пожалуй, основой рассказа «Возьмите меня с собой на охоту, парни...» — то есть все, из чего складывается жизнь. Молодой парень, Каран, выво-

дит на чистую воду браконьера Юткура (рассказ «Петля»); пастуха Тадыра мучает совесть, он клянет себя за то, что позволил городскому начальству охотиться на заветной маральей тропе («Пошли нам снега, Алтай»); во всем и всегда первыми в том числе и в охоте, были Колчановы, чем и знаменит их славный род («Быть первым»)...

Впрочем, рассказ о Колчановых, скорее всего, вскрывает куда более важную сторону человеческого бытия, нежели занятие охотой, показывает основное назначение человека на земле — быть человеком. Быть первым это и есть быть человеком. «Бери свое», — так учит дядя своего племянника (одноименный рассказ), но вот пришло время осмысления своего места в жизни, своей роли в ней, и человек понимает, что заповедь эта для настоящей жизни не годится. Напротив, отдает себя без остатка детям пожилая женщина, оставшаяся без мужа (он был трактористом и погиб). Жизнь выпала на долю этой семьи суровая. Но автор не сгущает, пожалуй, краски. Он реалист. И драматические картины этой жизни помогают ему еще четче высветить нравственную силу его земляков (рассказ «Дети мои, дети...») Добрые чувства симпатии вызывает и рассказ «Молодожены» — о старике и старухе, проживших долгую жизнь. Запоминается образ старой мудрой женщины, наставляющей на путь истинный современную норовистую молодежь (рассказ «Старая пиала»). О старой женщине тепло пишет автор и в новелле «До свидания, перевал — Каменистое седло». Интересный характер пожилого человека выведен в рассказе «Абайым и Гнедко». Трудная судьба выпала на долю Йестея (одноименный рассказ), так звали (в переводе: муж старшей сестры) человека, прошедшего войну, в плену побывавшего, свою вину искупившего в трудармии. Да, тяжело ему бывало, но человек не пал духом, он любит людей, верит им, радуется их жизни, — оптимистический рассказ. Особняком, по характеру главного героя, учителя сельской школы, стоит и рассказ «Учитель Байкал Сапиевич». Радуясь приехавшему в село давнему товарищу, ставшему, видно, районным начальником, учитель приглашает его в гости и ждет потом, с дороги глаз не сводит, а начальник возьми и укажи обратно... и учитель размышляет о превратностях дружбы...

Но не в детские ли годы она и закладывается в человеке, эта душевная потребность жить нравственно, справедливо, по совести? У Каинчина целый ряд произведений, посвященных детям («Темной ночью», «Девочка и ягненок», «Летняя охота», «Сказка», «Ботпон — настоящий мужчина»). Скажу сразу, что эти вещи — скорее всего, зарисовки — выклиниваются по уровню, по значимости. Автор хоть и любит детей, но... то ли так положено у алтайцев (прошу заранее извинить меня за незнание), то ли еще почему внимания этим «детским» рассказам уделил как бы совсем немного, ровно столько, чтобы читатель уловил, что образ девочки или мальчика получился симпатичным. Но ведь, господи, все дети, пока малы, симпатичными воспринимаются! Эти рассказы-зарисовки лучше бы отдельной книжечкой издать — в «Детгизе», а в сборнике для издательства «Советский писатель» я бы не советовал их включать...

Много пишет Каинчин и о молодежи, и тоже не все здесь равноценно. Как бы в традициях В. Шукшина создает он противоречивый, но в основе своей добрый характер шебутного паренька в рассказе «За рекой — свадьба». Психологически зримый образ! А вот в рассказе «Железо не жалко» замысел, как мне показалось, не достаточно четко выявлен... Парень копит деньги на мотоцикл, и накопил, и купил заветного «железного коня», но другой парень угнал его и, спасаясь от погони, свалился в овраг и погиб, а хозяин искореженного мотоцикла, похоже, не очень-то задумывается над истинной причиной трагедии. «Железо не жалко» — как бы великодушно говорит он. А человека?..

Встречаются и повторы темы, образов, в рассказе «Кактанчи» изображен этаким деревенский балаболка, пустобрех. Нужен ли этот рассказ рядом с «Ортонулом»?..

К такой же категории людей принадлежат два гуртоправа из рассказа «Какие, вы сказали, у вас тут девушки?..» Остановившись на ночлег у доброй женщины, молодцы эти своим поведением настолько шокируют ее, что она выгоняет их прочь. Не знаю, может быть, для мозаики этот рассказ и не помешает, но поверхностная описательность, где невозможен психологический подтекст, свойственный лучшим рассказам Каинчина, меня смущает...

Этим же грешит, на мой взгляд, рассказ «Попутно» — о том, как некий начальник ехал в родное село и увидел, что в поле колхозники не работают, и вот он свернул с дороги, чтобы проявить свою начальничью прыть, хотя сути дела не знал. По-моему, автору следует воздержаться от включения этой вещи в сборник.

Не стал бы я включать в него и зарисовку «Старушка Туутан» (предсказательница беды), замысел тут невнятный; и странную сказку «Над Алтаем луна», где нет четко выраженной мысли; и зарисовку «Радость» — о старушке и корове Буренке; вообще зарисовки («Вот такой она и была», «Где ты девушка?», «Нет, ничего худого о нашей тетушке не скажу...») воспринимается только как материал к будущим рассказам, что словно подчеркивается и названиями.

Зато, несомненно, украсит сборник рассказ «Талкан» — о ностальгии городского человека, который вспоминает свою деревню, детство. Тут как бы идет переключка с рассказом «Его земля».

Герой взволнованно рассуждает:

«...как прекрасно, что есть у человека родное гнездо. Как хорошо, что есть люди, с которыми вместе вырос, которых знаешь и которые помнят тебя, к которым возвращаешься сюда из далекого каменного города... как хорошо вернуться сюда хотя бы через годы, отдохнуть, отрешиться от всего».

Интересна по форме и по содержанию хроника «Единожды вокруг солнца», построена в виде монолога председателя колхоза, обращенного к своим землякам. Четыре времени года, весь цикл крестьянских работ, весь комплекс проблем и забот, вся подноготная хозяйствования с его подводными камнями и течениями, — вот что такое эта хроника. Она как бы венчает (а может, предвосхищает... смотря по тому, какое место в сборнике займет эта хроника) тему труда в произведениях Д. Каинчина.

1988 год.

ЗЕМЛЯ, КОТОРОЙ ОН ВЕРЕН

Родина... Каждому человеку свята она, особенно дорог тот уголок страны, где узнал первые слова: «мать», «отец», «хлеб», где получил самые яркие впечатления от мира? Невидимыми, но крепкими корнями связан с родной землей и писатель, эти корни питают его творчество. Но так уж получается, что рождаются литераторы в деревне, а живут в городе. Но и вдалеке от родных мест пишут они о своей деревне, как бы винясь перед ней за разрыв, поэтизируют свои детские впечатления. Что греха таить, иных писателей детство кормит всю жизнь.

Алтайский прозаик Дибаш Каинчин тоже родился в деревне. Герои его первой книги на русском языке «Люди одной долины», вышедшей в Горно-Алтайском отделении Алтайского книжного издательства, — трактористы, чабаны, охотники, то есть люди, с которыми он встречается повседневно. Это не парадные творческие встречи писателя с читателями, а будничные труд земляка с земляками, с которыми он давно и близко знаком. Писатель хорошо знает их заботы, горести и радости, живет одними с ними интересами.

«Его земля» — центральная повесть в книге Каинчина, вокруг которой группируются рассказы, и написана она с особенной силой. Как бы сквозь себя пропускает молодой сеяльщик Сунер каждую минуту сева, и вместе с ним переживает читатель: хватит ли у парня сил отработать хоть одну смену? Или не хватит, смалодушничает, спрыгнет с сеялки? Надо сказать, автор не любит приукрашивать реальную действительность. В любом своем рассказе, будь то «Кактанчи» или «Ортонул», он не отступает от правды жизни, до жесткости правдив он и в «Его земле», где порой, кажется, краски сознательно сгущены. К концу повесть достигает такого накала, что читателю становится физически трудно.

Каинчин, рисует героев во всей их человеческой сложности: суровыми и сильными. Именно таким мечтает стать Сунер. Для него главное — удержаться на сеялке, не смалодушничать. Задумыва-

ется Сунер над словами поначалу непонятного для него Бёксе: «Вот увидите, Сунер еще себя покажет. Дайте малому окрепнуть. Пусть затвердеет в костях и нальет силы в мускулы. Подрастет, и, поверьте мне, из него выйдет неплохой мужик. Хороший работяга».

Сурова земля Сунера, суровы люди на этой земле и иначе нельзя, изменишь земле, уйдешь от нее, будешь мучиться, как Сабу Иванович из рассказа «Талкан». Не успокоит тебя ни теплая городская квартира, ни достаток. Это понимает к концу повести Сунер, в короткие минуты перекура, «ведь вся эта едва обозримая глазом земля — его родина. Суровая, неприступная и прекрасная, недаром люди сеют здесь такое жизнестойкое и жизнелюбивое растение, как ячмень, сильное своими корнями и жестким стеблем. И, подобный ему, живет на этой гордой земле народ Сунера...».

Пожалуй, в этих строках заключается главное и повести, и рассказа Каинчина — верность своей земле. Одно из главных достоинств книги — ее достоверность, точность в изображении людей и природы. Прочтешь повесть или рассказ и поймешь: это — об алтайцах. Ни с кем их не спутаешь, так много тут национальных черточек, так много бытовых описаний, порой и истории алтайского народа.

Особенность прозы Каинчина еще и в построении произведений. Сюжеты незамысловаты, порой их просто нет. Вот работает сеяльщик Сунер и размышляет о жизни, знакомясь понемногу с окружающими людьми. Это скорее всего кусок жизни, описанный правдиво и точно. Так и в других рассказах. Нет резких поворотов, нет сюжетных завихрений, все в одной тональности. Бытописание — тоже очень важная вещь, это глубже знакомит читателя с героями Диваша Каинчина, но порой кажется, что описания быта берут автора в плен и несут его в своих струях. Иной раз ждешь, что писатель не только покажет, но что-то и скажет от имени своих героев, но кончается вещь и появляется некоторое чувство неудовлетворенности от этой невысказанности, и жалеешь, что чего-то тут недостает. Какой-то целенаправленности, какой-то неожиданной мысли, свежей и сильной.

Впрочем, автор молод, все у него еще впереди, и мы вправе надеяться, что не раз еще нас порадует Дибаш Каинчин своими произведениями о жизни людей в горах, скажет недосказанное.

«Алтайская правда», 1973, 1 сентября.

АТТАРЫС ЈАНҢЫС ЧАКЫДА

Акыр, акыр...

«Аттарыс јангыс чакыда» деерде, мен бу сөстөрдү качан уккан эдим? Туку качан туру не, туку качан. Бу сөстөр дө эмес, а кожон болгон туру не. Јынгырап-јынгырап туратан кожон болгон эмитир...

Јангы чапкан өлөңнүн талчык јыды кижини тумалай согуп турар ыраактагы кобы-јиктерге шак ла бу кожонды кожондоп, энир түнде покостон јанатан эдис. Баштарыла ойноп, кейтигип брааткан аттарыстын тискиндерин бош салып ийзен, кожон бойы ла чөйилип келетен эмей.

Аттарыс јангыс чакыда
Јелер керек, үүрелер.
Алтайыс јангыс тужында
Ойноор керек, үүрелер.

Айландыра арка-туу јангыс ла јынгырап-јынгырап бараадар.

Јееренис јангыс чакыда
Јелер керек, үүрелер.
Јерибис јангыс тужында
Ойноор керек, үүрелер.

Чек јуртка бу ла једип келгенче, кожондорыс сыылап-сыылап турар, јурттын карган-тижендери, байла, чадырларына отурып чыдашпайтан болбой кайдар. Эжиктерин чек кайра ачкылап алган, ай карануй түнде јаактажар: «Бу кажы јердин айылчылары болотон? Кожондорынан укканда, бу ла јердин эмес болгодый... Тен јангарларынын өткүндерин, јал-јиит көөркийлердин үндерин. Тан да макалу балдар бол! Эмдиги өй тен јыргал не, јыргал! Тан эдин ји-ии...»

Эмезе јараш јайдын ичинде той-уу болгондо, јииттер бой бойларына удуратедире база ла кожон ажыра сөс айдыжатан эди.

Јееренис јелер болгожын,
Бис јелиште не болзын.

Женелер ойноор болгожын,
Бис ойында не болзын.

А кыстар, келиндер качарларына кан согуп ийген, коо-чичке
үндериле жииттерге кекен ле келгилеер.

Ак боро јелер болгожын,
Бис јелиште не болзын.
Акалар ойноор болгожын,
Бис ойында не болзын.

...«Аттарыс јангыс чакыда» деген сөстөр оноң до көп немелер
эске алындырат.

Мен мыны не мынайда јартаганымнын түп шүүлтезин, шылта-
гын айдып берейин. Јыбаш Каинчиннин көп тоолу јуунтыларынын
аттарынын бирүзи «Айылдарыс јангыс өзөктө». Көрзөөр дө, эки-
лези ле угаш-тегеш адалган. Кижиде кандый ла неменин: кижинин
де, јердин де, минип јүрген адынын да адын теп ле тегин эмес, а
учурлап адап јат. Айдарда, бу да бичиктер база тегиндү анайда
адалбаган болгодый.

Эмди бистин алтай литературада бичиичилердин тоозы 30-тан
ашты. Бу демократиянын өйи келгениле колбой, көп-көп жииттер
келген. Олор башка-башка јайалталу. Јүрүмге башка-башка көрүм-
шүүлтелү. Бир сөслө айткажын, олардын аргымак-пегас аттары база
бир чакыда, база бир күрееде, база бир амадуда — өзүп-чыдаган
төрөл јери ле азырап чыдаткан алтын колду албатызы керегинде
чын сөс айдып ла чындык јүрүм јүрерине ууландырылат. Бистин
аттарыс бир чакыда болгондо, айдарда, онын ээр-токымы, колон-
куушканы, көндүрге-үйгени јырс эткен деер керек. Бийик тайга ажа-
тан ба, терен талай кечетен бе — кажыбыс ла андый јол-јорыкка
качан да белен.

«Јүрүмнин јолы — јүс айры» дейтен бирүзи, литературанын јолы
база јүзүн-башка, канча түмен жанрларга бөлүнип јат.

А Јыбаш Каинчин бу јүс башка јолдордын бирүзиле көнү-быжу
јорыкта. Ол прозалык жанрда.

Албаты-јоннын јүрүм-јадынын ончо јанынан теренжиде
көргүзерге поэзиянын эп-аргазы арай ла јетпегедий. Оны јангыс ла
прозала, мандайдагы торсойып келген терди мынаар туура таштап

салып, салдала кыра сүргендий, жангыс ла иштенер, иштенер ле керек.

Жалкуурбай иштенген —
Жар да келер.
Жарык-жарык көп санаалар
Экелер —

деп, поэттин айтканы жолду деп бодойдым.

Жыбаш Каинчин иштенкей бе? Эйе, иштенкей. Ол эмди туку 20-ден ажыра жуунтылардын авторы. Акту бойынын чүмделгезинен башка ол Шолоховтын «Донские рассказы» деген куучындарын, Айтматовтын «Прощай, Гюльсары» деген романын, кичинек балдарга өскө ороондордын авторларынын чөрчөк-куучындарын, Шукшиннин, Беловтын каа-жаа куучындарын база көчүргөн.

Бу жангыс ла бичиктердин авторы эмес, 5 баланы эр-кемине жетирген, эл-жон ортозына тазыл-тамырын жайган, иштенкей-киленкей ада. Ол бойынын эш-нөкөри Эмилияла кожо узак жылдардын туркунына төрөл Экинурунда жадып иштеген. Журтпередвижканы башкарып, киноаппаратты тартып алып, жаашту-карлу күндерде де болзын, сананган турлуга једип ле баратан эмтир.

...Ол тужында башкаруу Жыбаш Каинчинди жангыс ла бу 17 жылдын туркунына јакшынак культишчи деп эмес, је онойдо ок јакшынак бичиичи учун «Знак Почета» орденле кайралдаган деп ондоор керек. Је... је онон јаан кайрал, онон јаан ырыс — бичиген бичиктери арып-чылабайтан алтын колду албаты-калыгына јараганында туру.

Онын да учун, байла, чүмдемелдери кыргыз, эстон, орус ла өскө дө калыктардын тилдерине көчүрилген. Оны Барнаулдагы, Новосибирскте, Москвада кепке базылгандарын айтпаза да кем јок деп бодойдым.

Ненин учун дезе бу јүк ле кургак тооломолор, темдектеп айткан тыны јок сөстөр туру. Је бу тооломоштордын кийинде: мыны мен эткем, анайда мен айткам деп, төжине јудуруктанып билбес, салдала кыра сүргендий, сүрекей иштенкей бичиичи — Жыбаш Каинчин.

Чындап та, мен онын бир де катап бойы керегинде тыныда сөс айтканын укпадым, Жыбашты мынайда айдып, мактаарга турган эмезим, а ичимдеги туку ла качаннан бери отурјаткан санаамды

чыгара айдарга турум. Бу отурган кижининг көзине: сен кандый сүрекей эмитринг деп канайып мактайтан эди, ары жанындагы кижиге эпжоксынып, кемзине берер эмес пе?

Же бот, ол кандый да өйдө комыдап билбези кандый жакшы. Кермар Москвада ба, Барнаулда ба бичиги чыккан болзо эмесе планга киреле, кандый да шылтактардан улам кепке базылбаган да болзо, Каинчин: менин бичигим мында да, мындый да жерде чыккан, мени мындый да жаан бичиичилер билер, мен керегинде мындый да жерде мынайда айдышкан, мындый да критик мынайда темдектеген ле оноң до ары... бойын тынзынып мактаар деп качан да көрбөдүм де, укпадым да. Же чыгатын бичиги чыкпаган болзо, ол кемге де коронын төгүп, оны каргап-алкап турганын база көрбөдүм.

Онын бичикте бичиген геройларынын кылык-яңы, бир де эмешке болзо, чала автордын кылык-яңына келижерге турар. Олор көп калырууш сөс айтпас улус. Сөзи ас, а эткен кереги көп болуп билдирер.

Ол ло «Тайгадагы туштажын» алып көрөктөр. Мында Кылгай апшыйак туку алдындагы туштагы бандит болгон кижиге туштажып жат. Ады-жолы Филимон Глухих. Жаан сабары култуйа берлеп калган онор кижиге. Шак ла бу сабары ажыра озогы канча улустын тынын баскан бандитти одузынын эжигинде көрүп отурат.

Алтай кижиге качан да киленкей, жалакай болгоны учун, апшыйакты ол бандит бу да тушта өлтүр жат. Бу учуралда Кылгай оны бого ло жап эттиртип салгадый, а кезикте Кылгайдын бойынын тунгактуйугу учун, чындап та, аттыртып салганына жөпсинеринг.

Көрзөгөр дө, автор оны кандый кыйынга экелип жат эмеш: «Кылгай көп тө сөс айтпай, одузынан чыгара сүрерде, эмди менин көзиме көрүнбе деп аткарып ийерде, а ол неме, керек десе, бир албаазын да та кажы да жанынан чупча согуп, жапаштан чыга конот». Учы-учында, жакшы кижиге болорго жүреле, Кылгай өгөөн, жап эттиртип салат.

Алтай улус мындый болбогон бо? Шак ла мындый, өйинен өткүрө жалакайынан, бүдүнкейинен улам, кара баштары базылгандары ас эмес болгон эмей. Автор мында бир жанынан алтай албатынын кылык-яңынын тутанын да, жакшызын да көргүзөт, а экинчи

жанынан, өштүгө качан да серенкей болорын үредет. Өштү — ол качан да өштү.

Автор кандый да немени: та кижн бол, та ан-куш бол, эмезе жер-алтай бол, тиргизе, кыймыктада эттире журап билери кандый макалду. Онон башка кычыраачыга автордын айдып, көргүзип турганы кандый да туманнын ортозындадый билдирер эди. «А мындый туманнын ортозына азып-тозып жүргенче, өскө иш жок по?» деп, кычырып отурган бичигин туура салып койоры кажыбыска ла жарт.

Же бот, көрүгөр де. «Айгырдын бажы» деген повезиндеги төс геройынын бүдүш-бадыжы кандый эмеш. «Кепештин кичинек содон бажы түлкү куйрук жаказындөөн бирде кызынып кире берет. Бирде ичееннен чилеп, содос чыгып келет, алаканча ла жүзи кой истеген той балкаш ошкош — оспо бадырайта, ойыйта жип койгон, бу жүзи туку ла байа бозогоны алтаарда ла, ол күлүмжизи тонуп калгандый, эмдиге ле жылайбаган. Жагыс ла Кепештин жаан, «ат» көстөри отын жаркынына жалт эдет, жап эдет. Тогузон тогус жамачылардан чокырайып калган тордок тонынын төжи-сырты тужын мылтыктын жүктүги кезе базып, карарта өйкөп койгон. Бу ненин учун мындый дезе, Кепеш — малчы кижн. Онын учун журттан ла чыкса, мылтыктан айрылар жагы жок...».

Бу бир ле кичинек журуктан Кепеш деген малчыны слер жап-жарт көрүп ийдигер ошкош. Чек ле тирү немедий. Шак мынайда жагыс ла жайалталу кижн бичиир аргалу туру. А теп-тегин кижн мыны сананып та таап болбос, көзине де мынайда тирү болуп көрүнбес. А тегине ле: ол малчы эмезе анчы кижн деп айдып койор эди. Бери жанындагы кычыраачыга андый тооломолор бир де керек жок. Онын учун кер-мар кандый бир коомой бичикти кычырып, кезиктерис: мен де мынайда бичиирим деп, колын жагыйтан.

Жок туру! Жайалталу кижнин бичижи кижини бастыра бойын силке тартар: ал-сагышка түжүртер, ачу ыйга экелер.

Качан да болзо, кижн ле ар-бүткен коркышту жуук колбуда. Кижн — база Жер-Энебистин балазы. Айдарда, кандый да искусстводо ол жогынан болбой жат. Жыбаш Каинчиннин чыккан-өскөн төрөл жери керегинде бир канча сөстөрлө айткан будукту журугын

көрүп ийели. «А түн чын ла сан башка! Ийип ийген эмчектен чилеп, ак чейдем жаркын толун айдан анаар ла урулып, элбек өзөккө бадышпай, ажынып турат. Жылдыстар жаан-жаан, ак-сур кылгаларлу, тиркиреде күйгүлөп жат. Тын кыйгы-табыш болгожын, олор үзүлгилеп, алтын тамчылардый, тенгерини чийе тарткылап, аккылап түшкедий. Туулар чаңкыр түдүн-куулгазынга көмүлгилеп, чөрчөк жерине једип калган...»

«Ак чейдем агын... элбек өзөккө бадышпай, ажынып турат...» мынай ла айдып ийген кийинде, чындап та, кижинин көзине ол айдын түндеги сүт-ак өзөк көрүнүп, кижинин санаа-күйүнүн жарыдат.

Шак мынайда айдарына оны жаңыс ла Алтайы ла албаты-јоны јайаган эмес, а 5 жыл Москвадагы үредү база көп-көп камаанын јетирген деп ондоор керек.

Мен Ыбашла кожо бир жыл үредүге атанганыс. Онон 5 жылды кожо үренип өткүрдис, беш жылдын туркунына жаңыс сумал талкан, жаңыс јалбак курут јиилбеен эмей.

Мындагы өскө студенттерге көрө, бистин јаштарыс жаан болгон. Бис экү 27-28 јашту өгөөндөр болгоныс. Онын учун ал сагыжыс төрөл Алтайыста ла анда арткан бала-баркааста, је канайдар, эрдин эреени эки эмей деп, бисти бу институтка ийген бичиичи нөкөр-најыларыстын Эркеменнин, Аржаннын, Лазарьдын айткан сөзине турарга ла алдыска келген бу жаан ла каруулу керекке быжу болорына база чырмайыш болгон ло. Онойдо ок андагы үредүчилер канайда айдатан эди: «Слер бөгө тегине ле өй өткүрерге келген эмезеер. Слерге албатыгар ијенип, былардан неме болор бо деп, ичтеринде тегине ле сананбаган болор керек, онын учун искусствого кирген соондо, тууралай көп неме сананбагар. Канаардан кан кысканбагар. Бир де кичинек өйгө бойоорды бош-јайрада салбагар. Иштенип үренигер. А куру-кей сөслө, иш этпей јүрзегер, је тен коркышту жаан јайалталу да болзогор, неге де јединбезеер. Ук тураар ба: неге де јединбезеер. А искусстводо неме јединип албаган кижии — коркышту күйүнчек болор. А күйүниш дезе эн јыду, эн јаман неме болгой база. Ол јакшы немени јаман деп айдар, а јаманды сүрекей мактаар. Бир сөслө, албатызынын адынан сөс айдатаны — ол жаан учурлу ла каруулу керек. А экинчи јанынан — ол ырысту керек...»

...Онон бери көп суулар акты, көп жылдар өтті...

Кеен чырайысты, сенин Кепешинг чилеп, чырыштар кериди...
Je бот, эмди 60 жажында сен ырысту ба деп сурайлы, Жыбаш? Сен бого чикезинче каруузын айдып та болбос болорын деп турум. Мен бодозом, Жыбаш ырысту кижиге эмтир. Колдын-буттын ортозынан бүдүрген иш те көскө көрүнөт, Эмилияла экү азыраган 5 балагар да чыдап-таркап бардылар, «Балдар» дееримде, Жыбаш бу жууктарда араай куучындап, колын жайган эди:

— Бот, балдар чыдаган, а бу кижиге карыган. Тен уулымнын, кыстарымнын тудуштарын аярзам, же ол жартабаза да жарт неме ине. А бойым дезе... же онызы база жарт неме ине: акыр ла деп кекенип-жазанып турганчам, көрөр-угарга да жетпеди — 60 жашту эмтирим, а сырай ла амадаган бичигимди баштабаган ошкожым. Эдип-тудып салганым арай ла ассымак ла једикпес-тутакту немедий, романнын баштапкы бөлүгүн божодып салгам, эмди онон арыгызын јөрмөп јадым. 60 жаш, бодо. Бу жүрүмнин жаан боочызы эмес пе?

База ла көрзөм, мында, бийик боочыда, чыгарын да, чык алган, түжетени та кандый болбой? Ой деп неменин өткөнин кижиге чек билбей калатан эмтир...

— Онызын тен айтпа да — деп, куучынды улалттым. — Бир мен сеге Каспа жүреле айдып келдим не, андагы улус сени сураш туру деп. Чындап та, ол тушта Каспанын бир кезик каткы-коқыр сүйүтөн уулдары айдышкан эди: «Сен ол «Чөймөшкө лө Күлтени» бичиген күлүкти бого экел көргүссен? Бүдүш-бажы кандый күлүк бу. Бичиге тен су ла алтай. Айла, куучындарынын аттары да сан башка: «Шак ла ол Шагайчы деген кижини мен јакшы билетем», «Бышкандап ји», «Суу олјондо кой сой јат», «Кыстарыгар балалу дедигер бе, былар».

Бичиичи Жыбаш Каинчин де ой керегинде куучындап, буурайып жүрген чачын сыймайт. Бу керегинде туку тогузон јашка једип бараткан Иван Васильевич Шодоевке айтсам, ол күлүмзиренген айас унчукты:

— 60 жаш ол кижинин сырагай ла санаа-укаа алынган тужы. Бичиичи кижиге анчада ла макалу ойи: пенсияга јангы ла чыккан,

ой деп неменин оозы-мырдын силке тартатан ойин, а пенсияга чык-
калагында — Ой сениле командовать эт јат...

...Айдарда, 60 јашту бичиичи Јыбаш Каинчиннин алтай аргы-
мак-пегас ады кандый ла јол-јорыкка белен, чакызында ээрлү,
јерди чапчып туру, а бойы дезе бу чакыга келип тўжүгер деп, ке-
лип јаткан јаш үйеге колын јайып, улу орус поэттин учурлу сөзин
шымыранат:

— Эзен бе, таныш эмес јиит үйе!

А мен ого јөмөп, база айдынадым:

Аттарыс јангыс чакыда

Атаналы, најылар.

Амадуус јангыс тужында

Түргендейли, нөкөрлөр.

«Алт. Чолм.», 1998 (Бар) жыл, № 94, 95.

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ

Алтайская литература богата талантами и по праву считалась одним из ярчайших явлений в литературе бывшего Советского Союза. Яркая плеяда поэтов, затем яркая, мощная плеяда прозаиков, не сбавляя темпа и накала, трудилась на ниве алтайского художественного слова. Они создали литературу и сформировали ту светскую духовную культуру, которую мы сегодня имеем и на которой базируемся, как ее представители, получившие осознание через эту литературу.

Эта литература — нерушимое культурное и духовное наследие, она будет сиять и возвышаться как горная вершина, даже в непогоду, даже тогда, когда мы отвлечемся от нее. Спасибо тем, кто отдал жизнь и силы этой литературе. Спасибо Дивашу Беруковичу Каинчину, одному из ярчайших звезд на живописном небосклоне алтайской литературы, богатейшему колосу на ниве прозы.

Проза — это горящее сердце плюс грандиозный труд. Это разные вариации одних и тех же глав, масса изученного вспомогательного материала, кипы черновиков и записей для работы. Работа над романом — это такая лаборатория, в колбах и ретортах которой порой трудно ориентироваться самому автору. Выбраться оттуда он может только силою своего таланта, силою собственного духа и знания. Будучи поэтом, вдвойне преклоняюсь перед трудом прозаиков. Пусть удача не покидает вас, пусть чудо озаряет ваши письменна.

Проза Дибаша Каинчина — это целая вежа жизни алтайского общества на рубеже послевоенного лихолетья и до настоящего времени. Это фиксация характеров, лиц и внутреннего мира человека. Это его проникновение и постижение. И это открытие гораздо важнее исторической констатации фактов или социологического исследования. Здесь искусство вступило в свои права и освятило светом тайны и вечности живые мгновения, переживания, судьбы и

страсти. Здесь талант и сердце Дибаша Каинчина переживало вместе с героями, временем, местом и пространством.

Его произведения «Люди одной долины», «Его земля», «Крик с вершины», «Ожидание весны» и многие другие, все, что им создано, можно было бы назвать «энциклопедией алтайской жизни», подобно тому, как Белинский назвал некогда роман «Евгений Онегин» Александра Пушкина. Действительно, это энциклопедия ярчайших характеров и типов из сельской алтайской среды, глубокий юмор, мужество и умение не отчаиваться в самых сложных и безвыходных, кризисных ситуациях судьбы отличают персонажей произведений Каинчина. По мастерству и высоте тематики, по отражению души простого человека от земли он по праву входит в плеяду лучших российских писателей, создателей жанра так называемой «деревенской прозы» в советской литературе, так же, как Виктор Астафьев, как Валентин Распутин. По воссозданию образов алтайских чудиков они со своим другом, прозаиком Кюгеем Телесовым, пошли едва ли не дальше и глубже Василия Шукшина.

Алтайские чудики в алтайской литературе имеют глубокую почву, связанную с народным фольклором и эпосом, поэтому наши прозаики традиционно работают с этим образом, но здесь важно знание национальной особенности темперамента и уклада жизни. Поэтому в свое время творчество Д. Каинчина высоко ценилось. Его повесть «Голова жеребца», рассказы «Талкан», «Капшун», «Кактанчи» широко публиковались и ему по праву присуждались премия журнала «Дружба народов», а также премия Ленинского комсомола Алтая. Большой, яркий и добрый талант победит и покорит сердца при любом строе, при любом обществе, его признают, и необходимость в нем будет естественным явлением. Для таланта нет преград, жесткие разграничения и деления здесь отсутствуют. Была бы стабильной жизнь, а талант украшает и разнообразит будни.

60 лет — это не старость, это освобождение от легковесности, это особая полоса, наступление ответственного периода. Человек уже должен жить для светлого, это очищение от предыдущих ошибок и суеты. Это период размышления и обретения мудрости. Природное строительство завершается и начинаются годы духовного

роста, озарения. Если соблюдать нравственную чистоту, стремиться к духовной высоте, то это будет удивительно легко удаваться и тогда человек сможет прожить еще столько же, а может, и больше.

Дибаш Берукович и к ответственному периоду пришел налегке, без груза грехов и ошибок. В нем изначально заложена душа ребенка, чистая и впечатлительная, — он талант. В силу своего таланта он страдал и терпел душевное одиночество, муки творческой деятельности. Но и радовался, и ликовал, как птица, которой дано лишь летать и парить в вышине. Сейчас он преображается в могучего, крепкого орла, и мы еще прочитаем его чудесное откровение, исповедь его красивой души в тех чудесных произведениях, которые изменят нас к лучшему, помогут нам выжить.

Сколько знаю и помню Дибаша Беруковича, он человек поразительного такта и воспитания. Я не видела его во гневе, этого с ним не бывает никогда, и это присуще только тонким и высокоразвитым душам. И среди талантливых людей много невоспитанных, грубых и несдержанных. В порыве страсти, гнева, эмоционального подъема они освобождают себя от всяких рамок, забывают об окружающих, но Дибаша Беруковича всегда отличала особая чуткость, бережность к окружающему. Стали модными бесшабашность, вероломство, могут легко напасть, оскорбить. Но это не подвиг, как думают носители такой псевдокультуры. Подвиг — быть молчаливым, не дав обета, будучи автором множества прекрасных произведений. Подвиг — не выйти из себя, не оскорбить, не сказать грубого слова окружающим, хотя ты пребываешь в этой же нервной, иногда невыносимой беспросветной действительности.

Спасибо Вам, маэстро, за человечность!

«Народная газета», 1998, 17 июня.

II. Аспиранттардын ла студенттердин ченелте бичимелдери

*А. Тихонова,
ГАГУ-нын студенти*

ЛЫБАШ КАИНЧИННИНГ ТЕЛЕКЕЙИ

Лыбаш Бөрүкович Каинчин — алтай литературада эрчимдү иштеп келген бичиичилердин бирүзи. Ол узак жылдарга Экинур журтта жадып, жерлештеринин жүрүмин, ич көрүм-шүүлтелерин, кылык-жанын терең ле билгир көргүскөн. Л. Каинчин — жирме кире бичиктин авторы, ол бойынын өйин жакшы билер, сескир жүректү бичиичи.

Каинчиннин литературага кирген жолун, байла, бастыразы билер.

Лыбаш Бөрүкович озо ло баштап үлгерлер бичиген, педучилищеде үренген, черүде болгон. «Алтайыма жанып келеле, прозага жайылгам» — деп, «Алтайдын Чолмонында» бичиичиле куучын-эрмек болордо, ол айткан эди.

Онын «Аба жыштын балазы» деп куучынын литературовед Н. М. Киндикова бийик баалаган. Алтай үй кижинин сүр-кебери ажыра текши алтай албатыбыстын салымын жураган дезем, байла, жастыра болбос. Бу үй кижинин жүрүминин көп жаны городто өткөн. Карып-оорыырда, барар журты жок, төрөөн-тууганы жок болуп, тазылы үзүлип калган, же ондый да болзо, алтай үй кижии бек санаалу, быжым болгонын көрөдис. Бу үй кижии бойынын киленкейин, буурзагын жылайтпаган эмтир. Эмдиги өйлө түнсейлезе, бир канча жылдарга городто жадып койгон алтай билелер бойынын тилин ундып, алтай жанын баалабай, бойлорынын кижии күүнин жылайтып койгонын көрөргө дө ачу.

Бу алтай үй кижинин, Мороноттын, чыдузын, байла, эмди чыдаар кижии табылбас...

Лыбаш Каинчиннин «Карган тыт» деп бичигин көп кычыраачылар кычырып, таныжып койгон болор. Бичик автордын алкыш-

бийанду сөстөриле башталат. Чын, бичиичилерге эмдиги айалгада, күч өйлөрдө, бичик те чыгарарга күчке келижет. Же ондый да болзо, бичиир ле керек.

«Жылдыстар когы» деп көнү куучын албатынын кебинде айдылганыла ачылат. — «Өчпөгөннин жалары, өлбөгөннин жыргалы». Экинчи эпиграф Борис Укачиннин үлгеринен алынган:

...Кеен жалан. Кезер таш...

«Кем сен?» — деп, ол сурайт.

«Алтай эр!» — деп, мен айтсам,

Алан кайкап ыйлады:

«Айса өлбөгөн турус не?!»

Көнү куучынынын действиези Улу кагандар өзөгинде өдөт. Бу куучын Курч-Тырмак мүркүтле башталат. Автор кушты баатырга түнгөйлөп, кем де бактырып болбос деп бичийт. J. Каинчин эптү чечен тилиле бир ле канча сөстөн жарт, көскө көрүнгөдий эдип оны журайт. Тенгеринин түбинде ого согулгадый буудак та, өштү де жок. Тенгеринин бийи, кааны — Курч-Тырмак. Оны не Курч-Тырмак деп адады не? Же, байла, көп өштүлөрдү женип чыкканы учун.

Мүркүт Улу Кагандар өзөгүн алдынан бери билетен. Бу өзөк агару, байлу жер, мында кагандардын мөңкүлери. Алып-Нере баатырдын санааларын куучынынан кычырып ийзен, куйка-базын жымыраар. Каган болорго ол керек десе эне-адазын да, албаты-жонун да жериирге белен.

Ойгорул — Алып-Неренин үредүчизи. Бичикке, журукка ол үрөткөн. Жүрүмнин учурын ачып, чөрчөктөр айдып, кожондор кожондогон кижини — Ойгорул. Жаңыс бичик жанынан эмес, онойдо ок таш кезерлер жазап, бичиктер жонотон кижини. Ойгорулдын өлүмү коркыштуу. Алып-Нере онын мойнын ат үстинен кезе чаап ийет. Карындажы учун адаанын алып, өштөгөнүн көрөдүс.

Канча-канча жылдар өдүп, Улу каган жаланын тракторло кыра лап, жиит уул мантадып браадат. Же салданын алдына таш илинип калган, онон арчып, жазап көрөр болзо, кезер таш. Кезер таштын мойны тужынан омырылып, жүзүндө сорбылар табылган. Оны трактор үрей баскан эмтир. Бистин алтай улустын неме керектебезинен бу кезер таш үрелет эмесе өскө укту улуска байлык болот. Алтай

улустын неме керектебезин Ј. Каинчин бу куучынында јакшы бичип койгон.

Ј. Каинчиннинг «Јылдыстар когы» деген куучынында көп кеп куучындар ажыра алтай кижинин кылык-јаны көргүзилет. Тургузылган, табылган кезер таштар эмдиги өйгө јетире Алтайда өткөн јуучыл керектердин кереези, түүкизи болуп артат. Ј. Каинчиннинг бу бичигин школдо үретсе, балдарга јилбилү болор эди.

«Алт. Чолм.», 1998 (Бар) жыл, күчүрген айдын 3-чи күни.

ПРОЗАИКТИН ЧҮМДЕМЕЛДЕРИН КЫЧЫРЫП...

XX-чи чактын бажында болгон керектерди бис, јаны ойдин улузы, јакшы билбезис јарт. Ол керектер керегинде түүкилик јетирүүлөрдөн ле кееркедим литературадан билип аладыс. Түүкиде болгон керектерге тайанып, кееркедим эп-арганын болужыла бичиичилер ол ойлорди бүдүмјилү көргүзип турулар. Темдектеп алза, А. Адаровтын «Өлүмнин чанкыр кужы», И. Шодоевтин «Тан алдында», Ј. Каинчиннин «Көстөриме туулар көрүнзин», «Кылгай-өгөөн» ле онон до өскө чүмдемелдер.

Каинчиннин «Кылгай-өгөөн» деп куучыны «Аттарыс јангыс чакыда» деп јуунтыда 1974 јылда кепке базылып чыккан. Бойынын кееркедим кемиле, учурыла бу куучын бийик темдек алган. Керек дезе, «Дружба народов» деп төс журналда јарлалган. Куучыннын темазы — јирменчи јылдарда болгон керектер. Төс шүүлтези — кара сагыштуны түзедерге күч, көп сабазында түзедип болбозын да.

Сюжедиле көргөжин, Кылгай деп анчы андап барала, билбес јанынан граждан јуу ойиндеги өштүзине туштайт. Је онызы Кылгайды таныбайт. Кылгай оны өлтүрерге сананала, божодып јат. Бу мындый буурзак санаалу болгонынан улам бойы өлтүртет.

Куучыннын башталганында Кылгай-өгөөн ненин учун андап келгени керегинде айдылат: күскиде уулынын уулы черүден келер. Ол келзе, онын алдында ээртеп салган ат турар деп, таадазы черт берген, чертин бүдүрерге тийиндеп барат, мында ол туку качангы өштүзине туштайт. Кылгай оны озо баштап таныбайт, онон онын сабары јок колын көрүп ийеле, озогыда болгон керектер сагыжына эбелип келет. Мында бичиичи төс геройдын өткөн јүрүминен үзүк кийдирет. Санаада 1919 јыл јаар кайра «атанып», Кылгай бойынын уулчак тужын, оны ла алты онын јакшы таныш улузын (олордын ортозында — адазы) актар олјого алганын сананат. Бу улус ологго бирикпегенинен улам, оларды бир де карамдабай, актар аткылап салгылаарда, Кылгай качат. А тумтук эргекту неме оны једижип барарда, Кылгайды јыгатан ок ол «күлүкке» бойына једишкен.

Онон ары куучында карганак ойто эмдиги өйдө. Чүмдемелдин калганчы эрмегине јетире бичиичи болуп калган айалганы Кылгайдын көрүм-сескениле кычыраачыга јартайт: «Чип-чике мандайына тийген экинчи окты Кылгай өгөөн билбеди де...»

Бу куучынды орус тилге Т. Петелина көчүргөн. Көчүришти кычырганда, бичиичинин бай, эптү тили сезилбес, јүк ле куучында не керегинде айдылганы көрүнөт. Темдектезе, көчүриште ак бандиттин мекеленгени астада көргүзилет, кызыл партизандарды билери керегинде куучындаганы божодылып калган: «Алтай үй кижии, командир Шупфер-Тозыякова јакши билер. Юлажар, шыркалар...» Сухих, Долгихти билерим дейт.

Кылгайдын бажына эбелип турган санаалар ажыра кычыраачы оны јакшы ондойт, бойын онын ордына тургузып, ончо оныла болгон керектерди кожо чынынча ла сезет.

Кылгай өгөөн учун кычыраачы санааркаар да. Уулчак тужында ол улус канча кире кара сагышту, казыр болорын билет: ол бойынын көзиле бир де бурузы јок улусты актар өлтүргенин көрөт. Кылгай бойы да, ол ок улус чылап, кемге биригерин — актарга ба, кызылдарга ба — ондонбой тура, јүрүмин арай јылытпайт. Байла, ол бу ончо улустаң эн ле тын јүрүмге күүндү јүргөн. Ого көрө, онын абазы, карган Јожон, өлүмине белетенип алган турды. Је оны ондоорго јараар — карган кижии канайтсын, күч бар эмес. Арткандары? Олор ийде-күчтү улус, та ненин учун кандый бир эп-аргала удурлашпагандар? База карган Јожон чылап, андый салымду бис деп тургулаганы та не? Јаңыс ла Кылгай өлүмнин колынан уштылып, «салымына» удурлажат. Онон олорды, тыны јок јаткылаарда, көрөргө кандый күч болгон. Бу ончо көргөн неме ачу эзем болуп, јүрүмине артып калган. Кийинде ол ырысту јаткан да болзо, (балдардын балдарын көрүп, андап...) је јүрүминде болгон эн карыкчалду керекти ундыырга күч болуп јат. Кылгайдын салымы ого бу тушташты тегиндү берген эмес. Ол бойынын өштүзиле көстин көскө јолугала, канайдарын көрөргө сананат. Эмди ол ло канча јыл кайрадый јиит болгон болзо, ол сананбай да, өштүни өлтүрип, јуук улусы учун өчин алар эди. Јүрегинде шырка өйдин өткөниле јазылбаган болзо, ол өштүни јеринде ле, 19 јылда каруулчыкты канайда өлтүргөн, анайда ла адып салар эди. Је эмди ол карган, канча јыл

өткөн, је түнгей ле 1919 жылда болгон ончо керектер сагыжына јарт кирет. Байла, јангыс ла килегенинен улам ол өштүзин өлтүрбеген эмес, је Кылгай — јажап калган алтай кижии. Балдары да бар, балдарынын да балдары бар. Олор до керегинде сананган. Кижии өлтүрери — јаан ыра. Ол бойына ла јуук улустарына качан бирде келип түжерин билип турган. Онын да учун ол орус укту кижини јайымга божодып јат.

Куучында Кылгайга удурлаштыра көргүзилген геройдын ады — Филимон Глухих. 19 жылда ого ок јетпеген эмтир. Карган улус айда-тан: «Јакшы улус божоп ло јат, а мынызын көрмөс тө албайт». Бу бандит керегинде мен анайда ок айдар эдим. Тирү артала, ол Казахстан јаар качкан. Онон актуга јабарлаткандарга кожулып, ойто Алтайга келген.

Ол Кылгайла баштап ла куучындажа берерде, онын кылык-јангы, көрүми түзедилген деп бодогодый. Је онын кара, јаман, јабыс кылык-јангы јаланып, јалканчып турарынан сезилет. Кылгай оны килеп божодып ийерде, өлүмнен качала, ол ойто једип келген. Бир јанынан, Кылгай улуска ол керегинде јарлап ийер деп коркыган. Је Кылгай оныла база качан да тушташпаска сананган: өскө улуска ол нени де айтпас эди.

Глухих јангыс Кылгайды өлтүргенинен болгой, онын Једер деп ийдин де адып салат. Бу ийт те онын кара сагыштузын билип ийерде, ончо «кереечилерди» јоголтып койор деп шүүлте алынып јат. «Кара сагышты агартып болбозын». Бу кеп сөс сабарјокко сүрекей тын келижет. Глухих казыр, кижии күүни јок болгон, андый ла артып калган. Бу куучын ажыра бис революция өйинде Алтайда өткөн јаан учурлу керектер керегинде билип аладыс.

Казахстан јаар айдаткан улус керегинде «Көстөриме туулар көрүнзин» деп кичинек повестъте айдылат. Бу повесть 1988 жылда бичилген. Оны Ј. Каинчин чын болгон керекке тайанып бичийт. Ол учурал керегинде Экинурдын ончо улусы билер деп, бичиичи бойы темдектейт. Экинур јуртта чын ла Казахстаннан, кичинек болгыларда, јойу једип келген эки кижии бар. Бирүзине ол тушта он јаш болгон, экинчизине — 3 јаш. Ада-энези Казахстанда јада каларда, јааны оогожын јүктенип алып, чөллө јойу төрөлине јанып келгендер.

«Көстөриме туулар көрүнзин» деп повестын темазы — жабарлаткан улус репрессиянын кийинде төрөл жерине жанып келткени. Төс шүүлтези — айдаткан улустын күч салымы керегинде, оларды айдап апарганынын айалгазын көргүзөринө амадаганы.

Бу повестте Мызыл деп үй кижиде үч балазыла кожо Казахстаннын чөлиле жанып клеедет. (Ол өгөөниле кожо 1933 жылда айдаткандар. Ол тушта олардо бир ле бала болгон). Эмди Ада-Төрөл учун Улу жуунун кийинде өй. Айдатканынын шылтагы мындый: Төпсана (адына да аяру эдели — төп санаа; адын угала ла, сагыжына: «Жакшы кижиде болбайсын» деп, санаа кирер) — Мызылдын өгөөни — кузнец болгон. Бир катап ого жамылу кижиде келген. Адын такалап койгон кийинде, ады та ненин де учун аксап турарда, Чагана деп жаман кылыкту кижиде (ол керегинде куучын кийинде) Төпсананы Совет жаннын өштүзи деп каралайт.

Казахстанга айдадып келгенинин кийинде Төпсана жууга барган, база ол керегинде Мызыл табыш укпаган. Онын учун Мызыл төрөл Корболу журтына жанар деп шүүнди: ондо Төпсана керегинде табыш угулар болор бо? Же онын төс амадузы — төрөлине ле жедип алары.

Жолой Казахстаннын чөлинде ого казах өгөөн туштайла, айлына аппарат. Мында Мызыл үч балазыла Базгынбай ла онын үйиле, Улужан-апала, туштажат, онон түней ле Алтайына жанат. Карыганча жүрүп, Корболу журтында божойт.

Автор чүмдемелин кичинеке повест деп адайт. Байла, бүдүмиле тын жаан эмес учун, онон сүр-кеберлердин жүрүминен тоолу ла эпизодтор алынган учун болор бо?

Повестте Чагананын сүр-кебери ажыра бичиичи ол өйдөги мындый ок кылыкту улустын текши учурын көргүскен. Ол Төпсанага удур тургузылат. Онын адын ла укканда, алдында кандый кылык-жанду кижиде турганын тургуза ла билип ийерин — «чагана ошкош жапшынчак, жаакчы-копчы үй кижидий, оозы жабылбас күрүм». Ол Мызылга да жапшынат. «Озочыл уй саачы эдип саларым. Жагы тура туттыртып берерим» — деп, сүркүштү сөстөр айдат». Бичиичи «сүркүштү сөстөр айдат» дегениле Чагананын кылыгы керегинде база көпти жетирет, онын характеристиказын толтырат. Төпсананын үйи ого жөп бербегенинен улам, ол Төпсананы

да каралаарга шылтак табат. Бойынын ла ачуркаганына ырысту ла јаткан улустын салымына салтарын јетирген. Бу — јүс јок, јүрек јок кижии. Јуртсоветтин председатели Төпсанага тургузылган акт-чаазынга колын салбай, мойножып турарда, Чагана мынайда актанат: «...меге беш кижии кулактазын деп јакару берген. Мен оларды кайдан табатам...»

Коркышту «Совет јаннын туружаачызы», керек дезе, совет деп сөсти де айдып болбой јат — «сабат јан, сабат јан» ла дейт.

Чагана Тарбаш деп он беш јашту өскүс уулчакты — «Кыйтык байдын јеени! Јаандаза, адаанын алар! Бөрүнин балазы — бөрү!» — деп каралап, айдадарга кожот. Бу бала улустын борботко ижин бүдүрип, азыранып јүретен. Бу уулчакты көрүп, Мызылдын ичи ачийт, ол бойынын да ачузын ундып, «уулчактан көс албай отурган». Бичиичи онын санааркажын кычыраачыга кандый јарт јетирет! Бу үзүкти кычырып ла ийзен, тургуза ла Мызылдын јерине бойынды тургузып ийеле, ыйлаар күүнни келер: «Јыланга тармаладып койгон чычкандый» баланын бүдүжин көзине јарт көрүп, жүрегин чым эткенин сезерин.

Тарбаштын жүрүми кыска болгон, је ол бойынын он беш јажында кезик јаан улустан да көп шыраны көргөн. Онын жүрүми эрте үзүлип калганы да јакшы. Кандый бир күч айалгада ого болужар кижизи де јок болгондо, жүрүминде ырыс деп немени ол, байла, көрбөс тө эди. Өскө јанынан көрзө, су-кадык ла болгон болзо, алдында турган ончо буудактарды өдүп, кижии болуп түнгей ле чыгар эди. Је айдадып апарган өйи де — јаскары кыш болгон. Бу соокко-балкашка өдүк јок баладан болгой, јаан да, су-кадык кижии тын оорып калар.

Повестын төс геройы — Мызыл — Базгынбайдын айлында јатканы керегинде бис өрө айдылганынан билерис. Өскө кижинин айлы — өскө лө. Мызыл мынан ары јанары керегинде көп сананат. Бир јанынан, мында «артып та калбай база» деп сананат: ол төрөлине јанбаганынан јер үстинде не де кубулбас деп, шүүлтеге келип, сагыжына јиит тужындагы учурал кирип келди: Момош-штурма тужында јыгылып каларда, кем де ајарбаган. Мында бичиичи терең философиялык сурак көдүрет: «Кижинин бу јердин үстинде јери кайда? Онын учуры неде?»

Je түней ле төрөл јери керегинде санаалар јенип, јанарын бек сананат. Мында бичиичинин бай тили билдирет. Төрөл јери керегинде көп түндештирүлер, кеп сөстөр чыгып келет. Темдектезе, «арышла азырап, алтынла сүркүштеп те турза — өскө јер өскө лө», «јериннин бөрүзи де кижиге киленкей» ле о. ө. Мынан терен шүүлте — бойыннын төрөлин кандый да болзо, бойына јакшы.

Мызылга балдарыла кожо јойу барарга келижет (Казахстаннан Алтайга базарга – канча кире!), ненин учун дезе темир јолго оту-рарга, баштапкызында, акча јок, экинчизинде — документ јок. Јабарлатканынан улам јанарына да коркып-үркүп јүрет. Ол јолой «јандарга, улуска көп көрүнбей» јанар керек деп бойында сананат.

Учы-учында Мызыл төрөлинде. Онын божогонун бичиичи сан-башка көргүзет: божоп калган Мызыл межикте јадарда, онын са-наалары кычыраачыга угулат.

1. Каинчиннин бу повезинин төс учуры — «Көстөриме туулар көрүнзин» деп адында — Мызыл ла онын балдары Туулу Алтайы-на јанарына күүнзегенинде.

Бу эки чүмдемелди кычырып, бис 20—30 јылдарда болгон ке-ректердин айалгазын ондоп, Совет те өйинде көп јастыра эдилеп турган болгонына көстөрис ачылат («Көстөриме туулар көрүнзин»).

Айдаткан улустын салымын сананза, оларго күч келишкен. Онын учун эмдиги бичиичилер 20—30 јылдарда болгон керектер-ди јангырта көрүп, чүмдемелдер бичип турганы сүрекей јакшы.

КИНЧЕГИ БОЙЫНА ЈЕДЕР

Алтай албатынын ады јарлу бичиичизи Јыбаш Бөрүкович Каинчин көп бичиктердин авторы болуп јат. Бу кижинин бичиктерин колго алып кычырзан, манзаарарын, өкпөөрөрүн, геройло кожо сүүнерин де, кунугарын да. Јыбаш Бөрүкович Кан-Оозы аймактын Экинур јуртынын кижизи. Ол кичинектен ала тегин улусла кожо иштеп, олорло кожо эрмектежип келгенин көрзөн, бу кизи мындый бичиктерди, куучындарды, повестьтерди бичигени јолду болор. Онын геройлоры тегин ле ишмекчи, койчы улус. Бичиктерин кычырарга јенил, сөстөри јарт.

«Тит Тырышкиннин јанганы» деп куучынында автор Совет јан төзөлип турган өйдө тегин төгүлген кан, канча улустын божогоны керегинде айдарга амадаган болор. Алдында Совет өйдин бичиктерин де кычырзан, улустын куучындарын да уксан, көп саба каршулу керектер актардан чыккан деп бодоп каларын. Ј. Каинчин бу јаны куучында каршулу, канду керектерде актар да, кызылдар да түнгей болгоны керегинде айдат.

Автор Тит Тырышкин ажыра тегин ле кизи канду јууларга шайып, кизи өлтүрөөчи болуп калганын көргүзөт. Тит Тырышкиннин ада-өбөкөзінде алтай кижинин каны бар да болзо, ол бойын мен алтай эмезим деп, алтайларды јамандап, карын, маказырап, улус өлтүрип јат. Тит Тырышкин бойынын эпчилин тузаланып, бойынын (алтай карганактан уштып алган) үзенизин командирине берип, үйин, бала-барказын көрүп аларга болуп, пакет јетирөөчи боло берген.

Ол јолой алтай улустын айылына табарып, айылдын ээзин — Шабыракты — өлтүрөле, бажын кезеле, айлында улуска мактанарга арчымагына сугуп алып јат. Шабырак бойы Титтен эки башка јаан да болзо, је нени де удурат этпей, теп тегинге ле бойын бастырып јат. Бу мынан көргөнисте, алтай улустын јобожына салдырып, канча кире алтай албатыны кырганын автор көргүзөргө амадаган. Алтай кижини јаштан ала ада-энези «мыны этсен јастыра, оной

этсен — жарабас, адын адаба, алдын кечпе, јобошты кылыш кес-
пес» деп үредип койгылаган. Эмди де алтай јаан улус балдарын
јаанды-јашты тоор эдип, јүрүмде јаман кинчек этпезин деп үредип
јат.

Је канду јууларда јобошты јаба базып, кырарга јенил болгоны
мынанг јакшы көрүнип јат. Јыбаш Каинчин бу куучында јаан поли-
тический, национальный ла түүкилик керектерди көргүзип јат. Је
албатыда «өскөгө түбек эткенинг — бойына јаман экелер, шоктого-
нын — шоор экелер» — деп айтканы чын болор. Тит Тырышкин
айылына једип келзе, алган эжи Глафираны өштүлер өлтүрип кой-
гон эмтир. Бу куучын јаан да, јаш та улусты амыр артыргыспас
болор. Кажы ла кычырган кижини көп санандырар да, ачууркан-
дырар да. Бу јүрүмде каршулу јаман керектерди токтодор, јаан
тузалу керектер эдер керек деп сананадым.

«Алт. Чолм.», 1998, кичү изү айдыг 17 күни.

ЈЕРЛЕШ БИЧИИЧИГЕ СӨЗИМ

Јайалталу ла ойгор көгүстү, чечен тилдү, Алтай ичинде ады-јолдоры текши јарлу улузыла бистин Экинур јурт бай. Бүгүн төрөл јуртыстын агару адын көп јаркынду јылдыстар кееркедет. Ол јылдыстардын ортозында эн јайалталу ла јарлу бичиичилердин бирүзи — Јыбаш Бөрүкович Каинчин.

Мен бу бичимелимде бойымнын сүүген јерлеш бичиичим керегинде бичиир деп санандым, ненин учун дезе Јыбаш Бөрүковичтин чүмдемелдери меге, өскө бичиичилердийине көрө, јуук ла кару. Про-заиктин көгүсти өйкөөр, јүректи кайкадар, јайым тыныжыла бичилген чүмдемелдери мени сүүндирет ле оморкодот. Кычыраачылардын күүн-санаазын Јыбаш Бөрүковичтин чүмдемелдери ойгозо тартып, терен шүүлтелерге экелет. Бичиичинин ээлгир, чечен тил-ле бичилген чүмдемелдери бисти, кычыраачыларды, өскө телекейге апарат.

Онын чүмдемелдеринин геройлары — ончозы јурт јердин улузы. Улустын кылык-јангын бичиичи јакшы јурап билер. Онын тили сүрекей байлык ла солун. Мен сананзам, Јыбаш Бөрүкович кижинин јангыс ла иштеп јүргенин эмес, је анайда ок онын сүүнчизин, туйка санааларын, салымын, јажыттарын көргүзип билер. Бичиичи чүмдемелдеринде алтай кижинин кылык-јангын, ижи-тожын, бүткүл салымын чындык јурайт.

Јыбаш Каинчиннин бичижи де су-алтай. Кычырып отурзан, кучындарынын аттары да сан башка угулат: «Шак ол Шагайчы деген кижини мен јакшы билетем», «Бышкандап ји», «Суу олјондо той болјат», «Сен мен чилеп шыралаган болзон» ло онон до өскөлөри.

Узак өйлөргө јурт јерде јаткан ла иштеген кижиге, менин сана-амла болзо, јурт јердин кажы ла ижи, кижизи, анайда ок јадын-јүрүми таныш ла јуук. Экинчи јанынан көрзөбис, бу ончо иш-тош-ты бичиичи бойынын көзиле көрүп, ондо турушкан болор.

«Јыбаш Каинчин бир ишти толо, ончо јанынан јартап көргүске-нинен улам, јурт јердин ижи бүткүл јуралат. Онын да учун, бай-

ла, прозаик бу тегин ле улустын ижин көскө көрүнгедий эттире журап билер» — деп, шинжүчи Н. М. Киндикова билгир темдектейт. Бу шүүлтеле мен база, сөс жогынан, жөп.

Жайалталу прозаиктин чүмдемелдеринин база бир анылузы неде? Ишти ол улустын салымы ажыра ондоп, олардын ич-жаражын ачканында. Онын чүмдемелдерин кычырып тура, журт жерде бир жылдын ижин бичиичи жылдын өйлөрине келиштире бөлип салганын аярып ийерееер.

Онын «Деремне» деп куучынына токтобос арга жок. Бис бу куучыннан журт жердин ижи-тожын, онын улузынын кылык-жанын, жадын-жүрүмин көрүп жадыс. Айла, куучыннын бөлүктөрүнүн де аттары жарт ла чокум: «Алдыбыста кыш», «Алдыбыста жас», «Алдыбыста жай». Бу куучын-монологтон бис колхозтын председателинин куучынын угып жадыс. Куучыннын төс геройы — колхозтын председатели — чын ла болгон кижин, ол бастыра жүрүмин, күчин төрөл колхозынын ла албатызынын өзүмине берген, канча жылдарга бистин колхозтын председатели болуп иштеген кижин — Чуур Куклеевич Агин. Мынан көргөндө, бу кижинин сүр-кеберин Жыбаш Бөрүкович тегиндү албаган эмтир. Жүрүмде мындый улустын эткен ижин, тузазын көргүзери — бичиичинин жаан узы. Анайып-жангыс ла иштин жаан учурын ондогон, журт улустын жүрүмин журт жерде өскөн кижин бичиир аргалу.

Экинурдын кеберин, кабай кептү телкем жалаңдарын, энчей-ишкен кобыларын, тымык-тымык эзинде тартылган салымын Жыбаш Каинчин чыгара билгир бичип турганына мен сүүнедим, оморкойдым.

Текши көрзөбис, журт жердеги эн ле жаан иштер күс ле жаска келижип жат: кой төрөдиш, кыра ижин, өлөн чабыш ла аш жуунадыш. Же мынан да өскө бор-кар иштер толтыра. Бу иштердин кажызы ла жаан учурлу. «Иш— кижинин ырызы» — деп, алтай улус тегиндү айтпаган. Бу ончо иш-тош тоолу ла жылдар кайра бийик кеминде, эрчимдү өдөтөн эди. А бүгүн? Бүгүн ончо иш-тош туруп калды. Бүгүн жангыс ла Алтайда эмес, бастыра Арасей ичинде экономикалык түрени... Ончо колхоз-совхозтор жайрадылып калды. Темдек эдип бистин ле «Экинур» колхозты алзабыс, алдында ол Алтай ичинде жарлу колхоз болгон эди. Бүгүнгү күнде мында жалаңдар ээн, куру.

мундар тоолу уй-мал да јок.

Је Ыбаш Каинчин Экинурда јадып, иштеп турган өйлөрдө мындагы иш-тош бийик кеминде өдүп туратан. Мыны ончозын менин јерлежим литературалык сүр-кеберлер ажыра чүмдемелдеринде чындык көргүзип бичиген.

«Кырада истер» деп повестъти анылабаска база болбос. Кыра ижи... Эбире учы-кыйузы јок јаландар... «Бу улус бир амырабас, та кайткан? Олор неге болуп, мынайып көнкөрө јыгылганча үстүккилейт? Бойлорына не килебес? Бу мындый иштеп не ырыс, не јүрүм?» — деп, Сүүнер бойына көп-көп сурактар берет. Сананзам, бичиичи Сүүнердин сүр-кебери ажыра јашөскүримнин јүрүмин, ижи-тожын көргүзерге амадаган. Эмдиги өйдин јашөскүримин көрзөбис, чын, јүрүмде бир ле эмеш буудактарга учураза, јана базып, ачу аштын абына кире бередиленер.

Је Сүүнерди ондоор до, менин шүүлтемле, јөмөөр дө улус өйинде табылганы кандый јакшы. Андый улустын бирүзи — Бөксө. Мындый улустын шылтузында јиит уул бойынын ижине керектүзин ондойт, санаа-шүүлтези түзелет. Бөксөдий улустап тем, јозок алып, бүгүнгү јашөскүрим јүрүмнин туштаган буудактарын өдүп, бойынын чындык јолын табып алар аргалу. Слер чүмдемел сөзигерле келер өйдин јииттерине јаан јөмөлтө-болуш јетиргенеер, Ыбаш Бөрүкович.

Бичиичинин чүмдемелдерин кычырып тура, автор улустын сүр-кеберин, күүн-санаазын көскө көрүнгедий эдип канайда јакшы јурап билерине кайкадым. Чын ла, Ыбаш Бөрүковичтин чүмдемелдерин кычырып отурзан, улус бу ла јанында, тышкары куучындажып тургандый. Геройлордын сүр-кеберин мынайда јангыс ла јайалталу бичиичи көргүзер аргалу. Темдектезе, «Айгырдын бажы» деп повестътин геройын бичиичи мынайда көргүзет: «Кепештин кичинек содон бажы түлкү куйрук јаказыдөөн, бирде кызынып, кире берет, бирде, ичееннен чилеп, содос чыгып келет... Алаканча ла јүзи кой истеген той балкаш ошкош — оспо бајырайта јип койгон... Јангыс ла Кепештин јаан ат көстөри оттын јаркынына јалт эдет, јап эдет... Кепеш малчы кичи...»

Бу бир ле кичинек јуруктан бис Кепеш деп кижинин сүр-кеберин јарт көрүп јадыс.

Öрöги айдылганыла болзо, Ыбаш Каинчиннин көп саба геройлары чын ла жүрүмнин улузы. Олордын көп сабазы бистин Экинур журтта чыккан-өскөн. Олор: Агин Чуур Куклеевич, Елемисов Бултай, Янтыков Николай ла онон до өскөлөри. Бичиичинин чүмдемелдери бистин, кычыраачылардын, жүректерин өрүмдей алып, ич сезимин ойгозот.

Ыбаш Бөрүкович! Бойымнын ла жерлеш жииттердин адынан Слерге алкыш-быйаныс айдадыс, Слердин бичиктереердин геройларынан тем алып, бу күч жүрүмнин ээзинине табартпай, чын жолго чыгарыс. Айса болзо, Экинур байлык алтайыстан база да жайалталу көп чүмдечилер чыгар.

«Алт. Чолм.», 1998 (Бар) жыл, кичү изү айдыг 23-чи күни.

«АДАЛАР ЈОЛЫН» КЫЧЫРЫП...

Ј. Б. Каинчиннинг чүмдемелдерин мен јаштан ла ала јилбиркеп кычыратам. Онын бичимелдерине менде та кандый да тын сүүш болгон. Бу сүүш неден улам келгенин мен билбезим: онын чүмдемелдеринин геройлары тегин ле улус болгонынан ба эмезе ол менин төрөл јуртымнын јангыс ады јарлу бичиичизи болгоны учун ба? Мыны ондоорго күч. Эмди де городто үренип тура, төрөл јуртымнан ыраак тужымда, Каинчиннинг чүмдемелдери меге јуук ла кару. Онын куучындарын, повестьтерин кычырып отурзам, менин көзиме элбек јаландарлу, табыжы качан да тымыбайтан. Экинур јуртым, кокырчы, иштенкей, неден де айабас, уур-күчтен јалтанбас кылыкту улус, эне-адам, ага-карындаштарым, эје-сыйындарым көрүне берет. Ол бичиктерди кычырарга јилбилү, ненин учун дезе Каинчин јурттын улузынын тилиле бичиген, албатынын көп-көп кеп сөстөрүн, кеп куучындарын, кожондорын тuzаланган.

Ј. Каинчиннинг бичимелдерин кычырып, бис онын бичимелдерининге кеми бийик, кееркедим-чүми јараш деп билип аладыс. Автордын тuzаланган эп-аргалары бай, эрмек-сөзи эптү, сүр-кеберлери солун. Онын көп бичиктериле кычыраачылар таныш болор: «Айлыбыс јангыс өзөктө», «Койчылар», «Аттарыс јангыс чакыда», «Ол јараттан», «Јангыс јердин улузы» ла онон до өскө.

Јыбаш Бөрүковичтин јаш тужы Ада-Төрөл учун Улу јуунын өйлөринде өткөн. Ол өйлөрдө јурттын улузына јенил эмес болгонын «Адалар јолы» деп повестьте көргүзет. Бу повестьтин ылгамалы шинжүчи Н. М. Киндикованын бичиктеринде бар («Алтай литератураны үренерине болушту ууламјылар», 1993, с. 11—13). Повестьтеги керектер тылда ла фронтто өдөт. Мында автордын тургускан сурактары терен ле учурлу. Кажы ла геройдын алдына «Мен јердин үстине не керек? Не керектү јүредим?» деп сурактар турат. Бу суракка геройлор башка-башка каруу бергилеп јат. Кажызынын ла јүрүми-салымы башка.

Карган Мангырчы эмеген эмди де «јана» берер эди, је оны та не де тудуп јат. Ол та не де: «Сыгындый эки уулын јуудан сакып алар керек». Мангырчы «не де болзо, олардын јанганын көрөлө, бу алтайдан «јанар» керек деп сананат. Јаан уулдын уулчагажы бар, оны бир де эмеш болзо, чыдадыжып берер керек. Келинге, ишке-тошко бош чучурап барааткан келинге болужар, оны јөмөөр керек...» — деп, сананып отурат. Ол карган «јанар» өйи једип те калган болзо, бу уур-күч өйдө кичинек те болзо, тузазын јетирерге чырмайат. Ондо бу јүрүмде тыш-амыр јоголып калар санаа бар, је ого «јарабас». Ол бу сакылтаны чыдажарга Јайаачынан база эмеш јүрүм-салым сурайт. Мангырчынын јүреги, көп энелердин јүреги чилеп, уулдарын санап, шимиреп, тыркырап јат. Садактан самара алза, ал-санаага түжет. Чаазын бичик та нени де экелген: «Та ырыс, та түбек?»

Килемчиге албаданып, иштеер ле керек, иштеер ле керек. Јууда јүрген өбөгөнине, Садакка, болужар керек. Ол мында амыры јоктон иштезе, јууда јүрген өбөгөнине де јенил болор. Олор түнге јетире јылдыстар койылганча иштейле јанып, ойто таң эртен турадан ла ишке чыгып турган учун олардын уйкузы да јетпей турган. «Уйку керек, уйку. Амыр керек. Уйку, чындап та, аттан баалу. Онызы јокко эртенги ишке чыгып болбос... Јок, бир уйуктаган кийнинде ол ойгонып болбос». Бу мында ишке арып калган кичи јазап уйуктап аларга амадаганы, уйкуны аттын баазыла түндештиргени јаан учурлу. Ол өйдө тылда иштеген улустын эн тын баалаганы — ат, је уйку аттан баалу. Килемчи оорыырга да коркып јат. Ого «оорыырга чек јарабас. Бу ненин учун дезе — өй кату». Онын јүрүминде эн ле јаан неме — иш.

Оныла кожо иштеп јүрген Чындай база ишке чыдамкай келин. Үч балазын ол сок јангыскан азырайт. Кайын энези «јана» берген. Ого јенил база келишпеген, је ол комыдабай, иштеп ле јүрет. «Канайдар, јангыс Чындай ондый эмес. Бастыра улус ондый», өбөгөни јуудан качып келгенин угала, онон ары канай јүретенин шүүйт. Иштен јанып бараадала, улустын учында артып калала, көп сананат. Ол Кыдырга коркышту ачынат: «Јангыс ла бойын сананган. Бала-барказынын јүрүми ого керек те јок. Бойынын өлүмин бедиреп келген. «Төңөштөн коркыйла айуга учурады» деген кеп сөс бу

туру... Корондузын, коркыштузын. Уурын, уйаттузын... Мынайып жүргенче, ары тыш ла жууга өлүп калган болзо. Албатыда ого жүк жакшы ады артар эди... Эмди не болор? Же бу не шыра, не жүрүм?.. Канай жүрер? Канай чыдажар?..» Же ойто ло карузып жат, ол учун коркып жат. Кандый да болзо, өбөөни. Же түней ле «жүрүмге чыдажарга сүрекей бек су-кадык керек, сүрекей тын санаа керек. Жүрүмге баш билиндирбес керек. Албаданар, чырмайар керек, эриндерди тиштенер керек. Чындый ойто эренистелет. Кенетийин ого жүрүмнен айрылар күүни келет. Буунып салзан жүк, «бир минут кинчектенгейин... Онон ары — амыралта. Үргүлжиге амыралта». Ол тушта неге де санааркабазын, үзе ле неме сеге керек жок болуп калар, балдарын да, колхозко төлөйтөн калан да. Же Килемчи айдат: «Э-э, Чындай, не де болзо, бис чыдажар учурлу. Бис жокко жүрүм болбос. Олордын өчине чыдажар учурлу»... Герой автордын шүүлтезин жартаарга ууланган болор. Онын өбөгөнин истежип жүрген кижини — Тенекпей. Бу кату өйдө сайраган жүрүмдү кижини ол болор. «Курсак тойу, кийим бүдүн. Келиндер де бар, санааркар неме жок. Кижиге артык не керек». «Тегин улусты базаңар, жамылу кижиге жапсыыр» деп жүрүп турган. Бу ла Тенекпейдий улус, кату өйлөрдө улусты базынатын немелер, ас эмес болгон болор.

А Кыдыр... Ол — качкын. Жүк ле бойын сананып жүрген. Жуудан качып келгенинин шылтагы — коркымжы. Ол бойынын тыны учун коркыган, көп тоолу улус тынын Төрөли учун берерге карамданбай турган өйдө. Ол бойын, өлүмнен качып келгенин актайт: «Орустар ла немецтер согушкылап, өлүшкилеп жат. Ондо менин не керегим». А Кыдыр, чындап та, не өлөтөн... Ол жирме жети ле жашту. Сыранай ла бөккө, чыйрак, женил, «айу-бөрү» ошкош тужы». Ол кичинек те болзо, санаа алынат, же онон ойто ло бойын актап баштайт. «Жууда — ол кандый, мында ол — кандый» деп сананат. Жууда онын ады жалтанбас эрлердин тоозына кирер, мында десе «койоннын жүрүмин» жүрүп, «ийттин өлүмиле» өлөр деп, онын санаазына чек ле жетпей турган.

Повестыте эки качкыннын сүр-кебери жураган. Бирүзи — кижинин, экинчиси — Кер-Беенин. Ол эки качкынды кычыраачы эки башка жаргылаар керек, экилези жуу-согуш болуп турган жерден качып жанып келген. Бу экүнин кылыгын мен эки башка көрүп жадым.

Экилези јуу јеринен Алтайына качкан. Экилези јууда јүргилеерде, јаныксап, јерин санангандар. Мал мал ла не, а Кыдыр — кижиди. Экүниң эки јаан башказы мында. Кыдыр Алтайынан ыраакта жүреле, ол Алтайын өштүден корулап турганын билерге амадабаган. Онын санаазында јууда јүк ле орустар ла немецтер јуулажар учурлу.

Бу повестъте анайда ок малдын ла кижинин терен колбузы көрүнөт. Автор аттын көгүс-санаазын чокым көргүскен. Малдын сүр-кебери повестъте кижинин сүр-кеберине түңгей јуралат Кер-Бее Кыдыр јакшы кижиди эмезин сезип турган, нениң учун дезе, бөрү чилеп, јажынып жүрген. Ол оны «јеткер» деп сезет.

Кырада иштенип жүрген улусты Ј. Каинчин учуп барааткан турналарга түңгейлейт: «Канаттарын талбып-талбып учуп барааткан турналар». Анайып, ол Эр-Чадак керегинде јилбилү кеп-куучынды, албатынын кожонун тузаланып, повестъти јилбилү тургускан.

Бу повестъте улустын сүр-кебери чокым јуралган. Је геройлордын тили, эрмек-куучыны бой-бойлорынан јаан аңыланбайт. Повестъте бир аай јакшынак ла јакшынак эмес геройлор туштайт. Олордын санаа-күүни јангырганы, өскөргөни, кубулганы јок. Төс герой јаантайын санаада учун онын амадузы чокым темдектелген. Геройдын айдатаны эмезе куучындаганы ажыра кижинин ич санаазы, санааркаганы чыгара айдылат. Повестъте жүрүмнин сурагын шиндезе, көп-көп солун неме билип алар арга табылат. Оны ол тушта терен шиндеер керек. Ј. Б. Каинчиннин чүмдемелдеринин куулгазынына алдыртып кычырзын деп, мен көп кычыраачыларга күүнзеп турум.

«Алт. Чолм.», 1998 (Бар) жыл, кичү изү айдын 16-чы күни.

«АДАЛАР ЖОЛЫ» ДЕП ПОВЕСТЬТЕ ФОЛЬКЛОРДЫҢ УЧУРЫ

Фольклор — жер-телекейде ончо калыктардын жебрен чактардан бери тӱзӱлгӱн культуразынын бийик поэтический кемдӱ бӱлӱги болгоны жарт. Литературада фольклорды эптӱ тузаланып, сӱстин, сӱр-кебердин болужыла бичиичи кандый бир кееркедим шӱӱлте айдат. Оос поэзиянын темдектери литературанын бастыра ла бӱдӱмдеринде учурайт: лирикада, прозада, драматургияда. Фольклорды билгир тузаланган бичиичинин чӱмдемелдери кееркедим кемиле бийик, сӱр-кеберлери кӱрӱмжилӱ, учурыла ойгор деп аныланат.

Литературада фольклордын учуры, бичиичилер чӱмдемелдеринде оос поэзиянын жанжыгуларын чике тузаланганы керегинде шинжӱчилердин иштеринде¹ жеткил айдылган.

Ж. Каинчинин чӱмдемелдеринин кееркедимин, автордын суалтай кӱрӱмин ле шӱӱгенин, једимдерин ле једикпестерин Р. А. Палкина, Л. П. Якимова, К. Ф. Антошин, Н. М. Киндикова ла о. ӱ.² анылап темдектейдилер. Шинжӱчи С. М. Каташевтин айтканыла болзо, «Кижинин кылык-жанын, кӱӱн-санаазын эмдиги ӱйдин некелтелериле колбоп, Ж. Каинчин жарамыкту куучындар ла повестьтер бичийт. (...) Автор эн озо ичӱрӱмдик сурактардын аайына чыгарга кичеенет, мынан улам... бӱгӱнги кӱндеги литературабыс чындыыйы јанынан ижемжилӱ једимдерге јеткен».³

ӱрӱги айдылган шинжӱчилердин иштеринде бистин тургускан сурак тӱс ајаруда болбогон. Бу бичимелде Ж. Каинчинин «Адалар јолы» деп повезинде фольклордын учурына ајару эдилер. Кажы ла бичиичинин чӱмдемелдеринде жанжыгып калган эп-аргалар бар. Ж. Каинчин оос поэзиянын сӱр-кеберлерин, эбелгелерин (мотивы) ле сюжеттерин элбеде тузаланып, алтай литературанын кееркедимин байыдат. «Адалар јолы» (1986-1987) деп повесть прозаиктин чӱмделге узы бийиктегенин керелейт.

Бу чүмдемелде керектер Ада-Төрөл учун Улу жуу ойинде өдүп жат. Автор тос геройынын, жуучыл Садактын, жүрүмиле коштой Кер-Беенин салымын жылбилү көргүзөт. Кер-Бее — фольклордон келген сүр-кебер. Повестьте бу сүр-кебер чындык ла чокым жураган. Ат алтай кижинин жүрүминде аңылу жерде туруп жат. Мыны оос поэзия ла литературадагы темдектер керелейт. Фольклордо аргымактын сүр-кебери бичиичилердин элбеде тузаланган эп-аргазы болуп туру. Темдектеп алза, И. В. Шодоевтин «Кызаланду жылдар» деп түүкилик романы ла С. С. Суразаковтын «Аргымак» деп чүмдемели.

Эпосто герой атка минген соңында баатыр деп адалат. Ж. Б. Каинчинин повезинде кижиле аттын салымы тангынан көргүзилген. Алтай кижинин көрүмиле, жылкы малдан санаалу тынду жок, «ондо жангыс ла чыгара айдар тили жок». (4. С. 307). Бу айдылганын бүдүмжилеп, бичиичинин аттын сүр-кеберин жураганына ажару эдели: «Акыр, келер жаста бир боп-болчок жеерен кулдуш чыгарып алар...» (4. С. 345). Ат автордын санаазыла, кижидий ле күүн-санааларлу, көрүм-шүүлтөлү, сезимдү. Жуу-чактын коромжызы — Кер-Бееге сүрекей жаан түбек. Канча «буудактарды», ченелтелерди, шыраларды жеңүлү өдүп, Кер-Бее Алтайына эбирип жанган. Же «өзөгинен чыккан балазы, Жеерен-Тай өлүмнин-жидимнин жеринде. Та тирү, та жок... Жолыгышпайтаны бу туру, көрүшпейтени бу туру...» деп Кер-Бее, кижиле ок чылап сыктап, кородоп жат. Ат кижинен камаанду болгонынан улам, кижиле ат бой-бойыла бек колбулу, кижиге салган чак малга да түбек, кижиге берилген ырыс малга да сүүмжи.

Автор чүмдемелинде фольклордын жанрларын билгир ле эптү тузаланып туру. Повестьке озогы кеп куучын ла чөрчөк тегиндү кийдирилбегени жарталат.

Токтон өбөөн Кер-Беенин фронттон жанып келгенин кайкап, озогыдагы аргымак керегинде кеп куучынды эске алынат. «Жылкы мал баштапкы көк лө күүктин үниле кожо чыккан-туулган жери жаар кайдан ла жанып ийер. Эрчиш суунын ары жанынан жанып келген аргымак Алтай ичинде текши жарлу. Ондый кеп кожон до бар ине. Арыкпай жайзаннын уулы азыраган кызын, ар-жөөжөзин берерге турган бай казакты укпай, аргымакты богынан танып, ого минеле, ада-энезине, Алтайына жанып келген...» (4. С. 347) Алтай калык-

тын оос поэзиясында кыргындардын јеринен алтай уулды аргымак мал Эрчиш сууны кечип, Јер-Алтайына экелеле, манын токтодып болбой, Кан-Јабаган ичине Адаткан өзөктө өлгөн деп айдылат. Ј. Каинчин бу варианттын сюжедин бүткүлинче албай, жүк ле эбелгезин (мотивын) тузаланат. Бичиичинин түүкиде болгон керектерге баштанганы база бүдүмјилү. Автор бу эбелгени кандый амадула повестьке кийдирген дегежин, јер үстинде кожоннын күүзинен, кижинин сүүжинен тын ийде-күч бар. Ол төрөл јердин кычыртузы, тартылгазы. Тууларынын, сууларынын, керек дезе салкынынын шулурты, албатынын айткан сөзи кижинин эди-канына, жүрегине томылып калат, онын учун амыр бербей бойына кычырат.

Чүмдемелде Саадак, Кыдыр, Кер-Бее јер-алтайын сананып, јаныксап јадылар. Автор эки качкыннын сүр-кеберлерин чындык јурайт. Кыдырдын јуунан качып келгенинин шылтагы — коркымјы, жүк ле бойынын тынын коруп алары болзо, Кер-Беенин чыккан-өскөн јерине бурулганы — јеринде угы-төзин улалтары болуп јат.

Кычыраачыга Кер-Беенин јанып келгенинин шылтагын чокымдаарга, фронтто Саадактын эске алынган чөрчөгине кире сөс эдип Ј. Каинчин бу эбелгени тузаланган.

Прозаик повезинде чөрчөктин ичинде база чөрчөк тузаланып јат. Фольклордо «Эрјине» деп чөрчөк лө «Аргымак» деп кеп куучынды повестьте бир сюжет эдип, бириктирип салганы солун.

Чөрчөктө Эјен кааннын уулы Эр-Чадак олјолоп алган улусыла Байлу туунын бажында конуп јадала, Чагандай таайынын айтканын эске алынат: «Байлу тууда үч башту Ок-Јылан јуртап јат. Ол јыланды өлтүреле, үзин ичкен кижии азырап жүрген малынын айткан сөзин ондоп отурар». Кергил сөөктү Кертегеш деген јуучыл Ок-Јыланды тудуп алала, кааннын јакылтазын бузып, јыланнын үзин бойы ичип алат. Мынан улам, ол эбиреде ар-бүткеннин, ан-куштын, мал-аштын тилин ондоор боло берген. Эки аттын куучындашканын угуп алала, Кертегеш Кер-Бееге минеле, Јер-Алтайына качып келет. «Онон бери Алтайда кергил сөөктү калын јурт улус таркаган дежер...» (4. С. 361-364). Повестьте Саадакты Кер-Бее јаналы деп «кычырарда», ол «Алтайымнын ийген судазы-кереези болор бо?» деп, канча сананган, је албатызы учун эдип јаткан керегин таштап барар аргазы јок. «Канайдар, өскө өй, өскө жүрүм,

андый салым јок...» — деп, Саадак шүүйт. Садаак төрөлине эбирил-беген де болзо, онын угы-төзин јеринде Бабыш Садакович улалтат.

Чүмдемелдин төс шүүлтезин «агаш јыгылар — арка артар, кижии божоор — кижиилик өлбөс» деген санаа чикезинче темдектейт. Чокымдап айткажын, бүткүл албатынын тазыл-тамыры үргүлјиге үзүлбес деген калыктын көрүм-шүүлтезин автор пове-зинде бүдүмјилейт.

Айдарда, автор Кер-Беенин сүр-кебери, өрөги кеп куучын ла чөрчөк ажыра чүмдемелде тугускан сурагын теренжиде, кычыраа-чыларга бүдүмјилү көргүзөргө амадаганы јарталат.

Повестыте аргымактын сүр-кебериле коштой фольклордон алынган Эр-Чадактын, Кертегештин, үч башту Ок-Јыланнын ла Алтай Ээзинин сүр-кеберлери база көрүмјилү јуралган. Төрчинин сүр-кебери база учурлу. «Адалар јүрген Алтайыс» деп келер өйдин бала-барказы сананып јүргөй...» (4. С. 330) — деп, Төрчи айдат. Адалар јолы — эрјине малдын ла ада-өбөкөнин улалып келген түүкилик јолы.

Ј. Каинчин үйелер ортодо колбуны чындык көргүскен. «Адалар керегинде эс (память), озор керегинде быйанду санаа артты. Озордын јолдогон јолдоры артты, бу јолдорло эмди бис барадыс» — деп сөстөрлө повестьти бичиичи түгезип јат. Бабыш Садаковичтин јуругынын төс шүүлтези — Алтайдын балдары — кижии ле мал — автордын тургускан сурагын база катап чокымдап, өткөн ле келер өйди колбоштырат.

Бичиичинин эрмек-куучыны байлык: калыктын оос поэзиязына, литературанын озочыл ченемелине тайанып, Ј. Каинчин бойынын узын ченеп јат. Фольклордын сүр-кеберлерин, эбелгелерин ле сюжеттерин, анайда ок кеп сөстөрин, кеп куучындарын, чөрчөгин, кожондорын ла кай чөрчөктөн алынган үзүктерди ле кайдын бойын једимдү тuzаланып, прозаик чүмдемелдин кееркедимин байыдат, төс шүүлтезин быжулайт.

Бириктире айткажын, Ј. Каинчин — бүткүл эл-јоннын кылык-јангын, салымын ла көрүм-шүүлтезин јаркынду көргүскен; экинчизинде, чүмдемелдеринде оос поэзиянын јанжыгуларын билгир ле элбеде тuzаланат; онын геройлары — эбиреде јүрген ле јуртаган улус.

Калганчы өйлөрдө бичиичилер фольклордын ойгорлык шүүлтезин ондоп турганы, бойынын чүмдемелдеринде эптеп тузаланганы литературада једимдү учурал. Бу јанынан көргөжин, «Адалар јолы» деген повестьте фольклордын учуры терен.

ТУЗАЛАНГАН ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Алтайский фольклор и литература. 1948;

Каташ С. С. Фольклор в произведениях алтайских писателей // Сб. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск. 1982, С. 5-13; Казагачева З. С. Зарождение алтайской литературы. Горно-Алтайск. 1972; Палкина Р. А. Фольклор и молодые литературы // Сб. Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск. 1986. С. 200; Киндикова Н. М. Проблема освоения фольклорных традиций в алтайской поэзии // Национальное наследие и современность. Горно-Алтайск. 1984. С. 93-105.

2. Палкина Р. А. Об особенностях развития алтайской прозы на современном этапе // Актуальные вопросы современной алтайской литературы. 1975. С. 91-92; Киндикова Н. М. Ј. Каинчинин чүмдемелдери // Киндикова Н. М. Алтай литератураны јаан класстарда үренери (9-11 кл.) Горно-Алтайск, 1994. С. 89-91; Якимова Л. П. (г. Новосибирск). Об идейно-художественных итогах одного десятилетия в истории алтайской литературы // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. Горно-Алтайск. 1995. С. 17-45; Антошин К. Ф. Роман и история // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. Горно-Алтайск. 1995. С. 67-86.

3. Каташев С. М. Эмдиги өйдөги алтай литературанын бир кезек ууламјылары // Энирги чолмон. Горно-Алтайск. 1980. С. 88.

4. Ј. Б. Каинчин. Адалар јолы // Сб. К. Төлөсов, Ј. Каинчин. Јастын јаны эзини. Горно-Алтайск. 1989. С. 306-397.

КӨЧҮРМЕЛЕРДИН АНГЫЛУЗЫ

Өскө тилден көчүргөн чүмдемел төрөл литературанын байлык энчизи болуп артат. Бу бичимел карындаштык калыктын литературасынан көчүрилген чүмдемелдердин аңылузына учурлалат. Алтай литература билимде көчүрмелер жетире шинделбеген.

Карындаштык калыктын литературасы алтай тилге 50-60-чы жылдардан ала көчүрилет. 70-чи жылдарда күнчыгыш Сибирьдин түрк укту албатылары бой-бойларынын эн артык литературалык ченелтелериле үлежип јат. Алтай бичиичилердин чүмдемелдерин тыва, казах, якут тилдерге көчүргилейт; онойдо ок алтай да тилле бир канча көчүрмелер кепке базылып чыгат. Темдектеп алза, 1972 жылда Ј. Каинчин Ч. Айтматовтын «Јакшы болзын, Гультсары» деп повезин көчүрген, 1974 жылда А. Адаровтын көчүргениле «Чөлдөрдин јайымы учун» деп казах бичиичи И. Есенберлиннин «Хан-Кене» деп романы ак-јарыкты көрөт. Бу ла жылда «Карындаштык Туванын үни» деген јуунты чыккан.

70-чи жылдардын учы јаар ла 80-чи жылдарда алтай литературага А. Адаровтын көчүргениле «Чактан узун күн» (1988) деп Ч. Айтматовтын романы, Ј. Каинчин ле Ш. Шатиновтын көчүргениле азербайджан бичиичи С. Сахаветтин «Бозого ажыра телекей» (1985) деп адалган јуунтызы, Ш. Шатиновтын көчүргениле М. Каримнин «Ай карыккан түнде» (1978) деп сценада тугузатан чүмдемели ле Т. Торбоков көчүрген «Узак-узак бала туш» (1983) деп повези кирип јат.

Кажы ла көчүрме чүмдемелдин кеми көчүрөөчинин јайалтазыла, узыла бек колбуда. Онын учун бу бичимелде бис аңылу ајаруны Ј. Каинчин көчүрген чүмдемелдердин кееркедим кемине салып јадыбыс.

Өрөги айдылганыла, Ј. Каинчин кыргыз бичиичи Ч. Айтматовтын «Јакшы болзын, Гультсары» деп повезин көчүрген. Бойынын ижи керегинде көчүрөөчи мынайда ајдат: «Көчүрип баштайла, эки-үч ле эрмектен автордын чүмдемелинин телекейине кире берерин. Бу ла тушта бойыннын шүүлтенди, санааларынды јажырып, бичиичинин эрмек-сөзин бүдүмјилү көчүрерге ченсжер керек».

Ј. Каинчиннин көчүргени чике көчүрме эмес. Бу повестьти ол бойынын байлык сөзлигине, бичиичинин жаркынду узына тайанып көчүргөн. Кажы ла сүр-кеберди, кажы ла јуралып турган учуралды ол бойынын көрүм-шүүлтези ажыра көчүрөт. Бир тушта бу эп-арга тузалу, ненин учун дезе көчүрөөчи өскө калыктардын чүмдемелин алтай кижинин көрүм-шүүлтезине јуукташтырат. Онойдо ок, јолдыктап суй көчүргенине көрө, көчүрөөчинин көгүс-телекей ажыра өткөн чүмдемел айдары јок јаранып, тындана берет. Је база бир јанынан көргөжин, көчүрөөчи автордын аңылу марын кычыраачыга бүткүлинче јетирери база учурлу. Көчүрөөчи кажы ла учуралды јартап бичиген согында, кезик тушта Ч. Айтматовтын учурлу шүүлтелери јоголо берет. Автор кычыраачынын алдында кандый бир суракты тургускажын, кажы ла кычыраачы ого аңылу каруу табар учурлу эмезе бойына кандый бир түп-шүүлте эдер. Көчүрмеде дезе, ол шүүлте көчүрөөчинин ондогоныла белен каруулу солынат.

Ондый да болзо, повестьтин көчүргенин бүткүлинче көргөжин, көчүрөөчинин узын темдектебеске болбос. Анчада ла бу көчүрменин аңылузы — сүр-кеберлердин сүрлүзин көчүрөөчи кычыраачыга толо јетиргени.

Ј. Каинчиннин көчүрме узы Ч. Айтматовтын база бир чүмдемелин алтай тилге көчүреринде иле сезилет. 1991 јылда «Ак кереп» эмезе «Чөрчөктин кийнинде» деген повестьтен алынган үзүктерди журналист С. Кыдыева көчүргөн согында, Ј. Каинчин онын кееркедим кемин јарандырып јазаган. Бу көчүрмелерди тундештирип, мындый шүүлтеге келдис: С. Кыдыева көчүрменин чике марыла көчүргөн, Ј. Каинчин дезе, эрмектерди кыскартып, алтай тилге эп-тештирип, чүмдемелдин сүрлүзин тындандырып јазайт. Је бүткүлинче бу көчүрме јүзүндерде кажызында ла бойынын једимдери де, једикпестери де бар, онон улам озор бой-бойлорын көдүримјилү толтырып јат.

Ч. Айтматовтын чүмдемелдеринен башка, Ј. Каинчиннин көчүрме ижине азербайджан бичиичи С. Сахаветтин «Бозого ажыра телекей» деп повези кирип јат.

Бичиичинин «Мир по ту сторону дверей» деп куучынын көчүрө-
ечи «Бозого ажыра телекей» деп адаганы жолду. Ненин учун деге-
жин, ол повестьтин чике учурыла колбулу. Баштапкысында, жаан
куулгазынду телекей Гюлалинин алдында ачылат. J. Каинчинин
көчүргениле: «Гюлали 50 жашка жеткенче Бакуда эки ле такып бол-
гон... Чөрчөк жериндеги кайкамчылу телекейге келдим деп бодоп
калды». Экинчизинде, ачык-жарык улустын жүрүми, Гюлалинин
элбек көгүс-телекейи, ончозы Фатикке солун — сан башка теле-
кей. Үчинчизинде, Фатик ле Фиранын жүрүми база аңылу телекей.

Чүмдемелдин төзөгөзинде салынган терен учурды көчүрөечи
бойынын жүрегине жуук алынгануу жарт. Качан да болзо аруу, жарык,
төгүн жок телекейге, ак-чек жүрүмге кижинин жүреги тартылар. Же
жүреги соок, санаалары кара кижиге бу телекейде жер жок. Байла, бу
санаа-шүүлтенен улам көчүрөечи повестьтин чечилгезин бойынын
ондогону аайынча кубултат. Куучынды автор повесть деп адап жат.

Автордын контекстиле болзо, куучыннын учу ачык: кычыраа-
чы геройлордын жүрүмин онон ары бойы келиштире сананып та-
бар учурлу. Көчүрмеде десе кайкамчылу телекейге эжик Фатиктин
алдында жажын-чакка жабылат. Темдектезе, көчүрөечи мынайда би-
чийт: «Бастыра телекей Гюлалинин айлында артты. Ол телекей жаар
Фатикке эжикти кем де ачып бербеди. «Кандый да болзо, кижинин
жүрүминде төгүн бозогонын ары жанында артар учурлу» деп, са-
наа көчүрмеде төс учурлу болуп турганын J. Каинчин жарт тем-
дектейт.

Бир жанынан көргөжин, автордын чүмдемелинин кееркедимин,
тургузылганын, санаа-шүүлтелерин жазымы жоктон кычыраачыга
бүткүлинче жетирери — көчүрөечинин эн жаан амадузы. Же база бир
жанынан көргөжин, бу учуралда көчүрөечи бойынын көрүмин, бой-
ынын ондогону кычыраачызына жетиргени база сүрекей учурлу.
Автордын бүткүл чүмделге ижинин амадузын көчүрөечи жакшы
ондоп жетирген. Элден озо ол ачык-жарык, улуска килемкей,
ажарынкай болор деп санаа-шүүлте.

Көчүрөечилер алдынан жайаан көрүм-шүүлте жогынан кееркедим
литератураны көчүрөр аргазы жок J. Каинчинин көчүргөн чүмде-
мелдеринин кееркедимин бүткүлинче көргөжин, мындай түп-
шүүлтеге келедис: ол бойынын аңылу ич-санаалары ажыра

көчүрөт. Онын учун Ч. Айтматовтын да чүмдемелдерин, С. Сахаветтин «Бозого ажыра телекей» деп повезин көчүргенде, көчүрөөчи чике көчүриштин марын тузаланбай жат. J. Каинчин чүмдемелинин тös учуры кычыраачыга жарт, жуук болзын деп амадайт. Онойдо ок журалып турган сүр-кеберди, угулып турган күүни жазымы жоктон көчүрери — көчүрөөчинин база бир тös амадузы. Байла, мынын учун бүгүңги күңде J. Б. Каинчин — эн тоомжылу көчүрөөчилердин тоозында.

КЕР-БЕЕНИНГ СҮР-КЕБЕРИ

Алтай прозаик Ј. Б. Каинчин — көп тоолу алтай да, орус та тилле чыккан јакшынак јуунтылардын авторы. Олордын тоозында «В юртах — сердце гор» деп бичик. («Туулар жүреги — агаш айылдарда»). Бичиктин јангыс ады да жүрегине јуук ла јылу сезим экелип, күүн-санааны чанкыр сындарга јетирип тургандый. А чындап та, Ј. Каинчиннин чүмдемелдеринин геройлорын жүрүмнин јолы кайдаар ла апарганда, олар түңей ле төрөл отогына бурулат. Мынан, бу төрөл туулардан, сүүш, најылык, ксендик, чындык туулат.

Јуунтыга ол ло таныш ла кару «Кайчы», «Девочка и ягненок», «Дома я, дома», «Эртечи» ле оноң до өскө куучындар А. Плитченконын, Д. Константиновскийдин, В. Залещуктын, В. Сенициннин көчүргениле кирет. Текши сөслө, куучындар једимдү көчүрилген деп айдарга јараар. Је менин темдектеерге турганым — јүк ле «Дети кедра» деп повесть. Оны да бүткүлинче эмес, а јилбиркеткен бир сүр-кебер керегинде. Ол — эрјине малдын — Кер-Беенин сүр-кебери. Ол бой-бойынан ыражып калган тылдын ла фронттын керектерин бириктирип, повестьтин башталганынан ала учына јетире чындык ла чокум јуралган. Менин ондогонымла, чүмдемелди көчүргенинде де бу сүр-кебер бойынын чүмин эмеш те болзо јылыптаган, је ого үзеери бистен өскө кычыраачыларга јарт болгодый, олар ондогодый эдип сүрлү көргүзилген. Мынызын Кер-Беенин сүр-кебери јангы ла јуралып башталганынан ала темдектеерге јараар. Чокымдап айтса, Садак ла Кер-Беенин јуу-чактын јеринде тушташканынан. Текстти ле көчүргенин түңейлеп көрөли:

«Садакка дезе Кер-Беенин ачу теринин, аттын јыды јытанды. Ого Сары-Кобынын кызу меестеринин кычкыл јыды јытанар болор бо деп сананган. Алтайдын чаганазу јыды сезилер болор бо деп иженген. Је јүк ле тердин, аттын јыды јытанды».

Садакка аттын теринин де јыды таныш ла төрөл деп јарт ондорыс. А. Д. Константиновский мынайда көчүрет: «Ну почему бы не повеять от гривы смолистым духом тайги, холодом ледников,

терпким разнотравьем, разогретым на солнцепеке! Запах был знакомый, родной, но потому лишь, что был запахом лошади». База мындый үзүк туштайт:

«Курсак јип билбес эмтир. Айдарда — Кер-Бее. Садактын јеринин малы керек дезе сакыр да берзен — јибес эмей».

«Не хочет... Не умеет! Лошади, которые пасутся в горах, не берут даже сахара — не привыкли, чтоб их кормили. Даже соли им давать не положено. Обходятся солонцами». Мында Константиновский база ла јартамал берип јат. Бу јогынан кычыраачылар, байла, мындый немени ондобос: арка-таштын ортозында јүрген малды туска үредип салзан, канча үүр малга тайга јерле тусты канай тажыйтан. Мал туссырай бергенде, канча кире керек кујурдан бойлары јип алар. Олордын тыш бүдүми де ар-бүткеннин кату айалгаларына келишкедий, чала эмеш батпак сынду, чыдым ла бек, јалы узун ла куйруккыр болот.

Мынанг көргөндө, көчүрөөчи алтай кижиле ат ортодо бек колбуларла таныш. Ол оны јакшы ондоп, темдектеп, кычыраачыларга јарамыкту јетирерге амадайт.

Атла таныш эмес, оны көрбөгөн, минбеген, азырабаган кижиле онын кылык-јанын, ич-санаазын канай ондойтон, канай сезетен? Байла, алтай кижиле аттын бой-бойын ондожотоны — ол «ары јанынан» берилген јайаан, үйеден үйеге улалган јүректин сезими. Малла канча ла кире јуук најы болзон, ол колбу там тыныйт, там быжу болот. Мен бодозом, Ј. Б. Каинчин чүмдемелинде бу өрөги айдылганын јартаарга ченешкен. Темдектезе, Садактын мындый шүүлтези учурайт: «Кер-Бее — ол ло болор керек. Мал азыраган көс, малга буурзаган јүрек танып ийер керек. Јастырбас керек». «Наверное, она... Не могут ошибиться глаза, привычные к лошадям, да и сердце чувствует».

Чүмдемелге озогы кеп куучын, Кер-Беенин јанып келеле, сананып турган сагыжы, тегиндү кийдирилбеген. Аттын ич телекейин ондоорго кандый да јыланнын болужы керек јок. А сен оны ат тил јок, сагыш јок дебей, кижиге түнгейлеп көр, оны сакыш, санан, онын да јүрегинде тоомјы, сүүнчи бар.

Кер-Бее Садакты өлүмнин јеринен кожо јаналы деп кычырган. Садак та «Алтайымнын ийген судазы — керези болор бо» деп канча сананган, је онын албатызы учун эдип јаткан керегин

таштап барар аргазы жок. Кер-Бее жаман кылыкты база ондоп, Кыдырды бойына да, онын кийинде ончо үүрге де жууктатпайт. «Ол жакшы кижиге эмес, ненин учун дезе бөрү чилеп, жажынып жүрөт» — деп жартайт.

Чүмдемелдин кижинин угы-төзи үзүлбес деген шүүлтезин жартаарында Кер-Беедин сүр-кебери жаан учурлу. Ат алтай кижинин жүрүмүндө база бир аңылу жерде туруп жат. Ол азыйдан бери тазыл-тамырыстан байлалып келген мал, эржине, койлоо. Мыны оос чүмдемелдер керелейт: «Түндө болзо — канадым, түштө болзо — койлоом». Онын да учун автор бу экүни жаба көргүзөт, ненин учун дезе оларды бириктирип турганы — Алтай. Повестьтин ады да бу ок шүүлтени темдектейт. «Адалар жолу» — эржине малдын ла ада-өбөкөнүн тудуш, уулалып келген жолу.

Садактын сагыжына кирген кеп куучыннын учунда мынайда айдылат: «Онон бери Алтайда кергил сөөктү калын журт улус таркаган дежер... Кер-Бееден дезе мал база таркаган болбой. Кижинен кижиге бүдөр, малдан мал бүдөр. Орустап бу повестьтин ады «Дети кедра». Алтайдын балдары — кижиге ле мал деген шүүлте. Оны учунда база катап Бабыш Садаковичтин жүругу жартайт. Ол мөш ажыра бастыра Алтайдын сүр-кебери журалган эмес пе?

Темдектезе, Килемчинин Садакка чийген самаразындагы кожон:

Чабдар адын буулаарга	Возле юрты поставила я коновязь
Чакы эдип кондырдым.	Для коня твоего,
Чактан көөркий жанар деп,	Не укрыть мне, мой милый,
Чадырымда сакыйдым.	Заплаканных глаз от тебя одного.
Көк бороны буулаарга	Ждет теперь коновязь возле юрты моей,
Көнү чакы кондырдым.	Ждет коня твоего.
Көөркий Садак жанар деп,	По горам, по долинам без счета путей
Көзимде жашту сакыйдым...	Гляну — нет никого.

Учунда айдарга турганым — чүмдемелди алтай тилге кычырала, мен Кер-Беедин сүр-кеберине жаан ажару этпегем. Же орустап кычырарымда, бу сүр-кебер ажыра мен мындый шүүлте ондогом: бойына кару немени өскө тилге бичип саларда, ол солун ла омор-кoduлу эмтир.

АНТРОПОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. Б. КАИНЧИНА

В произведениях Д. Каинчина антропонимы употребляются как производные, так и непроизводные.

Непроизводные антропонимы — это имена, состоящие только из одного корня. Например: Болот — сталь, Ырыс — счастье, Самтар — лохматый, неряшливый и т. д. Производные имена, в свою очередь, подразделяются на синтетические и аналитические. К синтетическим именам собственным относятся имена, образованные с помощью имяобразующих суффиксов. Самым распространенным имяобразующим суффиксом является суффикс — чы. Известно, что в тюркских языках имена существительные с суффиксом — чы обозначают производную деятельность, профессию, занятия или какое-либо пристрастие человека. Соответственные имена с суффиксом — чы можно разделить на имена, омонимичные названиям профессий и имена, обозначающие какое-либо пристрастие человека. Например: Чаначы <чана — «лыжа»+чы; букв. лыжник; Куда чы <Куда «сват»+чы, букв. сватающий; Эртечи <«эрте» рано»+чи, букв. ранний; Кожончы <кожон «песня»+чы букв. склонный к пению — певец; Чынчы <чын «правда»+чы букв, правдолюбец.

Также встречаются имена, образованные имяобразующим суффиксом — тай. Например: Камылдай, Янылдай, Эрелдей, Бабылдай.

К аналитическим именам относятся имена, образованные словосложением, т. е. композитативные имена, имеющие в своем составе не менее двух корневых систем. Можно выделить 3 модели этих имен:

1. Существительное+существительное. К примеру, Ай-Каајы, Баатыр-Бала, Алып-Нере, Эр-Чадак.

2. Существительное+прилагательное. Например: Тебене-Коо, Күмүжек-Ару.

3. Прилагательное+существительное. Например: Кара-Канат, Жаман-Жыт, Суркурак-Нере, Ойгоруул.

Участие первичных имен и глаголов в образовании антропонимов, как показал анализ, самый большой пласт занимают имена, перешедшие из апеллятивов в антропонимы, как «Килин», в переводе на русский бархат, Тожыла — крыжовник, Каалга — ворота, Моронот — черная смородина и т. п.

Основой многих имен послужили глаголы. Например: Сүүнер<Сүүн «радоваться»+ер; Кайкаш<кайка «удивляться»+ш; Табыл<тап «находить»+л; Кичееш<кичее «заботиться»+ш.

Часто встречаются имена, образованные от имен прилагательных. Например: Кылчыр — «косоглазый», Капшуун — «расторопный», Желмек — «лохматый, взъерошенный».

Лексико-семантические группы имен.

Встречаются так называемые «обманные» имена, омонимические названиям животных, растений, металлов, предметов домашнего обихода, частей тела и т. д.

К первой группе относятся имена, омонимичные названиям растений: Тожыла — крыжовник, Тайа — жимолость, Ыргай — ирга, Чийне — пион, Арчын — можжевельник, Көжнө — ревень, Лонжолой — растение из семейства лилейных.

Ко второй — относятся имена, омонимичные названиям животных: Казран — волк, Чокондой — рысь, Кураан — ягненок, Агуна — горная куропатка, Томуртка — дятел, Каргаа — ворона, Көбөлөк — бабочка, Черткиш — сверчок, Шалја — клещ.

К третьей — относятся имена, омонимичные названиям предметов быта: Кежим — чепрак, Токум — потник, Сулук — удила, Кабай — колыбель, Каалга — ворота.

4. Имена, омонимичные названиям частей тела: Төбө — макушка (головы) темя, Киндик — пуп.

5. Имена, омонимичные названиям одежды, предметов туалета: Эдек — подол, Жыламаш — раковины каури, Сырга — серьги.

6. Имена, омонимичные терминам родства, свойства, терминам почтительного обращения: Абаш — старший брат отца, Ажый — термин почтительного обращения к мужчинам и женщинам, Каака — термин почтительного обращения к мужчинам, Жестей — муж

старшей сестры, Куда — сват. Эдий, эје — термин почтительного обращения к женщине.

Имена со значением обладают какими-то признаками. К этой группе имен относятся имена, как с положительной, так и с отрицательной семантикой. Они образованы от имен прилагательных.

1. Имена, образованные от апеллятивов с положительной семантикой: Ойгорул — мудрый парень, Капшуун — расторопный, Шыранкай — старательный.

2. Имена с отрицательной семантикой характеризуют индивида как с физической стороны, так и по характеру. Например: Карам — скупой, Кедер — упрямый, Тилгереш — языкастый, Желмек — взъерошенный и т. п.

Имена со значением «после Х...» в произведениях Д. Каинчина встречаются только два имени. Это имена Ортон и Кактанчы, «ортон» середина, т. е. означает, что после него есть еще дети, Кактанчы — последний: точнее все, больше не будет детей.

Таким образом, при образовании антропонимов от имен существительных наблюдается ряд расхождений, так, в отличие от апеллятивов они теряют форму множественного числа. Имена прилагательные и глаголы, становясь антропонимами, утрачивают свои соответствующие категории и обретают значение предметности, обозначая человека. Они функционируют в формах именных слов, т. е. склоняются, но не имеют форму множественного числа.

Известно, что имена употребляются в разных сферах. Можно выделить имена, которые употребляются в микросоциуме и макросоциуме.

Микросоциальные имена бывают двух подтипов.

Первое, однокомпонентное имя, данное человеку при его рождении. Например: Солумай, Сабу, Байкал.

Второе, внутрисемейное именование, которое представляет собой термины родства, функционирующие в роли антропонимов. Часто в роли личных имен функционируют термины, обозначающие кровное родство. Например, Ада — отец, Эне — мать, Ага — брат, Эје — сестра.

Макросоциальные имена — это тип именования, где главным компонентом является личное имя, дополненное термином родства. Можно выделить их основные модели.

При обращении к детям употребляется модель: имя родителей + слово уул или кыс. Например: Коротонунг уулы — сын Короты, Сабунын уулы — сын Сабу, Черткиштинг уулы — сын Черткиш и т. п. При обращении к людям старшего возраста пользуются моделью: имена детей + адазы или энези. Например: Акардын адазы — отец Акара, Учардын энези — мать Учара, Калаптын энези — мать Калапа.

Таким образом, антропонимы в произведениях Д. Каинчина представляют интересный материал для истории развития именника алтайцев, его структуры, выбора имен как при рождении, так и в конкретной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания на алтайском языке

1. Јангыс јердинг улузы (Люди одной долины): Рассказы. — Горно-Алтайск, 1969—159 с.
2. Деремне (Деревня): Повесть и рассказы. — Горно-Алтайск, 1970—86 с.
3. Аттарыс јангыс чакыда (У одной коновязи): Повести и рассказы. — Горно-Алтайск, 1976—164 с.
4. Койчылар (Чабаны): Повесть и рассказы. — Горно-Алтайск, 1976—136 с.
5. Ол јараттанг (С того берега): Повесть и рассказы. — Горно-Алтайск, 1980—224 с.
6. Айлыбыс јангыс өзөктө (Живем в одном селении): Рассказы. — Горно-Алтайск, 1984—232 с.
7. Ёч-Сүмер алдында (Под Белухой): Роман, рассказы. — Горно-Алтайск, 1986—176 с.
8. Јастын јангы эзини (Современные алтайские повести). — Горно-Алтайск, 1989—584 с.
9. Карган тыт (Старая лиственница): Рассказы. — Горно-Алтайск, 1994—392 с.

На русском языке

10. Люди одной долины: Повесть и рассказы /Пер. А. Кузнецова, В. Сеницина, Т. Петелиной. — Горно-Алтайск, 1973—160 с.

11. Люди одной долины: Повесть и рассказы (/Пер. А. Ханбекова, В. Сеницина, А. Кузнецова, Т. Петелиной. — Новосибирск, 1974—272 с.

12. Его земля: Повести и рассказы /Пер. А. Кузнецова, А. Ханбекова, В. Сеницина, Т. Петелиной, Д. Константиновского. — М. Современник, 1974—272 с.

13. Крик с вершины: Повести /Пер. Е. Гушина, А. Кузнецова, А. Ханбекова, В. Сеницина, А. Китайника. — Барнаул, 1983—288 с.

14. Ожидание весны: Повести и рассказы /Пер. М.: Современник, 1986—253 с.

15. У родных очагов: Повести и рассказы /Пер. Е. Гушина, А. Кузнецова, Д. Константиновского, В. Сеницина, А. Ханбекова, В. Залещука, Т. Петелиной, А. Китайника, А. Плитченко. — М.: Сов. Россия, 1989—272 с.

16. В юртах — сердце гор: Повесть, рассказы /Пер. Д. Константиновского, А. Плитченко, Т. Петелиной, В. Залещука, В. Сеницина. — Барнаул, 1990—320 с.

На эстонском языке

17. Кактанчи: Рассказы /Пер. С. Халика. — Таллин.: Периодика, 1978—72 с.

ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ И В ЖУРНАЛАХ

На алтайском языке

18. Эмдиги санаам: Стихи // Алт. тууларында—1961. № 10. с. 130—132.

19. Темирейдинг айтканы: Стихи// Алт. Тууларында—1962. № 11. с. 69—70.

20. Жаңыс јердинг улузы: Рассказ // Јылдыс.—1965. № 2. с. 34—37.

21. Капшуун: Рассказ// Јылдыс. — 1967. № 6. с. 15—22.

22. Кактанчы. — Бистинг айылга кирип барыгар. — Кыстар, көстөригер кара, чачтарыгар кара: Рассказы// Чанкыр јылдыс. — 1968. с. 12—38.

23. Деремне: Рассказ// Туулардын јылдызы. — 1969. № 1. с. 24—40.

24. Айгырдын бажы: Повесть// Јажыл мөштөр. — 1972. Горно-Алтайск. с. 50—99.

25. Жестей: Рассказ// Кадын. 1973. № 1. с. 123—141.
26. Мотоцикл: Рассказ// Кадын. — 1973. № 2. с. 18—267.
27. Балдарым, балдарым...: Рассказ// Алтын-Көл. 1973. № 1. с. 19—31.
28. Ботпой ло Аграфена: Рассказ// Алтын-Көл. 1974. № 1. с. 49—56.
29. Отпускага барадым: Рассказ// Туулардын жылдызы. 1976. с. 22—26.
30. Калтар атту Кааканын Суркаш эшке жүргени: [Отрывок из повести] / Алтай литература: Хрестоматия 9—10 доп, 2-е изд. Горно-Алтайск. 1945. с. 245—265.
31. Калтар атту Кааканын Суркаш эшке жүргени// Алтай литература: Хрестоматия 9—10 кл. доп. 3-е изд. Горно-Алтайск. 1978. с. 256—267.
32. Калтар атту Кааканын Суркаш эшке жүргени// Алтай литература: Хрестоматия 10 кл. Горно-Алтайск. 1987. с. 169—180.
33. Кырада истер: Повестьтен алган үзүк// Алтай литература: Хрестоматия 7—8 кл. Горно-Алтайск, 1977. с. 236—245.
34. Ташту-Боочы, жакшы болзын: Рассказ// Алтайская литература: Хрестоматия 5—6 кл. Горно-Алтайск. 1977. с. 243—246.
35. Кабай кожон: Песня// Муз. А. Боброва// Горный-Алтай — песня моя: Реперт. сб. Горно-Алтайск. 1977. с. 54—56.
36. Тайгада тушташ: Драма// Пьесалар. Горно-Алтайск. 1979. с. 313.
37. Бүгүн байрам: Стихи// Барантаева М. А. Төрөл сөс. 1 кл. Горно-Алтайск. 1980. с. 61.
38. Кырада истер: (Отрывки из повести) // Алтай литература: Хрестоматия 7 кл. Горно-Алтайск. 1983. с. 183—199.
39. Албатым... жүрүмим: Рассказ// Бай-терек. с. 3—21.
40. Болужыгар!: (Литгазеттинг 16-чы страницазын өткөнип): Абаам: Рассказ// Чанкыр Кадын. — 1983. — с. 21—27; 94—95.
41. Кыстарыгар балулу дедигер бе, блар?: Рассказ// Чанкыр жылдыс. 1984. с. 3—9.
42. Сакып жүрерим, жееним, мен сени...: Рассказ// Байлык күс. 1985. с. 21—27.
43. Сананатан ла иштенетен ой: Послесл. // Тоюшев Э. Күрлер: Повести. Горно-Алтайск. 1987. с. 286—287.
44. Куучындар. — Калтар атту Кааканын Суркаш эшке жүргени. — Айгырдын бажы: (Отрывки). // Алтай литература. 9—10 кл. Горно-Алтайск. 1988. с. 234—250.

45. Адалар јолы: Повесть// Эл-Алтай. 1988. № 2. с. 22—100.
46. Баш ла болзын... — Аба-јыштын балазы; Рассказы// Эл-Алтай. 1990. № 4. с. 33—53.
47. Кызычак ла Кураанак: Рассказ// Алтай литература: Хрестоматия. 5 кл. Горно-Алтайск. 1990. с. 202—218.
48. Кижикийиктин балазы: Стихи; Эр өркөчөк: Сказка// Огош балдарга бичик: Хрестоматия. Горно-Алтайск. 1991. с. 85—87.
49. Ненин учун?: Стихи// Солоны. 1991. № 3. с. 8.
50. Ай эски тун. — Ташту боочы, јакшы болзын!: Рассказы// Алтай литература 6 кл. Горно-Алтайск. 1991. с. 136—143.
51. Кайчы: Рассказ// Алтай литература. 7 кл. Горно-Алтайск. 1992. с. 164—175.
52. Јылдыстар когы: Повесть// Эл-Алтай. 1992. № 1. с. 3—6; № 2. с. 3—46.
53. Көзибисте Көк-Кайа: Рассказ// Алтай литература 8 кл. Горно-Алтайск. 1993. с. 109—124.
54. Чеден: Рассказ// Эл-Алтай. 1993. № 1. с. 3—21.
55. Сананганга — сагыш кожулар: Табышкакту куучын// Солоны. 1993. № 2. с. 5—7.
56. Туулар баштай кыйгы: Пьеса// Эл-Алтай. 1993. № 2. с. 78—117.
57. Уйкузы јок тун: [Отрывок из романа] // Эл-Алтай. 1994. № 2. с. 3—23.
58. Алып-Нере ле Ай-Тана. — Эки кылду эр топшуурым... — Карыш-Сын ла Куу-Сүрлү. — Сүрекей керектү үй кижик. — Сакы, чаакым, сакы! — Шолјыр-уул ла Кылчыр-кыс. — Јөрмөөнчөк јөрмөжөк лө күпүлдеген күйе. — Кыку-каку карган кой. — Јайым сүүген јантык мүөс: Куучындар ла чөрчөктөр// Эл-Алтай. 2000. № 1/2. с. 10—61.
59. Аба-Јыштын балазы: Рассказ; Көстөриме туулар көрүнзин...: Повесть// Алтай литература: Хрестоматия 11 кл. Горно-Алтайск. 2001. с. 264—299.
60. Кызычак ла Кураанак. — Байкал ла Саксабай: Рассказы// Алтай литература: Хрестоматия 5 кл. Горно-Алтайск. 2001. с. 182—209.

На русском языке

61. Талкан. — Кактанчи. — Капшуун: Рассказы/ Пер. А. Кузнецова// Дружба народов. 1971. № 10. с. 156—176.

62. Приходите к нам тетушка...: Рассказ /Пер. В. Сеницына// Алтай. 1972. № 2. с. 39—42.
63. Его земля: [Отрывок из повести] // Пер. В. Сеницына// Алтайская литература: Хрестоматия, сост. В. И. Чичинов. Горно-Алтайск. 1973. с. 184—201.
64. Единожды вокруг солнца: Рассказ /Пер. В. Константиновского// Дружба народов. 1975. № 7. с. 3—14.
65. Поле перейти... [Отрывок из повести] /Пер. В. Сеницына// Сов. Россия. 1977. 20 нояб.
66. Единожды вокруг солнца: Рассказ /Пер. В. Константиновского// Избранное «Дружба народов». — М., 1977. с. 673—688.
67. Дети мои, дети...: Рассказ /Пер. А. Китайника// Сиб. огни. 1980. № 10. с. 75—82.
68. Крик с вершины: Повесть /Пер. А. Китайника// Сиб. огни. 1982. № 5. с. 16—83.
69. С того берега: Повесть /Пер. Е. Гушина// Алтай. 1982. № 2. с. 3—42.
70. Над Алтаем луна: Рассказ /Пер. Д. Константиновского// Дружба народов. 1982. № 10. с. 110—118.
71. Расплата: Одноактная драма// Горы помнят подвиг отцов. Горно-Алтайск. 1984. с. 36—46.
72. С того берега: Повесть: /Пер. Е. Гушина// Дружба народов. 1984. № 11. с. 3—44.
73. «Мюнхаус» Кактанчи: Рассказ /Пер. А. Кузнецова// Поднять на смех!: Сатирические рассказы, стихи, басни, миниатюры писателей авт. респ. и обл. России — М.: Современник. 1984. с. 144—161.
74. Кайчи: Рассказ /Пер. А. Плитченко// Сиб. огни. 1985. № 5. с. 40—55.
75. Как Болот в космос летал: Рассказ /Пер. А. Плитченко// Сиб. огни. — 1985. № 8. с. 97—107.
76. Яшайма, брат мой...: Рассказ /Пер. В. Залещука// Сиб. огни. 1985. № 11. с. 44—50.
77. Экинур: Стихи// Алтай мой — колокол земли: Реперт. сборник. Горно-Алтайск. 1989. с. 66.
78. Пепел звезд: Повесть// Алтай. 1992. № 1.
79. На стезе возрождения: /О работе правления СП РА// Лит. Россия. 1995. № 30 июль. с. 6.
80. Дочь тайги черневой: Рассказ// Лит. Россия. 1996. № 15. с. 8—9.

О ТВОРЧЕСТВЕ

На алтайском языке

81—90. Ыбаш Каинчин: [Краткая биограф. справка] // Алтай литература: Хрестоматия 9—10 кл. — Горно-Алтайск, 1975. — с. 254; Алтай литература: Хрестоматия 5-6 кл. — Горно-Алтайск, 1977, — с. 242; Алтай литература: Хрестоматия 7 кл. — Горно-Алтайск, 1977, — с. 235; Алтай литература: Хрестоматия 9—10 кл. — Горно-Алтайск, 1978. — с. 255; Алтай литература: Хрестоматия 7 кл. — Горно-Алтайск, 1983. — с. 182; Алтай литература: Хрестоматия 10 кл. — Горно-Алтайск, 1987. — с. 169; Алтай литература: Хрестоматия 9—10 кл. — Горно-Алтайск, 1988. — с. 232—233; Алтай литература: Хрестоматия 7 кл. — Горно-Алтайск, 1992. — с. 164; Алтай литература: Хрестоматия 8 кл. — Горно-Алтайск, 1993. — с. 109; Алтай литература: Хрестоматия 11 кл. — Горно-Алтайск, 2000. — с. 264—298.

91. Аргымаева Н. Ыбаш Каинчинди кычырып тура. // Алт. Чолмоны. — 1975.— 29 май.

92. Киндикова Н. Произведениенин тили: [О литерат. языке произведений Д. Каинчина.] // Алт. Чолмоны. — 1975.—5 июнь.

93. Пак Е. Агитатордын кычыру сөзи// Агитатордын блокноды. — 1975.— № 6. — с. 39—43.

94. Киндикова Н. Кебер бүткүл бе? // Алт. Чолмоны. — 1976.—2 нояб.

95. Ченчаев И. Колхозтын лауреаттары / [О вручении денежной премии и диплома II степени «Колхозный лауреат» за книгу «Чабаны», учрежденную колхозом им. XXII-го партсъезда ЦК КПСС] // Алт. Чолмоны. — 1977.—11 нояб.

96. Тоенов В. Јолдон кайра бурыбас...: Очерк// Алт. Чолмоны. — 1978.— 27 сент.

97. Каташев С. Кижиди, иш, ырыс// Алтын-Көл. — 1978. — № 2 — с. 101—109.

98. Киндикова Н. Кайра баспас комсомол: [О повести «Кырада истер»] // Алт. Чолмоны. — 1978.—24 февр.

99. Киндикова Н. Јурт иш ле эмдиги алтай литература// Алт. Чолмоны. — 1980.—24, 28 окт.

100. Белеков М. Јайалталу бичиичи// Алт. Чолмоны. — 1985.—3 дек.

101. Төлөсөв К. Аттарыс жаңыс чакыда: К 50-летию со дня рождения// Алт. Чолмоны. — 1988.—25 июнь.

102. Киндикова Н. Журт јердин ижи Ј. Каинчиннин чүмдемелдеринде. — Иштин ээзи. — Јыбаш Каинчиннин телекейи// Алтай литература керегинде санаалар. — Горно-Алтайск, 1993—с. 112—129.

103. Каинчин Ј. Алтайыс, тилис бар... [Интервью с писателем о его жизни и литературном творчестве] Зап. Н. Бельчекова// Алт. Чолмоны. — 1993.— 17 март.

104. Мундус А. Айлыбыс жаңыс өзөктө: [О творчестве двух земляков: Д. Каинчина и А. Яймина] // Алт. Чолмоны. — 1993.—6 апр.

105. Киндикова Н. Јыбаш Каинчиннин чүмдемелдери// Киндикова Н. Алтай литератураны жаан класстарда үренери. — Горно-Алтайск, 1994. — с. 89—94.

БИЧИИЧИННИН 60 ЈАЖЫНА

106. Ередев А. Чын эмеш пе? Нөкөриме 60 јаш// Алт. Чолмоны. — 1998.— 24 июнь.

107. Итушев В. Јерлеш бичиичиге сөзим: Ј. Каинчиннин јайаандык ижи керегинде// Алт. Чолмоны. — 1988.—23 июнь.

108. Төлөсов К. Аттарыс жаңыс чакыда// Алт. Чолмоны. — 1988.— 24 июнь.

109. Тоенова Т. Элинин эрјинедий уулы// Алт. Чолмоны. — 1988.— 24 июнь.

110. Шинжин Т. Алтын чокту алтан јаш// Алт. Чолмоны. — 1988.— 24 июнь.

111. Енчинов Т. Јыбаш Каинчинге: Ылгер// Алт. Чолмоны. — 1998.— 8 июль.

112. Танытпасов С. Калыгынын бичиичизи// Алт. Чолмоны. — 1998.— 8 июль.

113. Тихонова А. Јыбаш Каинчиннин кеендиги// Алт. Чолмоны. — 1998.—3 нояб.

На русском языке

114. О награждении Д. Б. Каинчина орденом «Знак Почета»: Указ Президиума Верховного Совета СССР// Звезда Алтая. — 1976.—14 апр.

115. Присудить премию ленинского комсомола Алтая писателю Д. Б. Каинчину: Постановление бюро крайкома ВЛКСМ// Молодежь Алтая. — 1974.—31 янв.

116. Самык П. Каинчин пишет о своих земляках// Зв. Алтай. — 1970.— 24 янв.
117. Тендряков В. Далекий друг// Лит. газета. — 1972.—20 сент.
118. Храмцов Н. Люди из Корболу// Молодежь Алтай. — 1973.—16 июня.
119. Слово о молодых// Каташ С. С., Чичинов В. И. Путь молодой литературы. — Горно-Алтайск, 1973. — с. 107—108.
120. Гушин Е. Земля, которой он верен// Алт. правда. — 1973.—1 сент.
121. Антопольский Л. Поющее слово Алтая// Литература и ты. — М., 1973. Вып. 5. с. 45—55.
122. Никульков А. Об авторе: [Вступ. ст.]. // Каинчин Д. Люди одной долины. — Новосибирск, 1974. — с. 5—6.
123. Чичинов В. Лучшая книга еще впереди// Молодежь Алтай. — 1974. — 6 сент.
124. Чичинов В. Певец алтайского села// Зв. Алтай. — 1974.—1 окт.
125. Егоров Ю. Сопричастность// Зв. Алтай. — 1976.—17 авг.
126. Избранники народа: [Д. Каинчин избран депутатом Яконурского с/Совета] // Информационный бюллетень секретариата правления Союза писателей СССР — М., 1977.—№ 7. — с. 7.
127. Володин В. Колхоз вручает дипломы лауреатов: [Правление колхоза им. XXII партсъезда Усть-Канского района присудило Диплом II степени за сборник «Чабаны» Д. Каинчину] // Зв. Алтай. — 1977.—15 нояб.
128. Прохорова И. Верность родной земле// Молодежь Алтай — 1978—5 янв.
129. Киндикова Н. Новое время — новые люди: [О рассказе «Талкан»] // Зв. Алтай. — 1978.—11 февр.
130. Киндикова Н. Требование времени// Зв. Алтай. — 1979.—7 июля.
131. Турков А. История и современность// Байкал. — 1980.—№ 4. — с. 127—128.
132. Козлов К. Верность земле, где родился и рос: Портрет сельского интеллигента// Зв. Алтай. — 1980.—20 окт.
133. Гнатюк Н. Как отдыхаешь, культпросветчик? // Клуб и художественная самодеятельность. — 1980.—№ 2. — с. 25.
134. Палкина Р. Постигание зрелости// Лит. Россия. — 1981.—22 мая.
135. Сизых В. Обретения и потери// Алт. правда. — 1982.—5 сент.

136. Палкина Р. Проза Дибаша Каинчина// Национальное наследие и современность. — Горно-Алтайск, 1984. — с. 70—92.

138. Палкина Р. Идти от жизни// Зв. Алтая. — 12 февр.

139. Якимова Л. «Недежурный комплимент»: [О прозе Д. Каинчина] // Зв. Алтая. — 1993.—18 мая.

140. Шляховская Н. Социальная характерность и духовная самобытность художественного типа// Актуальные проблемы современной алтайской литературы: Матер. науч.-практ. конф. по алт. лит-ре 1988 года. — Горно-Алтайск, 1995. — с. 45-66.

141. Елемова Г. Низкий Вам поклон, Маэстро!: К 60-летию Д. Каинчина// Народная газета. — Горно-Алтайск, 1998.—1 июня.

142. Киндикова Н. В поисках хозяина земли// Идель — Казань. — 2000.— № 11. — с. 5.

143—144. Киндикова Н. Творчество Д. Каинчина: итоги последнего десятилетия// Киндикова Н. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. — Горно-Алтайск, 2001. — с. 174—180.

То же// Зв. Алтая. — 1988.—30 июня.

ЛИТЕРАТУРА ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И СБОРНИКАХ

О повести «Аба-жыштыг балазы»

145. Киндикова Н. Жыбаш Каинчиннин чүмдемели// Алт. Чолмоны. — 1990.—3 окт.

146. Тоёнова Т. Терен санандырды// Алт. Чолмоны. — 1990.—20 нояб. О повести «Голова жеребца».

147. Геройлордын кылык-жангы (О героях повести) // Алтай лит-ра. 9—10 кл. — Горно-Алтайск, 1988. — с. 247—250.

148. Антошин К. Роман и история// Актуальные проблемы современной алтайской литературы. — Горно-Алтайск, 1995. — с. 67—85.

О спектакле по повести «Голова жеребца»

149. Бочкина Т. Сценада — «Айгырдын бажы» // Алт. Чолмоны. — 1980.— 27 март.

150. Киндикова Н. Жангы спектакль// Алт. Чолмоны.—1980.—1 апр.

151. Максимов В. В то героическое время// Алт. правда. — 1980.—12 июня.

О сборнике «Деревня»

152. Төлөсов К. // Алт. Чолмоны. 1971.—20 февр.
153. Укачин Б. Сенинг повезинг// Алт. Чолмоны. — 1972.—27 сент.
154. Каинчин J. Алдыбыста — жүрүм: / Автор рассказывает о своей повести// Эл-Алтай. — 1998.—№ 1 — с. 12—35.

О повести «Адалар јолы» (Дороги отцов)

155. Киндикова Н. Каинчиннинг повези керегинде// Алт. Чолмоны. — 1988. 12 авг.
156. Киндикова Н. Јыбаш Каинчиннинг чүмдемели// Алт. Чолмоны. — 1990.—3 окт.
157. Киндикова Н. Чүмдемелди ылгаары// Киндикова Н. Алтай литератураны үренери. — Горно-Алтайск, 1995. — с. 65—66.
158. Торбогошева Л. «Адалар јолын» кычырып// Алт. Чолмоны. — 1988.—16 июнь.
159. Арамзин А. Туулардын кычыртузы// Сельская новь. — 1988.—20 июня.

О сборнике «Люди одной долины»

160. Антопольский Л. Поющее слово Алтая// Литература и ты. — М., 1973. — Вып. 5. — с. 44—45.
161. Казанцев И. // Алтай. — 1974.—№ 1. — с. 82—85.
162. Смолянская Т. Его земля// Лит. обозрение. — 1974.—№ 12. — с. 48—50.
163. Антошин К. Время больших ожиданий// Сиб. огни. — 1975.—№ 8. — с. 182—192.
164. Якимова Л. Единая, многоликая// Дальний Восток. — 1975.—№ 8. — с. 182—183.
165. Шапошников В. К утверждению самобытности// Лит. обозрение. — 1976.— № 4. — с. 31—32.
166. Никульков А. Молодая проза Сибири// Правда. — 1976.—4 дек.

О повести «Туулар бажынан кыйгы» (Крик с вершины)

167. Падерин И. // Сиб. огни. — 1984.—№ 11. — с. 168—169.
168. Андреева Т. Новинки «Современника» // Зв. Алтая. — 1986. — 1 июля.

169—170. Каташев С. Кижы, иш, ырыс// Алтай литература керегинде санаалар. — Горно-Алтайск, 1993. — с. 102—111.

То же// Алтын-Көл. — 1978.—№ 2. — с. 109—110.

О книге «Ожидание весны»

171. Буковицкий П. // Лит. обозрение. — 1987.—№ 9. — с. 174.

О повести «Жылдыстар когы» («Пепел звезд»)

172. Киндикова Н. Жылдыстар когынан жылдыс бүдер бе? // Алт. Чолмоны. — 1993.—9 июль.

173. Кленова А. Алтай фольклор бичиичилердин творчествозында// Алт. Чолмоны. — 1994.—13 май.

174. Байлагызов В. Өйлөрдиг колбузы// Алт. Чолмоны. — 1998.—20 янв.

175—176. Палкина Р. Пепел звезд// Эл-Алтай. — 1998.—№ 1. с. 188—191.

То же// Зв. Алтая. — 1998.—7 апр.

177. Билеров О. Чактардын белтиринде тартыжу//Алт. Чолмоны. — 1998.—24 дек.

О рассказах

178. Якимова Л. В Сибири не было войны: [О рассказе «Кайчи»] // Лит. Россия. — 1986.—21 февр.

179. Киндикова Н. Чүмдемелди ылгаары: [О рассказах «Кызычак ла Куранак», «Ай эски тун», «Көзибисте Көк-Кайа»] // Киндикова Н. Алтай литератураны школдо үренери. — Горно-Алтайск, 1995. — с. 27—32, 65—66.

180. Самин В. Кинчеги бойына једер: [О рассказе «Тит Тырышкиннин јангань»] // Алт. Чолмоны. — 1998.—17 июнь.

181. Нонуков Л. Јурт улустынг јүрүми// Сельская новь. — 1998.—20 июнь.

182. Киндикова Н. Алтайдын ээзи кем?!: [О рассказе «Баш ла болзын»] // Алт. Чолмоны. — 1998.—1 июль.

О книге «Койчылар» (Чабаны)

183. Јердин тузы, јердин ээзи// Алт. Чолмоны. — 1976.—28 авг.

184. Каташев С. Сеге кем де төлүлү, сен кемге де төлүлү // Алт. Чолмоны. — 1978.—17 март.

Библиографические пособия

185—186. Диваш Берукович Каинчин: [Краткая биограф. справка с библиограф.] // Писатели Алтая: Библиограф. справочник. — 2-е изд. — Барнаул, 1974. — с. 122—123.

То же // Лауреаты Ленинского комсомола Алтая: Библиогр. справочник. — Барнаул. — 1981. — с. 40—42.

187—188. Каинчин Диваш Берукович: Памятка читателю / К дням литературы и искусства Горного Алтая в Башкирии. — Горно-Алтайск, 1982.

То же // с доп. и изм. // К дням литературы и искусства Горного Алтая в Латвии. — Горно-Алтайск, 1986.

189. Каинчин Диваш Берукович: [Краткая биограф. справка с биограф.] // Писатели Горного Алтая: Библиограф. справочник. — Горно-Алтайск, 1988. — с. 50—56.

КИНДИКОВА *Нина Михайловна*
ШОКШИЛАНОВА *Анжелика Семеновна*

ХУДОЖНИК СЛОВА
(Статьи о творчестве Д. Б. Каинчина)

Ответственный редактор *Киндикова Н. М.*
Технический редактор *Кользенова Л. Г.*

Сдано в набор 23.01.2002 г. Подписано в печать 08.04.2002 г. Формат 60 x 84¹/₁₆.
Объем 10 п. л. Усл. изд.-п. л. 8,5+0,26. Тираж 400. Заказ 488.

Редакционно-издательский отдел
649000 г. Горно-Алтайск, пер. Театральный, 22

Горно-Алтайская республиканская типография,
649000 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

50p

